

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

8/2016(42)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

выпуск 10

Апатиты
2016

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра

8/2016 (42)

издается с декабря 2010 г.

УДК 621.314

ISSN 2307-5252

Главный редактор –
д.г.-м.н., проф. Ю. Л. Войтеховский

Заместители главного редактора:
д.г.-м.н., проф. В. П. Петров
д.т.н., проф. Б. В. Ефимов

Редакционный совет:
академик Г. Г. Матишов,
академик Н. Н. Мельников,
чл.-корр. В. К. Жиров,
чл.-корр. А. Н. Николаев,
д.э.н. Ф. Д. Ларичкин,
д.т.н. В. А. Маслобоев,
д.г.-м.н. В. П. Петров (зам. главного редактора),
д.т.н. В. А. Путилов,
д.ф.-м.н. Е. Д. Терещенко,
к.г.-м.н. А. Н. Виноградов (отв. секретарь)

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 10

Редакционная коллегия серии
«Гуманитарные исследования»:
д.г.-м.н. В. П. Петров (отв. редактор),
д.и.н. И. А. Разумова (зам. отв. редактора),
д.и.н. И. Ю. Винокурова,
д.филол.н. Н. В. Дранникова,
к.филол.н. Н. Н. Измоденова,
к.социол.н. Э. С. Клюкина,
д.э.н. Т. П. Скуфьина,
д.и.н. П. В. Федоров,
к.и.н. О. В. Шабалина,
к.и.н. О. А. Бодрова (секретарь)

184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, ул. 14,
Кольский научный центр РАН
Тел.: (81555) 79393, 79380, факс: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Федерального государственного бюджетного учреждения науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2016
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Разумова И. А. Биографии «строителей социализма» в советской областной очерковой литературе	5
Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Хроника послевоенного развития академической науки на Кольском Севере: от КБАН до КФАН СССР (1944–1949)	14
Саморукова А. Г., Петров В. П. Кратковременный, но поучительный эпизод в истории кольской академической науки (1961–1963 годы)	30
Виноградова С. Н. Основные тренды современного развития науки в странах Северной Европы	41
Дюжилов С. А. К истории возникновения Полярной опытной станции (1920–1923)	56
Шабалина О. В. Материалы персональных фондов А. Ф. Трешникова, В. П. Кальянова и И. С. Песчанского Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения и освоения Арктики	73
Сулейманова О. А., Пация Е. Я. Повседневно-бытовые аспекты адаптации саамов к городскому образу жизни	89
Бусырева Е. В. Этнографические исследования финнов Мурманской области	106
Змеева О. В. Гражданско-церковная церемония: позиции священников	116
Давыдова А. С. Церкви Кольского Севера в конце XX – начале XXI веков	128
Научная жизнь	
Змеева О. В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы устойчивого развития российских арктических городов»	138
Шабалина О. В. Историческая конференция к юбилею столицы Кольского края	141
Разумова И. А. Международная конференция памяти Татьяны Владимировны Станюкович	143

Russian Academy of Sciences

8/2016 (42)

transactions

Kola Science Centre

UDC 621.314
ISSN 2307-5252

Editor-in-Chief –
Yu.L. Voitehovskiy, Dr.Sc. (Geology and Mineralogy)

Deputy Editors-in-Chief:
Prof. V. P. Petrov,
Prof. B. V. Efimov

Editorial Council:

Acad. G. G. Matishov,
Acad. N. N. Melnikov,
Cor. Member V. K. Zhironov,
Cor. Member A. N. Nikolaev,
Prof. F. D. Larichkin,
Prof. V. A. Masloboev,
Prof. V. P. Petrov (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. V. A. Putilov,
Prof. E. D. Tereshchenko,
Prof. A. N. Vinogradov (Executive Secretary)

HUMANITARIAN STUDIES

series 10

Editorial Council of
«Humanitarian studies» Series:

Prof. V. P. Petrov (Editor-in-Chief),
Prof. I. A. Razumova (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova,
Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
PhD (Sociol.) E. S. Klyukina,
Prof. T. P. Skufina,
Prof. P. V. Fedorov,
PhD (History) O. V. Shabalina,
PhD (History) O. A. Bodrova (Secretary)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel. (81555) 79393, 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

CONTENTS

	Page
Razumova I. A. The biographies of "builders of socialism" in the soviet regional sketch references	5
Makarova E. I., Petrov V. P., Tokarev A. D. The chronicle of the postwar development of academic science on the Kola North: from the Kola Base of the USSR AS to the Kola Branch of the USSR AS (1944-1949)	14
Samorukova A. G., Petrov V. P. A shorttime but a very instructive period in the history of academic science on the Kola Peninsula (1961-1963)	30
Vinogradova S. N. The main trends of the contemporary scientific development in the Northern Europe	41
Djuzhilov S. A. On the history of the Polar experimental station establishment (1920–1923)	56
Shabalina O. V. Materials of A. F. Treshnikov's V. P. Kalyanov's I. S. Peschanskiy's personal funds of the Museum-Archive of the BCH KSC RAS as sources on the history of the Arctic investigation and exploration	73
Suleymanova O. A., Patsia E. Ya. Daily and household aspects of adaptation to urban way of life of the sami	89
Busyreva E. V. The ethnographic study of finns of the Murmansk region	106
Zmeyerova O. V. Civil-religious ceremony: the position of the priests	116
Davydova A. S. Churches on the Kola Peninsula in the late XX - early XXI century	128
Scientific Life	
Zmeyerova O. V. International scientific-practical conference «Current issues of sustainable development of Russian Arctic cities»	138
Shabalina O. V. The historic conference to the anniversary of the capital of the Kola North	141
Razumova I. A. International conference in memory of Tatiana Vladimirovna Stanyukovich	143

УДК 94(47):82-43(092)(470.21)

И. А. Разумова

БИОГРАФИИ «СТРОИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА» В СОВЕТСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОЧЕРКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

Аннотация

Статья посвящена проблеме конструирования институциональной биографии в литературной форме очерка. Материалом являются биографические очерки конца советского периода о выдающихся людях Мурманской области. Биография рассматривается в качестве одного из способов представления истории, который укоренен в национальной культурной традиции. Выявляются основные категории знаковых личностей в локальной истории, жизненные траектории участников освоения арктической территории в советское время, идеологические контексты и системы ценностей, под влиянием которых в рамках традиционных моделей презентировались социалистические преобразования и роль личности в этом процессе. Формальными основаниями для включения определенных личностей в «биографический словарь» Мурманской области являются наличие правительственных наград, званий, увековечение памяти в названиях улиц и культурных объектов. Выделены типовые схемы и семантика биографических нарративов.

Ключевые слова:

биография, семантика, нарратив, советский период, локальная история, Мурманская область.

I. A. Razumova

THE BIOGRAPHIES OF "BUILDERS OF SOCIALISM" IN THE SOVIET REGIONAL SKETCH REFERENCES

Abstract

The article is devoted to the problem of designing an institutional biography in sketch literature. Biography regarded as the way of presentation of history, which is rooted in national cultural traditions. The subjects are biographical sketches of the late Soviet period about outstanding people of the Murmansk region. Formal reasons of their inclusion in the biographical dictionary of the Murmansk region are the presence of government awards, the commemoration in the names of streets and cultural sites. The base types of iconic figures in local history also life trajectories of participants in the development of the Arctic territory in the Soviet era are revealed in the article. Socialist transformation and the role of personality in the process comprehended in the genre of biography under the influence of political-ideological contexts, and a certain system of values. All this is presented within the framework of traditional narrative models. Main typical schemes and semantics of the biographical narratives are selected.

Key words:

biography, semantics, narrative, Soviet period, local history, Murmansk region.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ по проекту № 16-11-51002 «Осмысление опыта советской урбанизации арктической территории в мемуарно-биографических источниках: социально-антропологический ракурс».

Биография как способ представления истории

Неотъемлемой частью локальной истории является пантеон выдающихся личностей. Он создается профессионалами – историками, писателями, журналистами, которые опираются на фактологическую базу источников и на «живую память», если речь идет о «молодой» истории. История и социальная память, будучи инструментами политики, конструируются определенными социальными инстанциями, представителями которых выступают авторы. К настоящему времени международная историография проблем, связанных с конструированием истории и памяти различных сообществ в интересах политических институтов, чрезвычайно обширна, ограничимся ссылкой на один из информативных обзоров [Жуков, 2013]. Биографические повествования, которые по существу определяют состав действующих лиц истории, полноправно включаются в это поле «истории – памяти». Они выполняют социально-интегрирующую функцию, поэтому типы, способы построения, варианты жизненного пути умножаются по мере дифференциации общества [Дубин, 2001: 102; Мещеркина, 2002: 67]. Основными инстанциями, на которые ориентируются биографические модели, Б. В. Дубин предлагал считать институциональную структуру общества, образы социального авторитета и универсальную ценность личностной автономии [Дубин, 2001: 112–117].

Обращая внимание на многообразие типов биографий, написанных другими (то есть не автобиографий), В. Б. Голофаст отмечал, что все они, как правило, имеют институциональный характер и «крайне редко подвергаются научному анализу как биографии, поскольку институциональный контекст очевидным образом довлеет над жизненным содержанием» [Голофаст, ЭР]. Вместе с тем и эти биографии интересны, не только тем, что представляют нормативно-ценностные модели жизни человека, социальные ориентиры определенной эпохи и культуры, но также своими текстовыми воплощениями и позициями биографов. С социологической точки зрения, «„знание“ биографа составляют значимые для него по стандартам его культуры обстоятельства, из которых по правилам его метода выстраивается удовлетворяющая его и его референтную группу фактичность обстоятельств героя» [Дубин, 2001: 117]. Одновременно статусная позиция биографа, во многом определяющая мотивацию, меру и форму творчества, «образует лестницу от боговдохновенности до административного поручения» [Лотман, 1997: 807]. Дифференцирующую роль выполняют уровень литературной компетенции автора, какую бы институцию или группу он ни представлял, и свойства предполагаемой читательской аудитории.

Селекция «жизненного материала», биографических сведений для включения в жизнеописание персонажа определяется совокупностью факторов. Главными из них, как справедливо, по всей вероятности, считает А. И. Рейтблат, являются «социальная функция биографического жанра и господствующее в данном обществе антропологическое видение человека, представления о целях его существования» [Рейтблат, 2014: 206]. Анализу конкурирующих на сегодняшний день концепций индивида в конструировании и интерпретации биографий ранее посвятил специальную работу В. Б. Голофаст [Голофаст, ЭР]. На формы биографии и конкретные тексты влияют культурные табу данного общества, ограничивающие круг допустимых тем и обстоятельств, а также механизмы наррации, выработанные традицией: «Тут действуют смысловые

интерпретационные схемы, определяемые культурным тезаурусом биографа» [Рейтблат, 2014: 207]. Важно, как понимается и выстраивается, в каких категориях осмысливается и излагается «внутренняя история» человека в соответствии с разделяемой автором культурной доминантой времени и группы, к которой он принадлежит [Лотман, 1997].

Большое значение биографов в России, будь они специалисты-историки или литераторы иного профиля, определяется тем, что «здесь массовое сознание обычно осмысляет историю не в рамках генерализованных понятий, закономерностей и тенденций, а через личностные и семейные модели. Поэтому значимы не столько идеологические и политические программы (характерно, что современные партии не предъявляют их, а электорат не очень ими интересуется), сколько лидеры. И история трактуется как цепь биографий» [Рейтблат, 2014: 194]. В свою очередь, выдающиеся персоны могут представлять от лица истории любого масштаба – национальной, локальной, этнической, корпоративной и т.д.

«Не просто имя – биография страны» – органичное название для серии книг, в которых собраны биографические очерки «о людях, оставивших заметный след в истории Мурмана», или «выдающихся людях Мурманской области» (из аннотаций) [Не просто имя, 1987; 1989; 1990; 1991]. Девиз этого цикла книг – «Имя, оставленное людям». Формальным критерием отбора персонажей являются материальные свидетельства присутствия в локальной истории: поименованные в их честь улицы и другие локусы, производственные и культурные объекты как «места памяти». История отдельного региона представляет матрицу истории всей страны. Местная топонимия всегда включает имена мировой, общенациональной и региональной значимости в некоторой пропорции. Болезненное отношение к переименованию улиц и прочих элементов культурной среды связано не только с тем, что этот акт означает пересмотр концепции истории («зачеркивание прошлого»). Не менее важно переживание по поводу «попрания памяти» о конкретной личности: уничтожение имени равно акту вандализма в отношении памятника, нет имени – нет человека и т.п. В местах с «молодой историей» ее герои еще продолжают жить в памяти коммуникативной.

Содержание биографий данного собрания хронологически укладывается в границы между Первой мировой войной и 1970-ми годами (исключая детство и раннюю юность нескольких персонажей). Время подготовки и выхода издания пришлось на завершающую стадию жизни той страны, историю которой биографии воплощают. Этот этап часто обозначается как «фаза стагнации» советского общества, и он идеально подходит для подтверждения устоявшихся общественных норм и ценностей, подведения итогов. Биография придает цельность индивидуальной жизни, подытоживает ее и наделяет смыслом. Тем самым она как жанровое образование (совокупность жанров) соответствует периоду «постепенной рутинизации “революционного” импульса, нормализации существования, когда закрепляются победы, подводится баланс достижений и утрат» и т.п. [Дубин, 2001: 101].

«Исключительность, дающая право на персональное включение в память коллектива, может быть различной количественно и качественно, – писал Ю. М. Лотман. – В количественном отношении она может заключаться в исключительно точном выполнении нормы, которая сама по себе ничего

исключительного в данном обществе не представляет» [Лотман, 1997: 806]. Для биографа как литератора это большая проблема. Внутреннего сюжета, который бы развертывался в виде пути самоопределения, преодоления себя или просто личностных изменений, институциональная биография не предполагает, а реального жизненного, событийного материала для того, чтобы драматизировать сюжет, слишком мало.

В традиции нормативное членение жизненного пути человека ориентируется на переломные события «личной», семейной жизни. Они легче поддаются драматизации и романтизации. Однако в нормативной биографии эти аспекты или отсутствуют, или отступают на периферию: у «правильного» социального героя должны быть семья и потомки, о чем должно быть упомянуто. Более того, человек, удостоившийся биографии, должен соответствовать моральным нормам своего времени, поэтому факты «личной жизни» подлежат селекции. Так, в ярком очерке А. А. Киселева о В. И. Кондрикове в полном согласии с фактами говорится, что в Хибины тот приехал с женой – бывшей балериной, которая бросила учебу и приобрела другую специальность, чтобы делать одно дело с мужем [Не просто имя, 1987: 83]. Такая семья являлась образцовой с точки зрения патриархальных ценностей, которые прочно утвердились в советском обществе с конца 1920-х гг., так как оказались в гармонии с советской идеологией брака (супруги, в первую очередь, друзья и соратники). И только два десятилетия спустя в биографической статье, которая во многом повторяет предыдущий очерк, А. А. Киселев отметил, что анкетные характеристики Кондрикова не были «безупречны» с точки зрения той же идеологии, поскольку член партии оставил прежнюю семью, чтобы жениться на балерине [Киселев, 2005: 76].

Далеко не у всех «выдающихся личностей» столь яркая судьба, что она сама по себе превращает фактографическое повествование в приключенческую повесть или сценарий для шпионского боевика, как, например, у революционера И. И. Александрова [Не просто имя, 1987: 37–52]. В большинстве случаев биографы прибегают к «общим местам» – неотъемлемому элементу жанрового литературного этикета. Одно из них – констатация «обычности» биографии персонажа: «В биографии Ивана Петровича Потанина нет ничего необычного. Однако выросший на своей земле, любивший ее, свою родину, он в годы большого поворота в судьбе ее нашел четкое место в строю, стал в центре бурных событий» [Не просто имя, 1987: 73]; «Судьба Агеева удивительно схожа со многими другими. Не в мелких типовых чертах характера, быта, а в отношении к делу, которому служишь. <...>. И когда мы говорим «красивая биография», то подразумеваем не только яркие, необыкновенные страницы жизни, а именно это служение делу, доведенное до самоотдачи» [Не просто имя, 1987: 257].

Институциональная биография обращает не к человеку, а к внешним историческим событиям, подчеркивает их значение и надличностные смыслы. Закономерно, что во многих рассмотренных случаях биография, с точки зрения современного читателя, является лишь поводом для основанного на документах и свидетельствах очевидцев рассказа об истории хозяйственного освоения региона, государственного и регионального управления, строительства городов и предприятий, деятельности отраслей, создания различных служб и прочих исторических сюжетов. Так, биография М. И. Старостина, который фактически руководил Мурманской областью (был первым секретарем обкома партии)

в 1939–1945 годах, в период, предшествовавший переводу его на Кольский Север, сводится к послужному списку, а это большой отрезок жизни [Не просто имя, 1987: 151–153]. Остальное содержание жизнеописания посвящено истории военных лет и представляет рассказ о первых месяцах войны, о работе мурманского порта, дипломатических контактах с Великобританией, о перестройке работы на военный лад, налаживании выпуска оборонной продукции, о комплектовании дивизии ополчения, взаимодействии партийных органов с Северным флотом и других сторонах жизни прифронтового региона, города. Повествование явно опирается на документы партийного архива, которые хорошо изучены автором – профессиональным историком А. А. Киселевым [Там же: 154–165]. Связь с конкретной личностью обеспечивается исключительно тем, что всеми этими вопросами М. И. Старостин занимался в силу возложенных на него больших обязанностей.

Необходимость заполнить лакуны в фактическом материале и преодолеть «бессобытийность» биографии предоставляет возможность авторам рассказать об истории места, где жил и работал герой, особенно если речь идет о местном и сельском жителе. Биографическая траектория одного из активистов колхозного строительства на Кольском полуострове И. П. Потанина начинается с 1917 г., когда потомственному рыбаку было под 30 лет. Начальный этап биографии заменяется рассказом о старинном селе Ковда, где он жил, поморском быте, информацией о ковдских лесозаводах [Не просто имя, 1987: 72–73] – предыстории советского времени. Биография летчика П. К. Овчинникова встроена в свободное повествование об истории авиации в Хибинах и Мурманской области [Там же: 118–130], тем более познавательное, что автор, М. В. Головенков, по профессии летчик и был начальником штаба Мурманского объединенного авиационного отряда и т.п.

С точки зрения исторического и биографического содержания очерки исключительно «привязаны» к региону. Единицы их героев являются уроженцами Мурманской области, многие уехали в другие края, выполнив здесь свой служебный долг, причем время работы на Кольском Севере не у всех было продолжительным. В частности, у некоторых активистов революционных событий оно ограничилось месяцами. Разумеется, вклад той или иной личности в развитие региона не определяется продолжительностью проживания в нем (как и самим фактом проживания), но регионально-ориентированная биография концентрируется именно на этом этапе жизни персонажа. Для соблюдения полноты жизнеописания сведения о миграционной траектории и заслугах перед другими регионами и страной в целом тоже наличествуют, но в максимально сжатом изложении.

Таким образом, история социальных и индустриальных преобразований на Кольском полуострове получает антропологическое измерение.

Структура регионального пантеона и типы биографий

Издание «Не просто имя – биография страны» не заявлено как обобщающее, но во многом оно таким является – не столько по составу персоналий, который мог быть значительно расширен, сколько по способу представления советского регионального пантеона. Базируясь на его структуре и содержании, можно определить основные категории знаковых личностей в локальной истории. В скобках заметим, что типология в целом подтверждается

и может быть детализирована на более широком материале очерково-биографической литературы, в частности, избранных очерков, опубликованных в известных в регионе сборниках [Хибинские клады, 1972; Белоусов, 1975; Пульс Хибин, 1984; Мурман – край российский, 1985 и др.].

Формальным основанием, которое дает право на включение имени в «биографический словарь» Мурманской области и на сохранение «имени» в истории, является наличие у персоны правительственных наград и званий. Как правило, знаки отличия отмечаются в начале или в конце текста биографии. Уровень признания заслуг человека государством, выраженный званиями, является показателем дифференциации членов общества, а значит, и персонажей биографий. Присвоение званий Героя Советского Союза или Героя Социалистического Труда, как и ныне Героя России, означает самую высокую санкцию на включение в отечественную историю в качестве действующего лица, героя исторических сюжетов. Человек приобретает неоспоримое право на биографию, а историки, биографы, составители учебников и справочных пособий, журналисты – обязанность в буквальном смысле «вписать» его в исторический текст.

Содержательный аспект биографии составляет деятельность, увенчанная достижениями, или поступки, за которые получены награды, звания и установлены мемориальные объекты. Они маркируют личность и собственно создают биографию. Рассказ об этой деятельности, осмысливаемой и описываемой как «подвижничество», или о «деянии», квалифицируемом как «подвиг» (боевой или трудовой), образует сюжет повествования.

Люди, достойные биографии, в случае советского Кольского Заполярья (с 1938 г. – Мурманской области) могут быть сгруппированы в несколько основных социальных и символических общностей в зависимости от того, в каких сочетаниях и отношениях находятся их объективные статусные и символические характеристики. Известная группировка биографий присутствует в самом распределении по отдельным книгам серии «Не только имя – биография страны», причем по мере выхода сборников она происходит в направлении специализации. Если в первой книге (1987 г.) опубликованы биографии людей, которые могут быть отнесены к разным типам в зависимости от времени, места деятельности, статуса, профессиональной специализации, характера заслуг, то во второй представлены истории жизни героев одного времени (и события) – Великой Отечественной войны, а в четвертом выпуске (1991 г.) собраны очерки о представителях только одной организации – Мурманского морского пароходства. По этой причине для первоначального анализа текстов более всего подходит первый выпуск серии.

Одним из главных оснований причисления к выдающимся личностям является активное участие в эпохальных исторических событиях, которые структурируют историю государства: революция, войны. Борцы за советскую власть и ее учредители на местах, герои Гражданской и Великой Отечественной войн – особые категории биографируемых. В качестве подтипов могут быть выделены участники обеих войн, особо – павшие от рук контрреволюционеров, убитые на той или другой войне. Смысл и цельность таких биографий обеспечиваются тем, что на линии жизни выделен главный отрезок и отмечены главные события, в них и спрессовано повествование. Все, что было «до» и «после», представляет преамбулу и послесловие, даже если, например, после войны человеку была уготована долгая и содержательная жизнь.

Еще одну и очень весомую группу достойных биографии людей представляют партийные, советские и хозяйственные руководители областного и поселенческого уровней. В их числе выделяется специфический для периода индустриального развития территории и важный для региона тип – «руководители строек социализма». Биографии партийных, советских и хозяйственных руководителей социалистической индустриализации Кольского Заполярья включаются в историю в силу управленческого статуса, который определял масштабы деятельности, значимость решений и меру ответственности за них, а также число и уровень правительственных наград.

Следующую категорию образуют профессионалы – «рядовые труженики» различных сфер деятельности или руководители низших звеньев, например, городских служб и организаций, отмеченные наградами и мемориальными знаками в городах и поселках. Отдельно можно рассматривать биографии погибших в мирное время – «на трудовом посту» или при исполнении служебного долга, если речь идет о представителях профессий группы риска (прежде всего, милиционерах).

Завершение жизни и «рядовых тружеников», и руководителей определяет тип биографии. В первом случае (относительно продолжительной жизни и «естественной смерти») жизненная траектория представляет «трудовой путь», на котором преодолеваются различные барьеры внешнего и внутреннего (в институциональных биографиях отсутствующего) свойства и осуществляется восхождение от одного достижения к другому. Оно подтверждается получением и накоплением наград, а также карьерным ростом – в большей степени в биографиях руководителей.

Структурную аналогию биографии как «трудового пути» составляет христианское «житие-биография», персонаж которого, отмеченный святостью, пребывает в постоянном труде – от рождения до преставления. Разумеется, концептуализация «труда», его различные значения социально и культурно детерминированы. Уместно напомнить идею Л. Февра о том, что в европейской культуре трудящиеся получили «право на историю» именно тогда, когда труд стал пониматься как общественная обязанность, и потому, что были «трудящимися», а не потому, что были «обездоленными» [Февр, 1991: 367]. В советской культуре и идеологии это понятие обладало высшей нравственной ценностью [Здравомыслов, 1981; Магун, 1998 и др.]. При этом культура жизнеописаний базируется на традиционных нарративных моделях, сформированных в средневековой христианской литературе и обладающих определенной семантикой. Труд в биографии советского человека, как в каноническом житии, наделяется смыслом «служения» высшей цели, а значение личности определяется качествами, полностью соответствующими категории «святости»: внутренней стойкостью, бессеребренничеством, трудолюбием, умением преодолевать или игнорировать житейские невзгоды, альтруизмом и т.д. Данный тип, которому более всего соответствует этос интеллигенции [Соколов, 2007], в рассматриваемом сборнике особенно ясно выражен в двух жизнеописаниях, в обоих случаях – провинциальных врачей: И. И. Шилейко и Г. А. Сологуба [Не просто имя, 1987: 131–140, 179–192]. Остальные персонажи, так или иначе, также наделяются названными качествами.

Если же знаком отличия персоны является гибель во время (в результате) исполнения служебных обязанностей, то сюжетно-семантическое

ядро биографии создается самим фактом неестественной смерти, которая приобретает значение героической. Повествование при этом тяготеет к жанру жития-маририя, в котором все биографические подробности, если они имеются, выполняют функцию предыстории главного события. Из всех событий индивидуального жизненного пути (рождение – инициация, брак – смерть) завершение жизни человека является важнейшим основанием дифференциации биографируемых личностей. Оно связано с наделением жизни смыслом через интерпретацию смысла смерти [Змеева, Разумова, 2013]. Ключевыми смыслами жизни и смерти, которые заложены в национальной культурной традиции и совершенно необходимы для советской институциональной биографии, являются «подвижнический труд» и «самопожертвование».

Характерной чертой региональной истории и, соответственно, биографий является акцентирование признака «первенства» – в его прямом, временном значении. Само советское государство в историческом дискурсе презентуется как первое в истории. В случае же слабозаселенной заполярной территории стремительная социалистическая индустриализация воспринимается, мифологизируется и поэтизируется как «начало времен». Быть «первым» здесь не очень сложно. Понятие «первопроходец» употребляется очень часто, в расширенном значении и, как правило, во множественном числе. Оно может использоваться по отношению к значительной части населения, вовлеченной в процессы строительства и налаживания жизни городов и предприятий, развития мореходства и полярного земледелия, создания научных разработок, обосновывающих необходимость цивилизационной деятельности в Арктике и т.д. В институциональных биографиях советского времени атрибут «первый» служит дополнительным обоснованием выбора ее героя. У прораба и ударника Ф. Ф. Коновалова, удостоенного звания Героя Советского Союза в годы войны, фронтовой сюжет является главным в биографии, но одновременно он – «первостроитель» города Ковдора [Не просто имя, 1987: 279–285]. Оленевод В. Н. Юрьев – Герой Социалистического Труда, и основу очерка составляет рассказ о его деятельности в мирное время, причем подчеркивается, что он «первый саам», получивший это звание [Там же: 235–244]. Погибший на рабочем месте горняк М. Ф. Чуйкин – тоже «первый» Герой Социалистического Труда, но на предприятии «Апатит» [Там же: 286–294]. С мотивом «первенства» связано основное содержание биографии пилота П. К. Овчинникова, погибшего в годы войны. В данном случае для биографа героическая гибель имеет меньшее значение, чем тот факт, что П. К. Овчинников был первым летчиком в Хибинах. В другом очерке того же автора он назван «Колумбом Кольского неба» [Головенков, 1985].

Задача институциональной биографии – закрепление присвоенного индивиду статуса. Авторы позднесоветского периода не выходят за рамки советской практики биографирования и заданных норм, которые трансформировались по мере изменений политического курса в стране. Биографии некоторых репрессированных руководителей и организаторов производства периода индустриализации Заполярья к этому времени уже получили более или менее внятное завершение в литературе. На возможность писать о судьбах репрессированных, их посмертной реабилитации была дана «санкция» официальной историографии, поскольку тем самым утверждалось историческое значение XX съезда партии. А. А. Киселев, располагавший

архивными данными, привел сведения о характере обвинения, предъявленного В. И. Кондрикову, и отметил, что на следствии он держался мужественно, «никого из товарищей по партии и работе в Хибинах не оговорил», а также констатировал, что его расстреляли [Не просто имя, 1987: 88–89]. Автор очерка о Н. К. Гладышеве журналист Х. Махаев более лаконичен и избегает слова «расстрел» (а может быть, не был уверен в факте): «Его обвинили во вредительстве, объявили врагом народа... Реабилитировали после XX съезда КПСС, посмертно. Память об этом человеке <...> жива и поныне» [Не просто имя, 1987: 117].

Форма биографического очерка позволяет авторам то более, то менее успешно адаптироваться к правилам этикетной биографии своего времени: возмещать недостаток одной информации за счет другой, заменять факты риторикой, заполнять пропущенные звенья рассуждениями, основанными на рациональной логике, и прибегать к прочим литературным приемам. Благодаря очерковой форме институциональная биография превращается в произведение для чтения, что способствует выполнению основной ее функции. Одновременно она становится посредником в сообщении исторической информации. Рассматриваемые и аналогичные тексты иногда используются в качестве исторических источников, хотя все сведения нуждаются в документировании. Самая же ценная информация, которая в них заключается, состоит в том, что данный вид биографий дает представление об одном из способов конструирования «большой» и «малой» истории.

Список литературы

Белоусов В. С. Хибинские миллионы. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1975. 40 с.

Головенков М. «Колумб Кольского неба» // Мурман – край российский / Сост. В. Сорокажердьев. М.: «Современник», 1985. С. 176–189.

Голофаст В. Б. Концепции индивида и пространство биографий // В. Б. Голофаст. Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаст; под ред. О. Б. Божкова. СПб.: «Алетейя», 2006. С. 355–364. URL: http://www.pseudology.org/Gallup/Golofast_indivd.htm.

Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета // Б. В. Дубин. Обращенный взгляд / Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 100–119.

Жуков Д. С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена // Ineternum. 2013. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-pamyat-klyucheveye-issledovatelskie-problemy-i-interpretatsii-fenomena>.

Здравомыслов А. Г. Нравственная ценность труда при социализме. М.: «Знание», 1981. 40 с.

Змеева О. В., Разумова И. А. Герои – виновники – жертвы: проблематизация смерти и захоронения в случае коллективной гибели людей // Труды Карельского научного центра РАН. Серия «Гуманитарные исследования». 2013. № 3. С. 113–122.

Киселев А. А. К характеристике образа и типовых черт покорителя тундры 30-х годов XX века (Василий Кондриков) // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде. Мурманск: МГПУ, 2005. С. 76–81.

Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Ю. М. Лотман. О русской литературе. СПб: Искусство-СПБ, 1997. С. 804–816.

Магун В. С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. № 4. 1998. С. 113–144.

Мещеркина Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61–67.

Мурман – край российский / Сост. В. Сорокажердьев. М.: «Современник», 1985.

Не просто имя – биография страны. Кн. 1. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1987. 304 с.; Кн. 2: 1989. 431 с.; Кн. 3: 1990. 368 с.; Кн. 4: 1991. 154 с.

Рейтблат А. И. Писать поперек. Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛЮ, 2014. 416 с.

Соколов А. Демифологизация русской интеллигенции // «Нева». 2007, № 8. URL: <http://intelligentia.ru/demifologizacija-ruskoj-inteligenci.html>.

Февр Л. Бои за историю. М.: «Наука», 1991. С. 367.

Хибинские клады. Воспоминания ветеранов освоения Севера. Л.: Лениздат, 1972.

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Razumova Irina Alekseevna,

Doctor of Science (History), Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 061.62:94 (470.21)

Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев

ХРОНИКА ПОСЛЕВОЕННОГО РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: ОТ КБАН ДО КФАН СССР (1944–1949)²

Аннотация

В статье освещается и анализируется исторический опыт ускоренного восстановления научного потенциала, определения приоритетов и целенаправленной организации научных исследований Кольской базы АН СССР в первые послевоенные годы. Обосновывается важная роль конструктивного взаимодействия, в том числе на личностном уровне, руководства местных партийно-государственных органов и научных учреждений.

Ключевые слова:

Академия наук СССР, Кольская база АН СССР, Мурманский обком ВКП (б), Первая послевоенная закрытая расширенная сессия Ученого совета Кольской научно-исследовательской базы им. С.М. Кирова АН СССР.

² Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ по проекту № 16-11-51002 «Осмысление опыта советской урбанизации арктической территории в мемуарно-биографических источниках: социально-антропологический ракурс».

E. I. Makarova, V. P. Petrov, A. D. Tokarev

THE CHRONICLE OF THE POSTWAR DEVELOPMENT OF ACADEMIC SCIENCE ON THE KOLA NORTH: FROM THE KOLA BASE OF THE USSR AS TO THE KOLA BRANCH OF THE USSR AS (1944-1949)

Abstract

The article highlights and analyses the historical experience of rapid scientific potential's restoration and appointment of priority purposeful organization of scientific research in the Kola Base of the USSR Academy of sciences in the first postwar years. It is proved the important role of constructive engagement, including on a personal level, of the leadership of the local party-state bodies and academic institutions.

Key words:

Academy of sciences of the USSR, the Kola Base of the USSR Academy of sciences, Murmansk regional party organization, the first postwar closed extended meeting of academic council of the Kola Base named of S.M. Kirov of the USSR Academy of sciences.

В истории кольской академической науки особое место занимают первые послевоенные годы, когда Кольская база АН СССР создавалась фактически заново. Опыт научно-организационной работы по восстановлению Базы АН СССР на Кольской земле являет поучительный пример эффективного взаимодействия ученых с производством при активной поддержке власти. Именно в рамках такого подхода к решению стратегических государственных задач по восстановлению и развитию экономики Мурманского региона за сравнительно короткий период была подготовлена почва для реорганизации Базы в крупное комплексное учреждение со статусом филиала Академии наук СССР.

По возвращении из эвакуации в Сыктывкар в августе 1944 г. Кольская база АН СССР возрождалась в буквальном смысле из пепла, поскольку прежде ее главное здание «Тиетты» сгорело еще в 1941 г. Всем комплексом научно-организационных, финансово-хозяйственных вопросов по восстановлению Базы, ее научного потенциала руководил зам. директора Базы Ф. М. Терновский, верный соратник академика А. Е. Ферсмана.

Наиболее полное представление о динамике послевоенного восстановительного периода Кольской базы дают архивные документы научно-организационной деятельности КБАН – отчеты, программы работ, материалы совещаний и конференций, а также деловая переписка Ф. М. Терновского с академиками А. Е. Ферсманом и Д. С. Белянкиным, с первыми руководителями Мурманского обкома ВКП (б) М.И. Старостиным и А. М. Кутыревым, наполняющая сухую хронику послевоенных будней Базы образами подлинной истории возрождения кольской науки. Следование традициям ферсмановского академического научного учреждения и поддержка власти направляли Ф. М. Терновского в этот сложный период.

В результате за неполных четыре года Кольская база смогла не только восстановить, но и существенно увеличить свой научный потенциал.

Как это происходило?...

Решение о воссоздании Кольской базы АН СССР на территории Мурманской области было продиктовано самой жизнью. Одним из факторов являлось наличие железных руд на Кольском полуострове, требовавшее серьезного научного обоснования проекта создания металлургической базы в

северо-западном районе страны, необходимость которой обсуждалась 13 ноября 1944 г. в ходе личной встречи президента АН СССР В. Л. Комарова с главой государства И. В. Сталиным. Перед Академией наук был поставлен ряд научных задач поиска и исследования полезных ископаемых территорий от Онежского и Ладожского озер к Северу [АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 197. Л. 1–6.]

В конце июня 1944 г. Ф. М. Терновский прибыл на Кольский полуостров для организации подготовительных работ по приему Базы из эвакуации. Личный состав Кольской базы вернулся в г. Кировск к сентябрю 1944 г. – 35 % научных и научно-технических сотрудников из штата бывшей Северной базы АН СССР. Почти все имущество осталось в распоряжении новорожденной Коми базы АН СССР.

Кольская база разворачивала свою послевоенную деятельность в поселке Апатитовая гора (п. Кукисвумчорр) в пригороде г. Кировска в выделенном комбинатом «Апатит» здании [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 65–66].

О ходе и проблемах восстановительных работ Базы Ф. М. Терновский регулярно информировал в своих письмах, адресованных директору Базы А. Е. Ферсману: «Дорогой Александр Евгеньевич! Ваша телеграмма чрезвычайно ободрила нас и вселила уверенность, что База с работами 1945 года справится по-боевому, раз Вы возвращаетесь к работе и первые Ваши мысли направлены к нам, Вашим сотрудникам по Кольскому Северу. Мы искренне рады, что Вы, дорогой Александр Евгеньевич, здоровы и интересуетесь нашей работой. Посылаю Вам годовой отчет Базы, представленный мною Совету филиалов и баз, считаю необходимым дополнить его информацией о состоянии дел на Базе в настоящее время. <...> По возвращении из Москвы я в январе с.г. был у Максима Ивановича <Старостина Максима Ивановича, первого секретаря Мурманского обкома ВКП (б) в 1939–1945 гг. – автор. примеч.> <...> Беседа наша длилась в течение двух часов. В нашей беседе был затронут также вопрос о размещении Базы. Я настаивал на передаче нам одной секции (12 квартир – 44 комнаты) в каменном доме. Максим Иванович дал указание Селезневу <Селезневу Михаилу Ивановичу, директору комбината “Апатит” в 1942–1952 гг. – автор. примеч.>, последний всячески тормозит решение этого вопроса и чтобы мы не имели возможности дальше поднимать этот вопрос, комбинат “Апатит” дал распоряжение оборудовать в нашем здании водопровод и канализацию. <...> Так как нам все же будет тесно в одном деревянном (шведского типа) доме, комбинат предлагает второй такой же дом для размещения Базы. Мы сейчас в основном лаборатории смонтировали, дали тягу, правда, пока естественную, т.к. не установили еще вентиляторы, но, во всяком случае, на 90 % мы уже в рабочем состоянии. Переезд в другое помещение отсрочит начало работ лабораторий и потребует напряжений всех наших сил на монтаж и оборудование. Все это несколько пугает нас, а с другой стороны, если комбинат “Апатит” не сделает водопровода и канализации, мы не сможем нормально работать в лабораториях», – так в письме от 1 марта 1945 г. во всех подробностях Ф. М. Терновский описывает свои хлопоты и трудности восстановительного периода из жизни Базы [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 136. Л. 1–3]. Ф. М. Терновский сетует на ситуацию: «Разрубить этот гордиев узел предоставлено мне одному. Мои ближайшие помощники – зав. отделами (Чумаков, Каспарова) находятся в Москве и Ленинграде и собираются пробыть там до мая месяца. <...> Каспарова Биологический отдел укомплектовала

полностью постоянным штатным составом, и сотрудники уже прибывают на Базу, по линии Геологического отдела никаких перспектив пока нет...» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 136. Л. 3]. Из письма следует, что Ф. М. Терновский решал организационные вопросы Базы по обеспечению научных работ во взаимодействия с Мурманским обкомом ВКП (б).

Анализ отчетов о результатах работы Базы и ее подразделений за 1944 г. показывает динамику восстановления научного потенциала. Если на момент возвращения научный и научно-технический персонал Базы составлял 19 чел., то на 1 декабря 1944 г. их число составляло 89 чел. при общем количестве сотрудников Базы 116 чел. (для сравнения – 90 чел. в 1940 г.) [ГАМО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 189. Л. 12]. Архивный документ «Отчет о восстановительных работах и научной деятельности Кольской базы им. С. М. Кирова за 1944 год» на 22-х листах с оборотом подробно отражает эволюционные изменения в кадровом составе Кольской базы, начиная от выполнения распоряжения от 3 июня 1944 г. Бюро Совета филиалов и баз АН СССР «О разделении кадров и определении порядка раздела имущества Базы по изучению Севера» до состояния на 01 января 1945 г. Изменения в структуре Кольской базы с момента возвращения в 1944 г. до конца 1945 г. показывают, как существенно она увеличилась, включая: 1) дирекцию, 2) геолого-геохимический отдел с секторами геологии, минералогии, геохимии и лабораториями – апатитовой, черных металлов и аналитической; 3) биологический отдел с секторами почвоведения, геоботаники, растительных ресурсов, лабораторией биохимии и физиологии растений и Енской экспериментальной базой; 4) Полярно-альпийский ботанический сад с сектором интродукции, аналитической группой, садово-производственной и хозяйственной частью; 5) сектор экономических исследований; 6) научно-подсобные <научно-вспомогательные – автор. примеч.> учреждения с лабораторией свето-фото-копии, научной библиотекой и научным фондом <научным архивом – автор. примеч.>; 7) административно-хозяйственный отдел, включавший главную бухгалтерию, спецчасть и кадры, секретариат и хозяйчасть. Следует отметить также и очевидный приоритет в пользу «новорожденной» Коми базы АН СССР из приведенной в отчете «Ведомости раздела материальных ценностей между КБАН СССР и Коми базой АН СССР» в рублевом соотношении, поскольку последняя получила 60 % оборудования расформированной Базы по изучению Севера АН СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 10. Л. 5–6 с оборотом].

Трудности восстановительного периода кольской академической науки осложнились еще внезапным ухудшением здоровья директора Кольской базы А. Е. Ферсмана, госпитализированного в декабре 1944 г. в больницу, а затем по настоянию врачей направленного на санаторное лечение в подмосковное «Узкое». Как только к весне 1945 г. самочувствие А. Е. Ферсмана улучшилось, он, невзирая на запреты медиков, включился в работу, в том числе и по восстановлению научного потенциала Кольской базы. А. Е. Ферсман живо интересовался и деловой оценкой Ф. М. Терновского руководителей отделов Базы, и планом научной тематики. Еще в марте 1945 г. А. Е. Ферсман вынашивал идею первой послевоенной расширенной научной конференции на Кольской базе, посвященной 220-летию юбилею Академии наук. В ходе обсуждения организации мероприятия Ф. М. Терновский предложил на конференцию программу, включавшую 12 научных докладов: 1) Рудно-сырьевая

база большой металлургии Северо-Запада СССР; 2) Кольская малая электрометаллургия, пути и возможности; 3) Комплексное использование апатито-нефелинового сырья; 4) Апатитовая промышленность и ее значение в восстановлении разрушенного войной сельского хозяйства Советского Союза и европейских стран; 5) Использование пирротинов и улавливание газов Мончегорского комбината для производства и получения серной кислоты для нужд апатитовой и бумажно-целлюлозной промышленности; 6) Перспективы промышленного освоения лопарита для нужд отечественного производства и экспорта; 7) Титан как сырье для производства белил и возможный источник экспорта; 8) Гидроэнергетические ресурсы Кольского полуострова в приложении к перспективам развития промышленности на Кольском Севере; 9) Местные строительные материалы как основа восстановления Мурманска и обеспечения промышленного строительства; 10) Кейвы; 11) Печенга и взаимосвязь с Мончей; 12) Развитие ж/д транспорта в связи с промышленным освоением полезных ископаемых. В письме к А. Е. Ферсману он написал: «...Это мое личное мнение, Александр Евгеньевич, возможно, что я несколько широко поставил вопросы, Вам виднее, одно следует иметь ввиду, что докладчиков нужно искать в Москве и Ленинграде, м.б., следовало бы привлечь к этому делу Бориса Иосифовича Когана? <...> Ваш Ф. М. Терновский» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 136. Л. 4–5]. Ответное письмо А. Е. Ферсмана Ф. М. Терновскому от 10 апреля 1945 г. стало последним напутствием своему заместителю и верному соратнику: «Получил все Ваши письма, в курсе всех дел. <...> 1. Выезжаю на Кавказ в Сочи на один месяц. Вернусь к 15 мая к торжествам в Академии. 2. После торжеств, около 15 июня на два месяца еду в Хибинны, где нужно немножко поднять настроение, и с Вами вместе обсудить ряд дел. <3-5 пп. носят информационный характер – автор. примеч.> <...> 6. Надо все-таки собрать совещание в конце августа или сентябре, чтобы поднять настроение. Это совершенно необходимо хотя бы нашими собственными силами. 7. Комаров проведет время на даче в Москве <президент АН СССР перенес тяжелое обострение болезни и был направлен на лечение в домашних условиях – автор. примеч.>. Он хочет ехать в Хибинны. Надо его официально пригласить, у него вагон, и он с удовольствием поедет <За президентом АН СССР акад. В. Л. Комаровым правительственным решением во время войны был закреплен персональный вагон для оперативного управления академическими учреждениями, эвакуированными в разные города страны – автор. примеч.>. 8. Написал длинное письмо Максиму Ивановичу <первому секретарю Мурманского обкома ВКП (б) Старостину – автор. примеч.>. Надо ему все сообщить о ходе академических работ и просить помощи. 9. Важно проехать на Печенгу – это, несомненно, основной форпост на Севере. Надо его изучать во всех направлениях. Однако я не очень верю в месторождения свинца и цинка, но заняться надо. 10. Собирается приехать в Хибинны А. П. Виноградов <акад. АН СССР, директор Института геохимии и аналитической химии АН СССР – автор. примеч.> спишитесь. 11. Надо подымать Хибинны и Базу. Надо подготовить проект нового здания на будущий год – это ведь основа нашей жизни. После гибели нашей станции мы потеряли наши главные силы. Не было достаточно культурного подхода к делу» <...> <пп. 12–14. посвящены кадровым вопросам – автор. примеч.> <...> 15. Беседовал с Комаровым – все будет в порядке. Привет. Академик А.Е. Ферсман» [НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 94.

Л. 1–1 с оборотом]. В этом последнем напутствии академика А. Е. Ферсмана было заложено столько надежд и планов на будущее кольской науки... Но 22 мая 1945 г. из г. Сочи в адрес Кольской базы поступила телеграмма-молния: «Двадцатого мая 11 часов вечера санатории Фабрициуса скоростно от кровоизлияния мозга скончался академик Ферсман Александр Евгеньевич. Екатерина Ферсман» [НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 96. Л. 1]. Кольская база осталась без руководителя, вступив в новую полосу «трудных моментов».

Восстановительный период Кольской базы осложнился еще и рядом кадровых перестановок в руководстве Академии наук, последовавших вскоре после празднования ее 220-летия. Юбилейные мероприятия проходили в Москве и Ленинграде в течение двух недель с 15 июня и увенчались торжественным банкетом Академии наук в Кремле с участием высших руководителей страны. Но уже 17 июля 1945 г. чрезвычайное Общее собрание АН СССР «удовлетворило просьбу В. Л. Комарова об освобождении от обязанностей президента по состоянию здоровья», а 5 декабря 1945 г. его не стало. Между тем, академик В. Л. Комаров был важнейшей ключевой фигурой в истории создания системы баз и филиалов АН СССР. Он одним из первых поддержал идею академика А. Е. Ферсмана в 1931 г. о создании региональных исследовательских центров и последовательно проводил ее в жизнь, находясь на посту президента в 1936–1945 гг. [Савина, 2005]. Академик А. Е. Ферсман как директор Кольской базы во все ее трудные времена истории получал реальную поддержку у В. Л. Комарова, к тому же возглавлявшего в 1935–1945 гг. и Комиссию (Комитет) по заведованию филиалами и базами АН СССР, просуществовавшую без него до 1950 г. Благодаря научной и кадровой политике академика В. Л. Комарова система региональных центров поддерживалась и даже преумножилась в годы Великой Отечественной войны: из объединенной Базы АН СССР по изучению Севера в г. Сыктывкаре в 1944 г. родилась Коми база АН СССР, и были вновь восстановлены Кольская база и Архангельский стационар АН СССР [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 65].

Кадровые передвижки в верхнем эшелоне руководства АН СССР отодвинули вопрос назначения нового директора КБАН СССР на два с лишним года, и Ф. М. Терновский руководил работами Базы, временно исполняя обязанности основного руководителя. В этот период важное влияние на ход работ Базы оказывала поддержка региональной власти – Мурманского обкома – сначала со стороны М. И. Старостина, а когда он в апреле 1945 г. был отозван в распоряжение ЦК ВКП (б), то сменившего его на посту первого секретаря областного комитета ВКП (б) А. М. Кутырева.

О характере и направленности этого взаимодействия можно судить по письму Ф. М. Терновского, направленному 4 октября 1945 г. в Мурманский ОК ВКП (б).

В этом письме, во-первых, было сформулировано базирующееся на накопленных к тому времени знаниях о ресурсном потенциале региона видение основных вопросов, которые должны быть поставлены в задачу хозяйственных и научно-исследовательских организаций в четвертой пятилетке по Мурманской области: «1. Разработка генерального плана развития путей сообщения на Кольском полуострове – постройки шоссейных дорог и сети железнодорожных линий, так как полное бездорожье центральной и юго-западной части полуострова (за исключением порожистых и труднопроходимых рек) тормозит освоение этих районов с их лесными массивами и

месторождениями слюд, глиноземистого сырья и т.п. Если за время отечественной войны в северо-западной части полуострова появилось много новых шоссейных и грунтовых дорог, то центральные и восточные части полуострова по-прежнему не имеют хороших путей сообщения. Поэтому вопросы прочной связи с Мурманской магистралью, месторождений лопарита в Луявурте, высокоглиноземистого сырья в Кейвах требуют срочного изыскания железнодорожных и шоссейных трасс.

2. Разрешение топливной проблемы Кольского полуострова, которая лимитирует рентабельное использование ряда месторождений полезных ископаемых, для чего необходимо произвести экономические расчеты возможности использования на полуострове привозного топлива с Печоры, Шпицбергена и Донбасса и приступить к переработке на кокс из отходов от лесозаготовительных операций. Наряду с этим необходимо разработать проекты полного использования гидроэнергетических ресурсов полуострова и создание мощной электрометаллургии для обеспечения потребностей севера в высококачественном металле.

3. В Кировском Горнопромышленном узле: а) переход от суперфосфатов на выработку концентрированных туков с неизменным извлечением из апатита редких земель; б) переработка апатитовых хвостов от обогащения руды, содержащих нефелин и титаномагнетит для получения из этих хвостов алюминиевой руды и ванадиевых концентратов; в) всемерное использование нефелинового сырья для стекольной промышленности Ленинградской области и организации местного стекольного производства; г) разработка методов получения новых удобрильных туков на базе апатитового сырья Хибин и оливинитовых пород Лесной варакы методом спекания «плавленные магниевые фосфаты – автор. примеч.».

4. Для Мончегорского горнопромышленного узла. Детальное химико-минералогическое изучение сульфидных руд для комплексного использования не только никелевых сульфидов, но и богатых магнием ультраосновных пород. Разработка технологической схемы переработки вкрапленных руд Мончи и предварительное изучение их минералогического состава и условий распределения в месторождении, утилизация отбросных сернистых газов для получения серной кислоты и других химических продуктов». Далее следует проект тематического плана, структуры и штатного расписания Кольской базы АН СССР на 1946 г. с подробным обоснованием: «1. Выполнение тематического плана Базы на 1946 год требует: а) ассигнований на экспедиционные расходы в сумме 875000 рублей, против 192000 рублей, ассигнованных в 1945 г. <то есть почти в пять раз больше – автор. примеч.>; б) увеличения штата Базы с 70 человек в 1945 году до 119 человек в 1946 году; в) предусмотреть в структуре Базы на 1946 год организацию экспериментальной базы Биологического отдела и Зоологического сектора Базы». Ф. М. Терновский обращает особое внимание руководства Мурманского обкома партии на важность вовлечения в процесс планируемой работы других академических организаций, в частности, на необходимость постановки следующих задач – перед Ленинградско-Мурманской экспедицией АН СССР: «а) форсировать исследования рудной сырьевой базы для большой металлургии Северо-Запада СССР, в полном комплексе обеспечивающей рудничное хозяйство гидроэнергией и население сельскохозяйственными площадями и т.д.; б) экономическое обоснование вновь возникающих промышленных районов и транспортных связей их с Кировской железнодорожной магистралью»; <...>

«...перед Президиумом Академии наук СССР необходимо поставить вопросы о возобновлении деятельности Кольской комиссии при Президиуме АН СССР и обязательном включении в планы работ институтов Академии наук СССР на 1946 год разработку конкретных проблем. 1. Институт общей и неорганической химии: а) распространение платиноидов, как в самих рудах, так и в отдельных продуктах выплавки медно-никелевых комбинатов; б) хлорирование лопаритовых руд с проверкой технологической схемы. 2. Энергетический институт им. Г. М. Кржижановского: а) Использование гидроэнергетических ресурсов на Кольском полуострове. 3. Институт Металлургии: а) Разработка методов использования титано-магнетитовых руд Кольского полуострова. 4. Секции по научной разработке проблем транспорта: а) Изучение развития сети железнодорожных и автогужевых путей на Кольском полуострове. 5. Институт геологических наук: а) Сравнительное изучение генезиса Мончи – Печенги – Норильска; б) Исследование кольских кианитов, их петрографии и связанной с ней минерализации. 6. Институт Географии: а) Изучение новых промышленных районов: Ена, Кейвы и Печенга; б) Экономическое обоснование отдельных промышленных и сельскохозяйственных районов Мурманской области с целью их хозяйственного освоения. В области организационно-хозяйственной необходимо просить Президиум Академии наук СССР в течение 1946–1949 гг. выполнить свое постановление от 25.02.1939 года – а) О перенесении Кольской Базы из Кировска в г. Мурманск и внести в план капитального строительства 4-й пятилетки прилагаемый титульный список каппостроительства по Кольской Базе АН СССР; б) О передаче Мурманской биологической станции в Дальних Зеленцах из Зоологического института АН СССР в Кольскую Базу со всем штатом, оборудованием и ассигнованиями на 1946 г.; в) Ускорить утверждение Директора Базы» [ГАМО. П-1. Оп. 2. Д. 571. Л. 6–15].

Итоги первого, 1946-го, года послевоенной пятилетки обсуждались на Ученом совете Кольской базы 2 января 1947 г. Ученый совет проходил под председательством зам. директора КБАН Ф. М. Терновского. Успехи – перевыполнение плана НИР на 1946 г., актуальность тематики и результативность по ряду выполненных работ в области геологических, биологических и геоботанических исследований были достигнуты благодаря «повседневному вниманию и помощи Мурманского областного и Кировского районного комитетов ВКП (б) и оперативному руководству Президиума АН СССР и Совета филиалов и баз АН СССР». В числе положительных достижений отмечались улучшение материально-бытовых условий научных работников, обеспеченность штатами и финансированием (штат вырос с 72 до 116 человек, увеличение бюджета почти в три раза – при «бескарточном продовольственном обеспечении экспедиционных работ». Среди отрицательных моментов деятельности Базы «как комплексного академического института в Заполярье» называлось отсутствие: «периодического печатного органа, своего издательства научных трудов, систематической связи с производственными организациями (исключая комбинат “Апатит”); технологических лабораторий и исследований в этой области». Особенно ненормальным было отмечено отсутствие директора Базы, «несмотря на то, что со дня смерти академика А. Е. Ферсмана (бывшего директора Базы) прошло почти два года». В этой связи зам. директора КБАН СССР Ф.М. Терновскому было поручено: 1. Обратиться к президенту АН СССР

академику С. И. Вавилову с просьбой: а) об ускорении назначения директора КБАН; б) разрешить издание Кольской базе периодического научного журнала «Вестник Кольской базы», который бы «позволил дирекции Базы не только своевременно информировать советскую общественность о научных исследованиях Кольской базы, но и объединить вокруг этого журнала все научно-исследовательские и научно-технические учреждения Мурманской области»; в) ускорить решение вопроса о реорганизации Кольской базы в филиал АН СССР. 2. Считать необходимым создание собственной типографии, учитывая отсутствие полиграфических предприятий в Мурманской области; 4. Просить зам. директора Ф. М. Терновского согласовать с Мурманскими областными руководящими организациями и Советом филиалов и баз АН СССР вопрос созыва широкой научно-технической конференции по проблемам Кольского полуострова [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 141 г. Л. 293–299].

Однако следующий год не только не решил намеченных организационных вопросов, но оказался одним из самых сложных. Из-за сокращения финансового обеспечения Базы «на 1.396 тыс. рублей против фактической стоимости работ принятого тематического плана 1947 года» план научно-исследовательских работ Базы был скорректирован в направлении сокращения его тематики. В частности, была полностью исключена из плана тематика сектора зоологии, по которому оставлено лишь завершение работ, начатых в 1945 и 1946 гг., а также сокращены 3 темы по группе геоботаники; 4 темы по лаборатории биохимии и физиологии растений; 3 темы – по Ботсаду. По той же причине были исключены из плана НИР геологические направления – минералогическое изучение медноникелевых месторождений Мончетундры; минералогическое изучение апатита Кукисвумчоррского месторождения и исследование минералогии перовскит-кнопитового месторождения Африканды. Эти темы руководящими областными организациями были признаны актуальными, однако, заслушав доклад Дирекции Кольской базы АН СССР «Об итогах работы и тематическом плане на 1947 год» 8 апреля 1947 года, Мурманский Обком ВКП (б) признал направление научной деятельности Кольской базы не отвечающим задачам послевоенного пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства Мурманской области и обратился в Президиум Академии наук СССР внести изменения в направление работ, а также в структуру Базы. В частности, было признано необходимым сократить биологический раздел работ, упразднить сектор Зоологии, сократить штаты Ботсада и других биологических секторов и лабораторий – «для усиления геологического и минералогического секторов и лаборатории геохимии». Одновременно был поставлен вопрос о необходимости организации новых секторов – технологического и энергетического. Дирекция Базы предпринимает меры по увеличению финансирования и штатов для обеспечения плановых работ Базы. Из отчета Базы за 1947 год: «...Первоначально на экспедиционные расходы было утверждено 300,0 тыс. рублей и на оборудование 310 тыс. рублей. И лишь после наших неоднократных ходатайств и после доклада академика В. П. Волгина и выступления зам. директора Кольской базы Ф. М. Терновского на заседании Президиума АН СССР в июне 1947 года было принято решение об увеличении ассигнований и штатов Кольской базы. Причем, штаты были увеличены в 1У квартале только на 4 единицы, а дополнительные ассигнования на экспедиционные расходы в сумме 200,0 тыс. рублей были нам спущены

в сентябре месяце. Дополнительные же ассигнования на оборудование в сумме 110 тыс. рублей были нам спущены 25 декабря 1947 года» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150 б. Л. 8–10].

Несмотря на уменьшение финансирования и все еще при отсутствии директора, коллектив Базы приложил немало усилий для обеспечения выполнения тематического плана на 1947 г., в частности, для успешного проведения летних полевых работ, в которых было задействовано 17 полевых отрядов. «...Кроме экспедиционных работ секторами и лабораториями Базы проводились наблюдения и экспериментальные работы на опытных участках в колхозе “Заполярный труд”, на полях ПОВИРа, на территории ботанического сада и на самой Базе. Были организованы также кратковременные выезды отдельных сотрудников в различные районы Кольского полуострова для сбора необходимых материалов. <...> Проведенные в полупроизводственных условиях комбината “Апатит” опыты по термическим методам переработки апатитовых руд, по схеме разработанной лабораторией геохимии Базы позволили получить 14,5 тонн плавленных магниевых фосфатов и апробировать технологическую схему, разработанную в лабораторных условиях. На основе проведенных работ является возможным технически обоснованно рассчитать установку на широкий диапазон мощности печи, а также необходимость строительства опытно-эксплуатационного завода производительностью в 40–50 тонн готового продукта в сутки, что и зафиксировано в решении совместного заседания Ученого Совета Базы и технического Совета комбината «Апатит»». История исследований по плавленным магниевым фосфатам на Кольском полуострове подробно рассмотрена в публикации [См.: Петров, Саморукова, Токарев, 2015: 91–99].

Ввиду отсутствия средств База не имела возможности в 1947 г. организовать проведение конференций и совещаний областного масштаба. Вопросы работы Базы, а также научные доклады обсуждались на заседаниях Ученого совета Базы, на которых присутствовали представители областных и районных организаций, а также представители отдельных предприятий и учреждений комбината «Апатит», «Нивагэсстрой», Землеустроительная экспедиция Министерства сельского хозяйства РСФСР, Колэнерго и др. В 1947 г. было 8 заседаний Ученого совета. Итоги работы за 1947 г. коллектив Базы подводил, сознавая «свою ответственность перед Родиной, Партией и Правительством за решение постановления перед Базой задач по выполнению послевоенного Сталинского пятилетнего плана и обогащения Советской науки новыми достижениями. При помощи областных и районных организаций наш коллектив сумеет устранить вскрытые в работе Базы недостатки и не только выполнить, но и перевыполнить тематический план 1948 года» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150 б. Л. 29–34].

В 1948 г. руководителем Кольской базой был официально утвержден академик Д. С. Белянкин, оказывавший «действенную помощь» Базе в числе группы крупнейших ученых (академиков И. П. Бардина, А. И. Опарина, Э. В. Брицке, С. И. Вольфовича, А. А. Григорьева, Е. Н. Павловского и др.) [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 141 г. Л. 10–11].

Тогда же на Кольском полуострове состоялась первая научная конференция послевоенного периода, планировавшаяся еще А. Е. Ферсманом, Ф. М. Терновским и М. И. Старостиним на сентябрь 1945 г. Из инициаторов этой первой послевоенной научной сессии только Ф. М. Терновский

по-прежнему оставался в строю. К этому времени размах восстановительных работ, захвативший всю страну и Мурманскую область включительно, «сказался самым непосредственным образом на Кольской Базе АН СССР. Штат увеличился по сравнению с 1945 годом на 62 % (с 72 до 116 единиц), а бюджет вырос в 2,3 раза. Входящий в состав Базы Полярный-Альпийский ботанический сад, благодаря помощи депутата Верховного Совета СССР А. Н. Косыгина, вырос по штату в три раза и по бюджету в несколько раз. Сад получил от Президиума Академии наук статус научного учреждения с отдельным счетом и балансом, что по существу явилось первым шагом к превращению Базы в филиал Академии», – такие цифры и факты представляет архивный источник, датируемый от 24 марта 1947 г., «Отчет о работе партийной организации Кольской научно-исследовательской базы имени С. М. Кирова Академии наук СССР за время с 1 июля 1946 г. по 24 марта 1947 г.» [ГАМО. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 5. Л. 44, 46, 46-об., 47].

Первая послевоенная закрытая расширенная сессия Ученого совета Кольской научно-исследовательской базы им. С. М. Кирова АН СССР состоялась в Кировске с 10 по 15 июня 1948 г., ее программа существенно выходила за рамки программы 1945 г., в ее работе приняли участие руководящие работники областного и районных комитетов ВКП (б), руководители союзной промышленности Мурманской области и представители сельского хозяйства, в числе которых были представители геолого-географического отделения АН СССР, Института геологических наук и Ботанического института АН, Ленинградского государственного университета, Министерства геологии в лице руководителей ряда его экспедиций, работавших на Кольском полуострове, Министерства химической промышленности СССР, ВСЕГЕИ, Института галургии, гипроцемента, механообра, Карело-Финской базы АН СССР, ПОВИРа, ВНИИГа, руководители геологической службы Мурманских промышленных предприятий и экспедиций Министерства цветной металлургии СССР и др. Всего в работе сессии участвовало 104 человека, по итогам работы сессии был принят ряд развернутых решений по отдельным проблемам производительных сил Кольского полуострова.

Среди участников конференции были будущие лидеры кольской науки – Г. И. Горбунов (2-й секретарь Ловозерского РК ВКП (б), с 1949 г. – ученый секретарь Президиума КФАН, с 1952 г. – зам. председателя Президиума КФАН, с 1972 по 1985 гг. – председатель Президиума КФАН СССР), И. В. Бельков (аспирант при КБАН, директор ГИ КФАН с 1961 по 1985 гг.), И. Д. Батиева (м.н.с., будущий ведущий ученый КФАН и почетный гражданин г. Апатиты), А. В. Галахов (м.н.с. КБАН, ученый секретарь Президиума КФАН в 1958–1959 гг., 1971–1976 гг.), А.С. Сахаров (тогда – инженер Ловозерской экспедиции, а с 1954 г. научный сотрудник, старший научный сотрудник ГИ КФАН) и др. На сессии было представлено 53 научных доклада, в том числе 6 докладов на пленарных заседаниях, 27 – на секции Минерального сырья, 20 – на биологической секции.

Программу пленарных заседаний сессии открыл директор Кольской базы АН СССР академик Д. С. Белянкин. Свое выступление он начал, воздав дань уважения «вдохновителю и руководителю работ по освоению природных богатств сурового Заполярья» С. М. Кирову и «организатору и до самой своей смерти директору Кольской научно-исследовательской базы АН СССР, отдавшему четверть века своей жизни и деятельности изучению нашего края»,

академику А. Е. Ферсману. «...Не прошло и трех десятилетий с тех пор как на освобожденную Красной Армией древнейшую Кольскую землю пришли первые советские геологи и минералоги, почвоведы и агрономы и под руководством нашей большевистской партии приступили к изучению ее производительных сил. Где, в какой другой стране мы найдем пример столь разительных преобразований, какие мы наблюдаем в нашей области? <...> В 1917 году, в частности, когда впервые мне довелось побывать в Хибинах, еще шумел здесь зеленый лес и белели снега; не было ничего хоть, сколько нибудь напоминающего современность, никакого предчувствия бурной советской жизни, которая бьет ныне ключом в Кировске и на Апатитах. Много потрудились советские ученые и инженерно-технические работники, открывая все новые и новые богатства Кольских недр, немало сделано и в деле освоения. Впереди, однако, еще не меньше работы. Необходимо оглянуться на пройденное, подвести итоги сделанному в послевоенные годы, наметить пути нашего дальнейшего прогресса. Открывая первое заседание нашей сессии, посвященной этой благородной задаче, разрешите выразить уверенность, что наши труды будут успешны и плодотворны...» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 11]. Далее с пленарным докладом «Перспективы развития производительных сил Мурманской области» выступил секретарь Мурманского Обкома ВКП (б) А. М. Кутырев: «Настоящая сессия Ученого Совета Кольской базы Академии наук СССР по количеству ее участников, представительству на ней научных учреждений и организаций и значению обсуждаемых проблем выходит за пределы обычных сессий и знаменует (я говорю это без преувеличения) наступление нового этапа в жизни Заполярного научного учреждения, не мало сделавшего для развития производительных сил Мурманской области и собирающего теперь силы для еще более углубленной и не менее важной, чем в прошлом, работы по научному освещению все еще мало изученной богатейшей в стране области. Нам, заполярникам, доставляет большую радость, что ныне здесь собрались многие из тех, кто проблемам Кольской земли посвятили немало своего упорного труда, результаты которого теперь воплощены в созданной за Полярным кругом солидной и разнообразной промышленности. Мы рады приветствовать впервые присутствующего на Ученом Совете нового ее директора академика Дмитрия Степановича Белянкина, вложившего свою большую долю в изучение Кольского полуострова, особенно его восточной и южной части и теперь вновь устремившегося сюда, чтоб помочь ученым и практическим работникам Мурманской области раздуть пламя светильника науки, освещающего темное царство извечной природы» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 33]. Далее прозвучали пленарные доклады геологической направленности: «Итоги и перспективы геологического изучения Кольского полуострова в связи с полезными ископаемыми» (проф. Б. М. Куплетский); «О принципах петрографического исследования» (академик Д. С. Белянкин).

На секции минерального сырья (руководители Д. С. Белянкин, Б. М. Куплетский) по проблеме Больших Кейв были представлены доклады П. А. Борисова, проф. В. Я. Ключарева, сотрудников КБАН А. А. Чумакова, Н. А. Кумари, А. М. Иванова, А. И. Морозова, А. В. Галахова, И. Д. Батиевой; по медно-никелевой проблеме – доклады В. К. Котульского, П. В. Лялина, П. И. Пахомова, М. В. Денисовой, И. А. Коровякова; по проблеме редких

элементов – к.э.н. Б. И. Когана, проф. О. А. Воробьевой, сотрудников КБАН И. В. Белькова, Б. Н. Мелентьева, А. А. Кухаренко, А. С. Сахарова; Хибинской проблеме были посвящены доклады Б. М. Куплетского, проф. С. М. Курбатова, В. Н. Годовикова, П. К. Семенова, Б. Н. Мелентьева, М. И. Волковой, А. А. Кухаренко.

Важным историческим моментом стало проведение первых Ферсмановских чтений на Кольской земле, где с докладом по теме «А. Е. Ферсман и его вклад в советскую минералогию» выступил профессор С. М. Курбатов; с докладом «Геохимические прогнозы А. Е. Ферсмана для района Западных Кейв» – к.г.-м.н. А. А. Чумаков и с докладом «Последние годы жизни и деятельности А. Е. Ферсмана.» – к.э.н. Б. И. Коган. Почин Ферсмановских чтений был поддержан на конференциях, проводимых Кольским филиалом АН СССР в 1949 и 1951 гг., затем эта традиция надолго была утрачена, и только в 2004 г. Ферсмановские чтения в формате Ферсмановской научной сессии под эгидой Геологического института получили новое рождение, став под руководством Ю. Л. Войтеховского ежегодным международным научным мероприятием Академгородка в г. Апатиты Мурманской области.

Первая послевоенная научная сессия и по количеству участников, и по представленности научными учреждениями и производственными организациями, и по значению обсуждаемых проблем, вниманию местных руководящих органов стала событием, выходящим за пределы обычных научных мероприятий. Как когда-то в 1932 г. таким событием для Кольского Севера стала Первая Полярная конференция, так и Первая послевоенная закрытая расширенная Сессия Ученого совета Кольской базы им. С. М.Кирова АН СССР фактически ознаменовала наступление нового этапа в истории кольской науки, обозначив ее ведущую роль в научном обеспечении послевоенного периода индустриализации Мурманского региона.

Говоря о приоритетах новой жизни послевоенного периода Мурманска, первый секретарь Мурманского обкома ВКП (б) А. М. Кутырев в своем пленарном докладе подчеркнул значение науки в жизни края, не случайно сославшись на академика А. Е. Ферсмана: «Прав был А. Е. Ферсман, когда он сказал, что главное достоинство передовой научной работы заключается в ее способности предвидеть и предсказывать, направлять искания на определенные пути, намечать будущее. Мне думается, что этой задаче подчинена работа настоящего Ученого совета, рассматривающего узловые проблемы Мурманской области. Обмен знаниями и обсуждение проблем поможет ускорению их решения» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 43]. «...История развития производительных сил Мурманска очень коротка и, собственно, насчитывает всего лишь около двадцати лет. <...> Формирование новых производительных сил началось в 1929 году, после решений о постройке ветки к теперешнему Кировску и организации треста “Апатит”. Творческая инициатива и страстная кипучая энергия основателя этого города – незабвенного Сергея Мироновича Кирова, повернувшего к проблемам Мурманского Заполярья силы Ленинграда, принесла обильные плоды. Посещение Мурманска в 1933 году 15 лет назад товарищем Сталиным, товарищем Ворошиловым и Сергеем Мироновичем Кировым положило начало новой эры индустриализации Мурманска. В первый тур индустриального развития Мурманского Заполярья, продолжавшийся до начала Отечественной войны,

здесь были построены комбинат “Апатит”, комбинат “Североникель”, Нивская и Туломская электростанции, электрифицирована дорога до Кандалакши, быстро развернулась большая рыбная промышленность, вооруженная современными траулерами и техникой рыбообработки. В этот же период были заложены Кандалакшский алюминиевый комбинат, грандиозная по замыслу подземная электростанция Нива-III и готовилось развитие Алуайва и Ены.

Война превратила район размещения промышленных предприятий области в прифронтовую полосу. <...> Разрушения были огромны. Многим казалось невероятным, чтоб страна после столь тяжелой и разрушительной войны нашла силы восстановить это в сроки, установленные пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства СССР. Но эти силы нашлись. <...> Промышленность области в 1947 году достигла довоенного объема выпуска продукции и превысила его на 11 %. За прошлый год прирост продукции составил 42,3 % к предшествующему 1946 году. По вылову рыбы были превзойдены объемы, достигнутые рыбной промышленностью в довоенном 1940 году. 1948 год – это первый год нового этапа дальнейшего развития производительных сил Мурманской области...» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 33–34].

Итогом Конференции стали соответствующие решения. Так, по итогам работы Секции минерального сырья были сформулированы конкретные задачи геологических исследований в горнорудных районах Мурманской области, нацеленные на решение стратегически важных народно-хозяйственных и научно-технических проблем. Особое внимание было уделено проблеме кианитов Больших Кейв, медно-никелевой проблеме (в Печенгском районе), проблеме редких и редкоземельных элементов (Ловозерского массива, Африкандского месторождения перовскита) редкометальных пегматитов (Западные Кейвы, щелочные граниты). Важное место в решении секции получила комплексная Хибинская проблематика, «учитывая огромное народно-хозяйственное значение Хибин, как мощной сырьевой базы целого ряда полезных ископаемых». Отдельно обсуждалось принятие решений по организационным мероприятиям: «...6. Отмечая плодотворные результаты совместной работы Кольской базы АН СССР с кафедрой минералогии Ленинградского Государственного Университета и с Институтом Геологических наук АН СССР сессия считает необходимым, чтобы такой контакт Базы с вузами и научно-исследовательскими учреждениями страны в дальнейшем нашел постоянное применение в работах...»; отдельным пунктом было отмечено «мизерное ассигнование» исследовательских работ Базы и необходимость увеличения финансирования полевых работ [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 16–48].

Отдельно были оговорены на Сессии актуальные организационные мероприятия – «в связи с промышленным освоением богатств Мурманской области и развитием крупных промышленных центров», в том числе вопросы изучения солевого состава питьевых вод с точки зрения наличия в них фтора и других вредных примесей, а также малого содержания кальция; выбора места расположения жилых поселений во вновь осваиваемых районах для обеспечения наиболее благоприятных условий жизни; возможность привлечения института горного дела АН СССР и проектирующих организаций для обеспечения рационального развития горнодобывающих предприятий Мурманской области и

исследования трещиноватости в рудниках, борьбы с водоносностью отдельных горизонтов, предотвращения горных обвалов и т.п. Кроме того, было принято решение о необходимости «создать на Кольской базе АН группу экономистов-технологов для разработки вопросов экономики по обоснованию наиболее эффективных методов переработки, технологии и использования сырья». Постановка этих задач привела к созданию в дальнейшем новых направлений академических исследований на Кольском полуострове – горно-рудного, экономического, экологического, а также к появлению в Кольском филиале АН СССР Горно-металлургического института, преобразованного в Горный, отдела Экономики (впоследствии Института экономических проблем Севера), Института проблем промышленной экологии Севера.

В решениях биологической секции сессии Ученого совета была дана оценка исследованиям и намечены мероприятия по решению ряда проблем: «Биологические основы продвижения сельскохозяйственных культур на Север» – развернуть экспериментальные работы по выявлению зимостойких видов и сортов бобовых растений с разработкой агрономических мероприятий, обеспечивающих их высокую зимостойкость и урожайность; форсировать исследования перспективных силосных растений, отобранных Ботаническим садом из дикой флоры СССР и зарекомендовавших себя в его посадках. Признавая необходимость комплексных исследований ПОВИРа и биохимической лаборатории Кольской базы в области повышения качества и урожайности с/х культур, сессия рекомендовала Полярной опытной станции в работе с картофелем усилить курс на выведение скороспелых, морозостойких, ракоустойчивых и высокоурожайных сортов, а Кольской базе – углубить исследования физиологических и биохимических процессов, определяющих сущность морозостойкости и скороспелости картофеля.

Отмечая, что в послевоенный период Кольская база АН начала систематические почвенно-географические и почвенно-агрономические исследования, сессия нацелила исследования Базы на: а) составление обзорной почвенной карты Мурманской области в масштабе 1:1 000 000 и 1:500 000 и разработку единой генетической классификации почв области; б) изучение состава, свойств и динамики превращения органического вещества в различных видах окультуренных почв с целью рационального использования естественного гумуса и органических удобрений; в) изучение микрофлоры почв для разработки эффективных методов активизации микробиологических процессов разложения органического вещества в почвах. По проблеме «Растительный покров Кольского полуострова, его изученность и перспективы» сессия рекомендовала: а) продолжать маршрутно-рекогносцировочные исследования лесных насаждений с целью составления карты лесов Мурманской области; б) изучить влияние различных способов рубки леса на естественное возобновление, а также исследовать искусственное обсеменение вырубок и гарей, одновременно проводя сравнительное изучение вопросов урожайности и качества семян хвойных из различных районов Мурманской области; г) начать составление «Флоры Мурманской области» и сводки лекарственных и других полезных дикорастущих растений; д) приступить к изучению биологии переселенных растений и т.п.

Приведенный краткий обзор принятых решений Первой послевоенной сессии Ученого совета Кольской базы АН СССР не только показывает

масштабность роста выдвигаемых перед кольской наукой задач научного и народнохозяйственного значения, но и обуславливает переход на новый этап истории Кольской базы АН СССР, которой через год предстояло стать Кольским филиалом АН СССР.

Масштабные проблемы, поднятые на Первой послевоенной сессии Ученого совета Кольской базы АН СССР, как бы подводят итоги первого этапа становления Кольской базы АН СССР в первые послевоенные годы на Кольском полуострове и заслуживают опубликования материалов этой сессии отдельным изданием, как это было сделано в 2009 г. с материалами Первой полярной конференции 1932 года, которое стало в настоящее время раритетным изданием [Первая полярная конференция, 2009].

Список сокращений

АРАН – Архив Российской Академии наук
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ГАМО – Государственный архив Мурманской области
КБАН – Кольская база Академии наук
КФАН СССР – Кольский филиал Академии наук СССР
НА КНЦ – Научный архив Кольского научного центра
ПОСВИР – Полярная опытная станция Всесоюзного института растениеводства

Архивные источники

АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 197. Л. 1–6.
ГАМО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 189. Л. 12.
ГАМО. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 5. Л. 44, 46, 46-об., 47.
ГАМО. П-1. Оп. 2. Д. 571. Л. 6–15.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 136. Л. 1–3.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 136. Л. 3.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 136. Л. 4–5.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150 б. Л. 8–10.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 141 г. Л. 10–11.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 141 г. Л. 293–299.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150 б. Л. 29–34.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 10. Л. 5–6 с оборотом.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 11.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 33.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 33–34.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 43.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 23. Л. 16–48.
НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–1 с оборотом.
НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

Список литературы

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930–2010. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011. С. 65–66.

Петров В. П., Саморукова А. Г., Токарев А. Д. Одно из нереализованных направлений комплексного использования полезных ископаемых Кольского полуострова – плавленные магниевые фосфаты: от идеи до опытно-промышленных испытаний // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты, 2015. Вып. 7. С. 91–99.

Первая Полярная конференция по вопросам комплексного использования Хибинской апатито-нефелиновой породы, 9–12 апреля 1932 года г. Хибиногорск. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра, 2009. 324 с.

Савина Г. А. Опыт социальной истории в лицах: В. Л. Комаров – президент АН СССР // Нестор 9. На переломе: Отечественная наука в конце XIX – XX веке. Вып. 3. СПб., 2005. С. 165–205.

Сведения об авторах

Макарова Елена Ивановна,

кандидат исторических наук, заведующая Научным архивом КНЦ РАН

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор

Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Токарев Александр Дмитриевич,

заведующий сектором формирования и хранения цифровой информации

Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Makarova Elena Ivanovna,

Ph. D. (History), Head of the Scientific archive of the Kola Science Centre RAS

Petrov Valentin Petrovich,

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of the Barents centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Tokarev Alexander Dmitrievich,

Head of the sector of digital information of the Barents centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 061.62"196"(470.21)

А. Г. Саморукова, В. П. Петров

КРАТКОВРЕМЕННЫЙ, НО ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ЭПИЗОД В ИСТОРИИ КОЛЬСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ (1961–1963 ГОДЫ)

Аннотация

В статье рассматривается непродолжительная попытка реформирования академической науки, когда семь региональных филиалов АН СССР, в т.ч. КФАН СССР, были переданы во вновь созданный в 1961 г. Государственный комитет Совета Министров РСФСР по координации научно-исследовательских работ. Целью Комитета являлось обеспечение по научно-методическому руководству АН СССР. Но уже в начале 1963 г. стало очевидно, что попытка отрыва региональных филиалов от АН СССР явилась следствием и результатом непонимания и недооценки значения фундаментальных научных исследований для практического решения народнохозяйственных и социально-экономических

проблем. В 1964 г. КФАН целиком, как комплексное научное учреждение, возобновил свою деятельность в составе АН СССР.

Ключевые слова:

комитет по координации научно-исследовательских работ, статус региональных филиалов, совнархоз, проблемы развития производительных сил региона, координационные совещания.

A. G. Samorukova, V. P. Petrov

A SHORTTIME BUT A VERY INSTRUCTIVE PERIOD IN THE HISTORY OF ACADEMIC SCIENCE ON THE KOLA PENINSULA (1961–1963)

Abstract

The article concedes an attempt to reform academic science. It was the period when seven regional branches of the USSR Academy of sciences (including the Kola Branch) were transferred under the guidance of the newly established State Committee of the RSFSR Council of Ministers. That was aimed at coordination of research institutions of the Russian Federation under the supervision of the USSR Academy of Sciences. But at the beginning of 1963 it became obvious that the attempt of disrupting the connections between the regional branches and the Academy of Sciences was a result of misunderstanding and undervaluation of fundamental research in solving problems for industrial and social tasks. In 1964 the Kola Science Branch as an entity resumed its activity as an institution of the USSR Academy of Sciences.

Key words:

committee for coordination of research, status of regional branches, problems of developing industrial forges of the region, coordination meetings.

Переживаемый в настоящее время глубокий организационный кризис фундаментальных наук, связанный с созданием при Правительстве Российской Федерации особого органа – Федерального агентства научных организаций – и передачей в его ведение всех исследовательских институтов Российской Академии наук, уже имел свое некое подобие в начале 1960-х гг. в СССР. Лишь благодаря своей кратковременности и осознанию на высоком государственном уровне нерациональности таких экспериментов попытка реформ того времени в виде отрыва научных институтов и их региональных объединений от Академии наук СССР не имела серьезных роковых последствий для фундаментальной науки.

Начало 1960-х гг., после XXI съезда КПСС, – это время рождения и попыток реализации глубоких коренных реформ всех сторон жизни государства и общества. Естественно, что не осталась в стороне от этих преобразований и наука, роль которой в жизни государства непрерывно возрастала, а организация всей системы науки, как фундаментальной, так и прикладной, резко усложнялась и в количественном, и в качественном отношении.

Вопросы научной политики, построения всей сети научных учреждений, государственного управления и координации их работы приобрели особую остроту в связи с переходом в 1957 г. к территориальному управлению основными отраслями промышленности по экономическим районам. Эти вопросы стали предметом широких дискуссий, развернувшихся в конце 1950-х – начале 1960-х гг., они обсуждались в печати, рассматривались на партийных съездах и пленумах ЦК КПСС, на специальных конференциях и совещаниях, в том числе и на Всесоюзном совещании научных работников в Москве в июне 1961 г.

Результатом этих обсуждений и обобщения опыта организации научной работы стало принятие ряда решений, внесших в совокупности коренные перемены в структуру организации и управления наукой в стране. Так, в апреле 1961 г. было принято совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР». Впервые создавался общегосударственный орган планирования и координации научных работ – Государственный комитет Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ, который заменил ранее существовавший Государственный научно-технический комитет. Стратегической целью создания нового Государственного комитета Совета Министров СССР была концентрация деятельности научных учреждений различного ведомственного подчинения на выполнении исследовательских работ по основным научным проблемам, имеющим большое народнохозяйственное значение.

В связи с упомянутым Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривались определенные мероприятия по организационной перестройке и уточнению основных направлений деятельности Академии наук СССР. На Академию наук СССР, в частности, было возложено руководство теоретическими исследованиями в области естественных и общественных наук в стране, вследствие чего ее научные учреждения были освобождены от разработки отраслевой прикладной тематики. Почти половина научных учреждений Академии наук СССР и треть численного состава ее сотрудников были переданы в другие отраслевые ведомства. При этом за частью таких научных учреждений Академия наук сохранила научно-методическое руководство [Комков, Левшин, Семенов, 1974: 426].

Неизвестны идейные вдохновители осуществленных реформ научной сферы страны. Возможно, последние воплощались в жизнь в русле экспериментов по управлению всем народным хозяйством, которые проводились по инициативе партийного и государственного лидера того времени Н. С. Хрущева. Маловероятно, чтобы подобные преобразования были возможны без его ведома. Тем не менее известно, что руководство АН СССР поддержало эти перемены. По мнению Президента АН СССР М. В. Келдыша, в результате появились предпосылки для ликвидации ряда существенных недостатков в организации научно-исследовательских работ. До этого времени вся деятельность ученых была распределена между 170 союзными и республиканскими министерствами и ведомствами, каждое из которых имело свою сферу деятельности. Единая координация большинства научно-исследовательских работ отсутствовала.

Основной причиной медленного продвижения научных достижений в производство, разрыва между научными исследованиями и их внедрением в практику являлось отсутствие единого планирования и координации работ институтов, конструкторских бюро и промышленности [Келдыш, 1961: 18].

В развитие Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР 27 мая 1961 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР приняли постановление о создании Государственного комитета Совета Министров РСФСР по координации научно-исследовательских работ (далее – Комитет по координации). Целью Комитета по координации являлось обеспечение необходимой координации работы научно-исследовательских учреждений

РСФСР, улучшение планирования научных исследований и внедрения достижений науки и техники в народное хозяйство, а также ликвидация ненужного параллелизма в выполнении научных работ.

Председателем Государственного комитета по координации был назначен заместитель председателя Совета Министров РСФСР П.И. Аброскин, а первым заместителем – председатель Президиума Кольского филиала АН СССР член-корреспондент АН СССР А. В. Сидоренко.

Согласно Постановлению семь региональных филиалов Академии наук СССР, в том числе Кольский филиал, вместе с их научно-исследовательскими учреждениями были переданы из АН СССР в ведение Комитета по координации научно-исследовательских работ. За Академией наук СССР сохранялось научно-методическое руководство переданными Филиалами и их научными учреждениями. Важным решением, которое в перспективе могло иметь негативное значение, было снятие филиалов с союзного бюджета. Предусматривалось, что финансирование научных учреждений филиалов будет производиться за счет республиканского бюджета, тогда как материально-техническое снабжение осуществляться по линии АН СССР.

Изменение порядка бюджетного финансирования фактически означало понижение институционального статуса филиалов АН СССР. Они становились не союзными, а республиканскими учреждениями с возможной перспективой превращения в местные организации.

Принципиальным являлось и положение о том, что одной из главных задач филиалов АН СССР стало оказание помощи Советам Министров автономных республик и совнархозам в изучении природных ресурсов, в развитии производительных сил соответствующих районов. Таким образом, научным учреждениям филиалов поручалось решение прикладных народнохозяйственных проблем.

На Комитет по координации (в части руководства филиалами АН СССР) возлагались следующие полномочия:

а) утверждение совместно с АН СССР перспективных и годовых планов научно-исследовательских работ филиалов АН СССР, утверждение планов внедрения законченных работ, а также контроль за исполнением этих планов;

б) утверждение в установленном порядке руководящих кадров филиалов АН СССР (председателей, заместителей, ученых секретарей президиумов филиалов, директоров институтов, заведующих лабораториями);

в) осуществление финансирования научно-исследовательских работ, а также финансирования и руководства капитальным строительством научных учреждений филиалов АН СССР;

г) осуществление постоянной связи с Академией наук СССР по вопросам научно-методического руководства филиалами АН СССР, их материально-технического снабжения, по осуществлению научных связей с учреждениями зарубежных стран, подготовки научных кадров, комплектования научных библиотек, планового выделения молодых специалистов, обеспечения издания через издательство АН СССР научных работ, выполняемых филиалами [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 567. Л. 4–6]. Обращает на себя внимание, что все перечисленные полномочия в настоящее время перешли к Федеральному агентству научных учреждений России.

Кольский филиал АН СССР был передан в состав Комитета по координации 20 октября 1961 г. Со времени своей деятельности в статусе филиала, с 1949 г., он, благодаря вниманию и поддержке Президиума АН СССР, превратился в самый крупный многоцелевой научный центр в мировом Заполярье. Оценку деятельности Кольского филиала АН СССР дал председатель Президиума КФАН СССР А.В. Сидоренко в 1958 г. в своем докладе в Президиуме Совета по координации научной деятельности Академий наук союзных республик и филиалов. Он подчеркнул, что, учитывая большое значение природных ресурсов Кольского полуострова для народного хозяйства страны, многие научные исследования Кольского филиала приобретали общесоюзное значение, а важнейшие результаты его деятельности представлялись значимыми для народного хозяйства [Сидоренко, 1958: 62].

Кольский филиал включал пять научных институтов: Геологический, Горно-металлургический, Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья, Полярный геофизический, Мурманский морской биологический и Полярно-альпийский ботанический сад. Основная часть этих институтов была создана непосредственно в предреформенные годы. Многократно возросла также и фактическая численность персонала, на 01 августа 1961 г. она составляла 962 чел. [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 581. Л. 1–9].

После передачи в 1962 г. деятельность КФАН была сосредоточена на осуществлении научных исследований по уточненным планам научно-исследовательских работ. Планирование работ осуществлялось с учетом решений и указаний директивных органов, постановлений Совета Министров РСФСР, Комитета по координации и Президиума АН СССР, а также предложений местных производственных организаций и Мурманского совнархоза. Но основой текущего планирования служил план важнейших научно-исследовательских и опытных работ, включенный в Государственный план развития народного хозяйства по Постановлению Совета Министров РСФСР от 9 декабря 1961 г. Примечательно, что годовой план после его составления был направлен в Мурманский совнархоз на согласование, после чего был утвержден Президиумом [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 88].

В 1962 г. научные учреждения КФАН разрабатывали 18 важнейших проблем, которые объединяли 104 темы. Из общего количества 27 % (или 29 тем) выполнялись по государственным планам Совета Министров СССР и РСФСР [КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 8].

Постановление Совета Министров РСФСР от 12 мая 1962 г. «О дальнейшем развитии филиалов АН СССР и институтов, переданных в ведение Государственного комитета» определило основные направления научных исследований в Кольском филиале АН СССР: закономерности размещения руд редких и цветных металлов, разработку научных основ рациональной эксплуатации месторождений, комплексную переработку и экономику минерального сырья, металлургию цветных редких металлов, геофизические исследования в космическом пространстве, распространение радиоволн, экономику промышленности [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 605. Л. 91]. Работа в институтах КФАН проводилась в соответствии с этими направлениями. Планы работ научных институтов КФАН уточнялись согласно дополнительным директивным решениям. Так, в октябре 1962 г. планы были расширены за счет мероприятий по выполнению указаний Председателя Совета Министров

Н. С. Хрущева, данных в документе «О поездке в Мурманскую и Архангельскую области и некоторых вопросах дальнейшего развития северных районов». По приказу Комитета по координации Мурманский совнархоз с привлечением ученых КФАН должен был разработать меры по усилению геологических работ на Кольском полуострове, ускорению подсчета разведанных запасов, особенно редких металлов, и решению вопросов комплексного использования полезных ископаемых. Предлагалось также разработать план проведения комплекса научно-исследовательских работ по применению вермикулита в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 605. Л. 175].

Несмотря на формальное отделение Кольского филиала от Академии наук СССР, реально Президиум АН СССР и его отраслевые Отделения продолжали оказывать большое влияние на деятельность всех научных учреждений КФАН СССР. Примером этому может служить активная позиция Отделения биологических наук АН СССР в решении вопроса о судьбе Мурманского морского биологического института. На заседании Бюро отделения 20 февраля 1962 г. с участием представителей Мурманского Обкома КПСС рассматривался вопрос о проектируемом объединении ММБИ Кольского филиала с ПИНРО. Бюро признало, что такое объединение, несомненно, затормозит проведение теоретических работ в широком биологическом плане, а это, в свою очередь, осложнит решение практических работ. Ввиду того что научно-методическое руководство принадлежало Академии наук СССР, Бюро отделения биологических наук признало нецелесообразным проектируемое объединение [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 607. Л. 18].

Главной задачей региональных филиалов, оказавшихся в ведении Комитета по координации, являлось, как уже отмечалось, оказание помощи совнархозам в изучении природных ресурсов, в развитии производительных сил соответствующих районов. Поэтому в научно-организационной деятельности Филиала особое место занимала разработка мероприятий по рациональному размещению производительных сил Мурманской области. За все годы работы Кольского филиала в Совет Министров РСФСР не представлялось столько предложений по отдельным вопросам развития производительных сил, сколько их было подготовлено и передано в правительство в 1962 г. До 1 декабря 1962 г. по предложениям КФАН Совет Министров РСФСР принял три постановления по вопросам развития промышленности, научно-исследовательских и геолого-поисковых работ, технологии переработки и обогащению комплексного минерального сырья Кольского полуострова и создания опытно-промышленных установок.

Большое внимание в деятельности Кольского филиала уделялось укреплению и расширению связи с промышленными предприятиями области путем заключения хозяйственных договоров и договоров о содружестве. Если в 1961 г. было заключено договоров на выполнение 22 работ, то в 1962 г. – на 34 работы, причем наибольшее количество договоров в этот время приходилось на долю Геологического института – 17 работ [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 267].

Внедрение в производство законченных научно-исследовательских работ осуществлялось различными методами в зависимости от области исследования и характера исследуемого вопроса.

Успехи, достигнутые научными учреждениями, во многом объяснялись активной помощью и вниманием к проблемам КФАН региональных органов

власти. Это, в частности, продемонстрировала встреча ученых с первым секретарем Мурманского обкома КПСС Г. Я. Денисовым и председателем Мурманского совнархоза В. А. Шлыковым, которая выявила довольно значительные возможности органов власти Мурманской области в решении конкретных задач. С помощью совнархоза более быстрыми темпами проверялись в промышленных условиях и внедрялись в жизнь предложения ученых.

На заседаниях бюро Мурманского обкома КПСС неоднократно рассматривались вопросы взаимодействия научных учреждений с предприятиями области. Важной формой взаимодействия науки, местных властных органов и производства стало проведение совместных совещаний по наиболее актуальным проблемам развития производительных сил региона.

В июне 1962 г. было проведено координационное совещание по вопросам перспективного развития энергетики северных районов Европейской части СССР, в котором приняли участие 25 научных, плановых и хозяйственных организаций, в том числе представители Госпланов СССР и РСФСР, совнархозов, ВУЗов, научных и проектных организаций. В том же году полностью закончилась подготовительная работа по организации Всесоюзного совещания по геологии никелевых месторождений и перспективам никеленосности территории СССР, которое планировалось провести совместно с Министерством геологии и охраны недр СССР в 1963 г.

Во исполнение Постановления Совета Министров РСФСР от 25 сентября 1961 г. Государственный комитет по координации поручил КФАН организацию и проведение совещания по проблемам исследований, добычи, обогащения, переработки и использования вермикулита и флогопита в народном хозяйстве.

Активизировалось участие представителей Кольского филиала в работе Всесоюзных научных съездов, конференций и совещаний. Если в 1961 г. ученые принимали участие в 30 конференциях и совещаниях, то в 1962 г. они выступили с докладами и сообщениями более чем на 50 таких мероприятий. Это способствовало расширению контактов научных учреждений Филиала с центральными институтами АН СССР, центральными отраслевыми институтами, учреждениями, организациями и производственными предприятиями, помогало координировать работы и получать необходимые консультации по вопросам научных исследований.

Развивалась издательская деятельность институтов Филиала. В течение 1962 г. в издательстве АН СССР и в местных издательствах, несмотря на резкое сокращение заказных изданий, вышло в свет 17 монографий общим объемом 209,4 п.л. [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 310]. Вышедшие в свет монографии и сборники статей содержали результаты проведенных институтом исследований и экспериментальных работ. Постоянной задачей руководства Филиала и институтов являлась подготовка научных кадров, распределение штатов научных работников, систематическое укрепление ведущих направлений высококвалифицированными специалистами.

В 1962 г. общая численность штатных сотрудников по сравнению с 1961 г. увеличилась на 211 человек или на 23 %. Число штатных научных сотрудников выросло на 29 %, при этом численный состав научных сотрудников – кандидатов наук вырос только на 14 % (табл. 1).

Таблица 1

Рост числа штатных работников КФАН СССР за 1957–1962 гг.
[НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 304]

	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.
Всего работников	451	534	571	763	916	1127
В т.ч. науч. работников	134	154	170	195	247	319
Из них: докторов наук	5	5	5	4	3	3
кандидатов наук	40	42	45	62	66	73
без степени	89	107	120	129	178	243

Из данных таблицы следует, что численный рост научных сотрудников со степенью более медленный, чем численный рост научных сотрудников без степени. Этим объяснялось снижение удельного веса научных сотрудников со степенью в общем количестве научных сотрудников с 33,5 % в 1957 г. до 28 % в 1962 г.

Таблица 2

Состав научных работников по ученому званию на 1 ноября 1962 г.
[НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 305]

Ученое звание	Число науч. работников	Из них	
		доктора наук	кандидаты наук
Профессор	2	2	-
Доцент	2	-	2
Старший науч. сотрудник	29	1	28
Младший науч. сотрудник	237	-	43

Как видно из таблицы 2, в составе научных работников доктора и кандидаты наук составляли только 28 %, доктора в общем количестве научных сотрудников составляли только 1,1 %. Это свидетельствовало о том, что задача по комплектованию высококвалифицированными специалистами научных учреждений Филиала становилась первоочередной.

По институтам состав научных сотрудников с ученой степенью на 1 ноября 1962 г. характеризовалось следующим образом:

Таблица 3

Состав научных работников со степенью по институтам на 1 ноября 1962 г.
[НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 306; Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 306]

Институт	Число науч. сотрудников, всего	Из них научных сотрудников со степенью	
		количество	%
Геологический	84	28	33,3
ИХТРЭМС	50	9	18,0
ГМИ	58	9	15,5
ПГИ	20	5	25,0
ММБИ	25	10	40,0
ПАБСИ	25	15	60,0

Расширение объемов и направлений научной деятельности КФАН СССР требовало дополнительных производственных помещений, новейшего научного оборудования, экспериментальных и опытных установок. Комитет по координации разрабатывал перспективный план мероприятий по улучшению материально-технической базы филиалов и институтов, планируя увеличения ассигнования на капитальное строительство и оснащение всех филиалов лабораторным и экспериментальным оборудованием. Однако не все эти планы реализовывались.

В 1962 г. проблема строительства в КФАН являлась наиболее острой и важной. План капитальных вложений КФАН был утвержден на 1962 г. в сумме 1149 тыс. руб., в том числе по Государственному плану – 879 тыс. руб., из резервного фонда Совета Министров РСФСР – 270 тыс. руб. и на проектирование – 17 тыс. руб.

Основными объектами капитального строительства в 1962 г. были следующие:

а) ионосферная станция в пос. Лопарская. В ходе строительства станции введено 380 кв. м жилой площади; построены два лабораторных здания. Сданы в эксплуатацию котельная-дизельная, склад ГСМ, теплосети;

б) лабораторный корпус ИХТРЭМС;

в) хозяйственным способом в 1962 г. закончено строительство в Академгородке трех служебных лабораторных домов общей рабочей площадью до 900 м². Введено в строй здание гаража для автомобильного транспорта.

В ММБИ (пос. Дальние Зеленцы) закончено строительство, сдан в эксплуатацию служебно-административный дом. В Полярно-альпийском ботаническом саду завершено сооружение новых теплиц и двускатных парников. В пос. Кукисвумчорр началось строительство подземной геофизической лаборатории. В октябре 1962 г. было рассмотрено и утверждено проектное задание на строительство опытного корпуса ИХТРЭМСа [Токарев, Петров, 2014: 33].

В 1962 г. сложилось крайне тяжелое положение с обеспечением жильем прибывающих молодых специалистов. В связи с этим Президиум КФАН принял постановление о временной передаче двух домиков, предназначенных под производственные помещения, для заселения молодых специалистов.

Об успехах, достигнутых Кольским филиалом в указанный период, а также о трудностях, с которыми столкнулось научное учреждение, свидетельствует справка Президиума КФАН, направленная в Комитет по координации и Президиум АН СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 603. Л. 47].

КФАН рассчитывал на реальную помощь Комитета по координации в устранении трудностей и решения назревших проблем. Однако дни существования Комитета по координации уже были сочтены, а его работа была подвергнута критике со стороны Совета Министров РСФСР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 605. Л. 66]. В числе недостатков в работе Комитета отмечался недостаточный контроль за работой совнархозов по выполнению заданий по новой технике, внедрению передовых технологических процессов и строительству опытных установок. Разрабатываемые Комитетом по координации планы развития и внедрения новой техники были громоздкими, вследствие чего плохо контролировались. Комитет по координации оказывал недостаточную помощь научно-исследовательским институтам в развитии экспериментальных баз и оснащении их лабораторий современным оборудованием и приборами.

Совет Министров РСФСР обязал принять меры к быстрейшему преодолению отмеченных недостатков в координации и планировании научно-

исследовательских и опытно-конструкторских работ, ликвидации параллелизма в работе научных учреждений, усилению контроля за выполнением совнархозами, министерствами и ведомствами РСФСР заданий по внедрению достижений науки и техники в народное хозяйство.

В начале 1963 г. на государственном уровне было признано, что создание Комитета по координации при Совете Министров РСФСР не оправдало надежд и что целесообразно преобразовать его в общесоюзный Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, возложив на последний подготовку совместно с АН СССР предложений по основным направлениям развития науки и техники в стране.

В связи со сложившейся обстановкой Президиум Академии наук СССР в 1963 г. вернулся к вопросу о положении и статусе филиалов. По мнению президента АН СССР М. В. Келдыша, переданные в Комитет по координации филиалы остались по существу в том же составе, и было создано объединение филиалов параллельно с АН СССР [Келдыш, 1963: 5]. Это привело к тому, что руководство научной работой со стороны Академии наук, естественно, ослабло. Исходя из этого, Президиум АН СССР счел целесообразным учреждения, которые занимались в основном разработкой проблем естественных и общественных наук, подчинить Академии наук СССР.

Во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 апреля 1963 г. «О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и академий союзных республик» и распоряжения Президиума АН СССР от 3 мая 1963 г. Государственный комитет Совета Министров РСФСР сдал, а Академия наук СССР приняла Кольский филиал АН СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 651. Л. 1].

В 1963 г. научные учреждения КФАН должны были работать по планам научно-исследовательских работ и планам внедрения законченных работ, утвержденных еще Государственным комитетом по координации научно-исследовательских работ.

В 1964 г. Кольский филиал целиком, как комплексное научное учреждение, возобновил свою деятельность в составе Академии наук СССР, что было расценено учеными как признание той большой роли, которую Филиал играет и призван играть в научном обеспечении успешного развития Евро-Арктического региона России [НА КНЦ РАН. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 49. Л. 123]. Не оправдавшая себя попытка отрыва научных учреждений региональных филиалов Академии наук от своей прародительницы явилась следствием и результатом непонимания и недооценки в определенных кругах значения фундаментальных научных исследований для практического решения крупных текущих и особенно перспективных народнохозяйственных и социально-экономических проблем.

Список сокращений

ВАН СССР – Вестник Академии наук СССР

ГАМО – Государственный архив Мурманской области

ИХТРЭМС – Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья

ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

НА КНЦ РАН – Научный архив Кольского научного центра Российской Академии наук

ПАБСИ – Полярно-альпийский ботанический сад-институт

ПГИ – Полярный геофизический институт

ПИНРО – Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии

Архивные материалы

ГАМО. Ф. П-139. Партийный комитет Кольского научного центра АН СССР.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Научно-документальные материалы канцелярии Президиума Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР за 1930–1963 гг.

Список литературы

Келдыш М. В. О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и Академий наук союзных республик // ВАН СССР. 1963. № 6. С. 3–22.

Келдыш М. В. Советская наука и строительство коммунизма // ВАН СССР. 1961. № 7. С. 14–39.

Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. 522 с.

Сидоренко А. В. На новом пути // Наука и жизнь. 1958. № 9. С. 61–64.

Токарев А. Д., Петров В. П. К истории строительства Кольского филиала АН СССР в 1962–1971 годах // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. Вып. 5. С. 30–47.

Сведения об авторах

Саморукова Антонина Григорьевна,

научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор
Цentra гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Samorukova Antonina Grigoryevna,

Researcher of Barents centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

Petrov Valentin Petrovich,

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of the Barents centre
of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 001.895(48)

С. Н. Виноградова

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ НАУКИ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация

В качестве основных трендов современного развития науки в странах Северной Европы определены: формирование региональных инновационных систем сетевого типа; научная мобильность, в том числе трансграничная; целевая ориентация исследований на местные сообщества и местную идентичность.

Ключевые слова:

северная Европа, инновации, региональная инновационная система (РИС), сетевые структуры, научная мобильность, местная идентичность.

S. N. Vinogradova

THE MAIN TRENDS OF THE CONTEMPORARY DEVELOPMENT IN THE NORTHERN EUROPE

Abstract

The main trends of the contemporary scientific development in the Northern Europe are identified as following: forming of the regional innovation systems by the net type; scientific mobility, including transboundary one; target of investigations to the local communities and local identities.

Key words:

northern Europe, innovations, regional innovation systems (RIS), net structures, scientific mobility, local identity.

В настоящее время страны Северной Европы входят в число признанных мировых лидеров инновационного развития. Здесь накоплен уникальный опыт по преодолению территориальной периферийности, особенно в отношении северных провинций, на основе развития «экономики знаний». Очевидно, что важнейшим фактором, позволившим совершить подобные трансформации в течение достаточно короткого срока (речь идет о периоде с середины 1980-х гг.), является эффективная научная политика рассматриваемых стран, в том числе региональная.

Важнейшим фактором, обеспечившим странам Северной Европы возможность перевести их национальные экономики на инновационный характер, безусловно, является высокий уровень финансирования научно-исследовательской деятельности и образования. Этот регион – один из европейских лидеров по государственным затратам на НИОКР (табл. 1). Кроме того, инвестиции крупных промышленных корпораций, особенно в Норвегии, составляют существенную часть финансирования научных исследований.

Таблица 1

Государственные расходы стран Северной Европы на НИОКР [Nordic..., 2013]

	Дания	Финляндия	Исландия	Норвегия	Швеция
млн евро	1 825	1 644	87	1 973	2 473
% от ВВП	2,98	3,55	2,40	1,65	3,41

Само по себе высокое финансирование научных исследований не может обеспечить экономический эффект. Необходимы специальные механизмы, обеспечивающие эти трансформации, в том числе и в отношении организации и развития научной и образовательной деятельности. В рамках одной статьи не представляется возможным проанализировать все грани этих процессов, даже в одном отдельно взятом регионе. Однако в отношении стран Северной Европы можно выделить несколько, на наш взгляд, важных и принципиальных моментов, которые, во-первых, являются характерными для всех стран данного региона и оказывают очевидный положительный эффект на их развитие, а во-вторых, могут быть применены в российских условиях.

1. Наука и образование в странах Северной Европы функционируют и развиваются в рамках региональных инновационных систем (РИС) сетевого типа.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. в работах ряда ведущих европейских ученых обосновывается концепция необходимости формирования национальных инновационных систем (НИС) как основного фактора экономического роста в постиндустриальном обществе. В самом общем виде теория НИС, основоположником которой считается профессор Орхусского университета Б. О. Лундвалл (Швеция), обосновывает идею о том, что экономическое развитие обеспечивается не собственно инновациями, а тем синергетическим эффектом, который достигается в результате инновационной деятельности в условиях соответствующей институциональной среды, объединяющей производителей и потребителей инноваций и являющейся объектом государственного регулирования [Лундвалль, 2003].

Теория НИС, в рамках которой инновации рассматриваются в территориальном аспекте, в значительной степени способствовала формированию нового понимания данной категории. Инновационный процесс индустриальной эры был иерархическим, понимался сугубо технологично и линейно: потоки знания как бы перетекают снизу-вверх от его генерации к накоплению и коммерциализации. А поскольку верхний уровень является самым главным с точки зрения концентрируемых финансовых ресурсов, значит, он и становится основным в инновационном процессе, который ориентируется, главным образом, на коммерческую составляющую. Теория НИС позволила перевести акценты в понимании инновационного развития в плоскость взаимодействия его участников. Здесь появляются идеи о творческом человеке, сетевых структурах, синергии пространственных структур и т.д. [Freeman, 1991; Лундвалль, 2003].

В дальнейшем, с середины 1990-х гг., акцент в европейских исследованиях территориальных инновационных систем стал перемещаться с национального на региональный уровень. Первоначально это были работы, направленные на анализ опыта принципиально новых по своей структурной организации интеллектуальных территорий мира, таких как «Силиконовая

долина» (Калифорния, США) или научный парк «Идион» в районе г. Лунд (Швеция). Для этих территорий была характерна особая интеллектуальная среда, особая атмосфера внутри местного сообщества, нацеленного прежде всего на поиск нового знания, а также динамизм рынка труда и высокая предпринимательская активность предприятий и организаций малого бизнеса [Amin, Thrift, 1994].

Первоначальная идея состояла в том, что данные регионы могут быть использованы как модельные для распространения опыта инновационного развития по всему миру. Однако дальнейшие исследования показали, что каждый такой случай в определенном смысле уникален и характеризуется региональной укорененностью, то есть наличием тесных региональных связей между элементами системы и ориентацией на региональную специфику. Регион в каждом конкретном случае создает свою уникальную среду. По словам профессора А. Пилясова, одного из ведущих российских ученых в области регионального развития, «...регион – это упаковка, контекст инновационного процесса» [Пилясов, Хомич, 2012: 32].

Современный РИС-подход определяет регион как самый эффективный уровень для коммуникации и обмена знаниями. Его ядро составляет идея, что успех местной экономики зависит от того, как компании, исследовательские институты, общественный сектор взаимодействуют между собой для создания, распространения и коммерциализации знания. И именно на региональном уровне это взаимодействие может осуществляться наиболее эффективным образом в силу компактности и устойчивости региональных связей. Очевидно, что это справедливо для успешных, инновационно развитых регионов.

Теория региональной инновационной системы (РИС) дает новое понимание инновационного региона как локализованного пространства осуществления творческой деятельности, продукция которой способна к быстрой коммерциализации. Кроме того, теория РИС обеспечила окончательный переход в европейской науке от сугубо технологичного понимания инновации к ее социальному значению, как творческого процесса, единой природы с предпринимательством и художественным творчеством [Пилясов, Колесникова, 2008].

Таким образом, региональная инновационная система (РИС) может быть определена не как состояние или структура, характерные для определенной территории, а как процесс коммуникации творческих людей, создающих коммерческий инновационный продукт, востребованный рынком, в локализованном пространственном контуре, в котором созданы условия для активного общения, для новаторской деятельности.

Теория РИС в силу ее структурированности и логической стройности получила широкое распространение в практике реального управления региональным развитием в европейских странах. В своих работах шведский ученый Бьерн Эшейм выделяет три основные типа функционирования региональных инновационных систем в современной Европе [Asheim 1998, Эшейм, Коэнэн, 2012].

А) Территориально укорененные региональные инновационные системы

Это самый простой тип РИС. В данных системах промышленные и производственные компании основывают свою инновационную деятельность на локализованных (местных или региональных), межфирменных контактах и

процессах обучения, основанных на сочетании географической близости и общих отраслевых интересах. При этом активного непосредственного взаимодействия с организациями производства знания, то есть научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро и университетами не происходит.

Примерами территориально укорененных региональных инновационных систем являются локальные системы малых и средних предприятий в развитых промышленных районах, которые обеспечивают взаимодействие через специализированные отраслевые центры технологического или инновационного развития, а также организации по оказанию интеллектуальных услуг, функционирующие в целях содействия адаптивному технологическому и организационному обучению в территориальном контексте.

Такие территориально укорененные РИС обеспечивают технологическое обновление местных предприятий, как правило, связанное с модернизацией, а также развитие регионального человеческого потенциала. Как следствие, создаются условия для поддержания определенной экономической стабильности регионов, однако предпосылки для серьезных как технологических, так и экономических прорывов не складываются.

В) Регионализованный национальный инновационный институт

Как следует из названия, такие системы более тесно связаны с государственными инновационными институтами. Регионализованный национальный инновационный институт возникает там, где часть промышленности и институциональной инфраструктуры функционально интегрированы в национальные или международные инновационные системы, то есть инновационная деятельность осуществляется в основном в сотрудничестве с другими акторами за пределами региона, а местные организации и предприятия становятся, скорее, территориями применения «внешних» инноваций на основе формальных контрактов. Регионализованные национальные инновационные системы представляют собой модель развития, в которой внешние акторы и взаимоотношения играют большую роль, чем местные, и соответствуют узкому пониманию инновационной системы, охватывающей в основном научно-исследовательские функции университетов, институтов и корпораций.

Одним из особых случаев регионализованной национальной инновационной системы является кластеризация учреждений НИОКР, в том числе научных лабораторий крупных корпораций и / или государственных научных учреждений в «научных парках» и технополисах, как правило, расположенных в непосредственной близости от университетов и технических колледжей, но на практике имеющих ограниченные связи с местной промышленностью. Непосредственно в рамках таких парков обычно не удается сформировать инновационные сети на основе межфирменного сотрудничества и интерактивного обучения. Технополисы характеризуются ограниченным инновационным взаимодействием между компаниями в пределах полиса, а также вертикальными субподрядными взаимодействиями с неместными, внешними фирмами. Эти характеристики подразумевают отсутствие местной и региональной укорененности и ставят под сомнение возможности парков и технополисов по содействию повышению уровня инновационности и конкурентоспособности местной промышленности (особенно малого и среднего предпринимательства) как предпосылок для регионального развития.

С) Инновационные системы с региональной сетевой структурой, или сетевые региональные инновационные системы.

Данный тип РИС в определенном смысле объединяет признаки двух предыдущих. Как и в первом случае, компании и организации являются укорененными в конкретном регионе и характеризуются локализованным обучением на основе местного взаимодействия. Однако благодаря намеренному государственному укреплению институциональной инфраструктуры региона, в том числе повышению роли базирующихся в регионе институтов НИОКР, организаций профессиональной подготовки и других местных организаций, вовлекаемых в инновационные процессы компаний, эти системы имеют более комплексный характер, включая частно-государственное сотрудничество.

Характерной особенностью региональных инновационных систем данного типа является сетевой подход при формировании соответствующей инновационной инфраструктуры, то есть создание и стимулирование стабильных горизонтальных связей между различными участниками инновационного процесса (промышленными компаниями, организациями НИОКР, малым и средним бизнесом, органами управления и т.д.) на уровне региона. Подобные региональные инновационные системы являются результатом политического вмешательства государства с целью повышения инновационного потенциала регионов и развития сотрудничества.

Системы с сетевой структурой обычно считаются региональными инновационными системами совершенного типа: региональный кластер компаний и организаций НИОКР, окруженных региональной институциональной инфраструктурой поддержки, обеспечивающей их взаимодействие.

В таких системах малые и средние предприятия, которые согласно современным представлениям об инновационном развитии должны выступать важнейшими потребителями инноваций, могут дополнить свое знание компетенциями, приобретаемыми за счет более системных научных исследований и разработок организаций НИОКР. В рамках такого взаимодействия компании могут получить доступ к более полным базам аналитического и синтетического знания на национальном и мировом уровнях. Сотрудничество с местными университетами и институтами НИОКР может обеспечить компаниям доступ к знаниям и компетенциям, которые они не могут приобрести на месте. Это повышает их инновационный потенциал, с одной стороны, и позволяет добиваться общего синергетического эффекта в развитии региона, с другой.

Характерно, что данный тип РИС авторы определяют как наиболее прогрессивную модель современного управления региональным развитием и называют ее «скандинавской», так как она сформировалась именно в странах Северной Европы [Эшейм, Коэнен, 2012: 706].

Тот факт, что страны Северной Европы являются одними из лидеров с точки зрения формирования региональных инновационных систем, подтверждается, например, исследованиями Института Индустриального и Финансового Анализа (Institute for Industrial and Financial Analysis, IAIF) Мадридского университета. Здесь были проведены работы по созданию типологии регионов, охватывающей все разнообразие региональных инновационных систем в странах Европейского Союза, с целью обобщения европейского опыта и разработки рекомендаций для развития региональной политики, учитывающей особенности и нужды каждого из регионов. Исследование проводилось эконометрическими методами, в том числе

с использованием кластерного и факторного анализа и охватывало 186 регионов ЕС. Типологизация проводилась на основе анализа 20 аналитических показателей международной статистической базы данных REGUE³, а также индекса периферийности, рассчитанного по оригинальной методике, разработанной непосредственно для данного исследования. По мнению авторов работы, выбранные параметры характеризуют способность региона генерировать и усваивать знания, а также преобразовывать НИОКР в инновационное развитие и экономический рост [Наварро и др., 2012].

По результатам анализа все обследуемые регионы были структурированы в 7 групп (кластеров), внутри которых РИС обладают достаточно схожими характеристиками. Большинство рассматриваемых европейских регионов, а именно 109 из 186, были отнесены к группам со слабым или средним уровнем инновационного развития, а лидерами ожидаемо оказались две группы: высокоразвитые промышленные территории и столичные конгломераты.

Характерно, что 10 регионов стран Северной Европы (преимущественно Скандинавии) были выделены в отдельную группу, которая в данной типологии определена как «группа инновационных регионов с высоким уровнем развития». Главной особенностью данной группы авторы определяют высокий уровень социально-экономического и технологического развития, который обеспечивает регионам лидирующие позиции, несмотря на их периферийное положение в Европе. Характерно, что все эти регионы имеют плотность населения ниже средней по Европейскому Союзу в целом, но это не препятствует их развитию. Эти территории характеризуются высоким уровнем охвата населения образованием и широким распространением обучения на протяжении всей жизни, что обеспечивается за счет развитой системы региональных научно-образовательных центров. При этом в исследовании отмечается, что такие базовые показатели, как расходы на НИОКР или количество регистрируемых патентов, очень высоки, но не менее важной характеристикой этой группы регионов является сбалансированность между основными агентами РИС (фирмы и предприятия, университеты и государственные учреждения) [Наварро и др., 2012].

Таким образом, страны Северной Европы являются одними из мировых лидеров в развитии инновационных процессов. Это достигается за счет сбалансированной государственной политики, основанной на принципах формирования региональных инновационных систем (РИС) сетевого типа. Сетевой подход позволяет создать устойчивые связи между производителями и потребителями инноваций, а высокий уровень образования населения формирует определенный потребительский запрос на инновации в регионах. Тем самым создаются предпосылки для перехода к «экономике знаний» и достижения высоких показателей социально-экономического развития.

2. Периферийность региональных научных и образовательных организаций в странах Северной Европы преодолевается развитием научной мобильности, в том числе и трансграничной.

Поскольку, как мы уже отмечали, современное понимание инновации предполагает как эффективные коммуникации творческих людей, так и

³ Статистическая база REGUE разработана совместно IAIF и Basque Institute of Competitiveness и основана на данных региональных сборников Eurostat и на собственных расчетах [Наварро и др. 2012].

активные перетоки знания, научная деятельность (деятельность по производству знания), являясь ядром инновационного процесса, должна также соответствовать указанным критериям. Страны Северной Европы демонстрируют в решении данных вопросов высокий уровень реализации. Достигается это стимулированием мобильности научно-исследовательских кадров и развитием международной кооперации, причем в научных учреждениях Северной Европы эти процессы очень близко связаны и дополняют друг друга.

Уже начиная со школьного уровня, жители стран Северной Европы очень активно знакомятся с культурой, традициями и обязательно языками своих северных соседей. Это создает крепкий фундамент для развития в дальнейшем профессиональной кооперации как внутри региона, так и за его пределами [Скандинавия..., 2016].

Уровню знания языка здесь вообще придается очень большое значение. Например, в Норвегии для обучения в университете, начиная с уровня магистратуры, обязательным требованием является свободное владение английским языком. Все университеты стран Северной Европы, в том числе и региональные, обязательно имеют международные программы и принимают зарубежных студентов и аспирантов для обучения, которое осуществляется в интернациональных коллективах и на английском языке. Это позволяет не только привлечь талантливую молодежь из других, в том числе развивающихся стран, но и создать условия для ежедневного общения как студентов, так и сотрудников университетов на английском языке. Таким образом, научная молодежь приходит в исследовательские коллективы уже подготовленной для работы на международном уровне [Lapland..., 2016; The Arctic..., 2016].

Следует заметить, что подобная деятельность стимулируется именно на государственном уровне: международные образовательные программы реализуются в основном за счет средств государственных бюджетов, многие из них являются бесплатными для студентов⁴. Кроме того, существует система разнообразных грантов, которыми в случае успешного обучения могут воспользоваться как граждане стран Северной Европы, так и не граждане [Скандинавия..., 2016].

Созданы определенные предпосылки для развития научной мобильности и на межгосударственном уровне, и непосредственно в североевропейском регионе. В ряде совместных документов стран Северной Европы отмечается, что ключевые задачи развития и внешние вызовы, с которыми встречаются отдельные страны, в данном регионе имеют единую природу, а объединение усилий, направленных на их решение, является важной составной частью успеха. Так, например, «Хельсинское соглашение»⁵, документ, который послужил отправной точкой для формирования глубоких интеграционных связей между странами Северной Европы, обеспечивших современное

⁴ Например, все образовательные программы в Норвегии являются бесплатными. В Финляндии до 2015 года образование также было бесплатным. Ситуация изменилась в связи с ухудшением экономической ситуации [Образование..., 2016; Скандинавия..., 2016].

⁵ Документ был принят в 1960-е годы и сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Он неоднократно актуализировался, последние изменения были внесены в 1995 г. Послужил отправной точкой при формировании инициативы «Северного измерения» Европейского Союза [Воронков, 2009].

состояние данного региона как зоны благосостояния, стабильности и мира, содержит положения, призванные обеспечивать возможность получить образование и сдавать экзамены в учебных заведениях студентам любой из стран – участников соглашения, признавать дипломы выпускников, полученные в ходе такого обучения. Там же зафиксирована договоренность координировать проводимые в странах Северной Европы научные исследования, учреждать совместные исследовательские учреждения, наилучшим образом использовать имеющиеся исследовательские гранты и другие ресурсы [Воронков, 2009].

Важнейшим механизмом поддержки международных исследований в странах Северной Европы в настоящее время выступает грантовая программа Совета Министров северных стран. Политика данного органа межправительственной кооперации в отношении поддержки научных исследований направлена на развитие сотрудничества по наиболее актуальным проблемам Европейского Севера и Арктики [The Nordic Council..., 2016].

Особый случай кооперации на Севере Европы, в том числе и в сфере науки, образования и инновационного развития в целом, демонстрирует Баренц/Евро-Арктический регион (БЕАР), объединяющий арктические территории четырех стран: северные провинции Норвегии, Финляндии, Швеции и северо-западные районы России. Уникальность БЕАР состоит не только в географии его участников, но и в успешном использовании двухуровневой модели управления международным сотрудничеством, предполагающей сочетание межгосударственного и регионального взаимодействия. Но главным достижением Баренц-кооперации считается новая психология сотрудничества, ориентированная на личные человеческие контакты [Фокин, 2012; Петтерсен, 2003: 29].

Опыт развития международного научного сотрудничества в рамках Баренц-региона продемонстрировал эффективность организации взаимодействия ученых по принципу сетевых структур. Данный подход предполагает, что научные и образовательные учреждения и организации, как и их сотрудники на персональном уровне, являются участниками сетевых проектов, сформированных по различным профессиональным интересам. Это обеспечивает широкое участие научно-образовательного сообщества в сотрудничестве, а также позволяет наиболее эффективно осуществлять обмен информацией и создавать возможности для повышения квалификации и уровня компетенций ученых и студентов. А для реализации конкретных исследований создаются временные международные научно-исследовательские группы, объединяющие специалистов по конкретным вопросам. Поэтому основной акцент в научной Баренц-кооперации был сделан на поддержку таких профессиональных сетей и стажировок специалистов и студентов. В то время как собственно исследования предлагается проводить на конкурсной основе, в рамках крупных научно-исследовательских программ⁶, сформированных по приоритетным направлениям развития Баренц-региона [Виноградова..., 2015].

⁶ В Баренц-регионе кроме национальных фондов стран-участниц сотрудничества существуют и коллективные финансовые источники и механизмы для поддержки науки. Это средства Совета министров Северных стран, Баренцева секретариата, а также международных исследовательских программ Европейского Союза: Программа Коларктик и Программа Горизонт 2020 [Баренц программа, 2014].

Страны Северной Европы активно развивают и более широкие международные связи, особенно интенсивно это происходит в арктических регионах, где природные и социально-экономические вызовы наиболее актуальны. При этом наши северные соседи во многих интеграционных программах занимают ключевые позиции. Например, по инициативе Финляндии был создан Арктический Совет – глобальный международный форум по проблемам защиты уникальной природы Севера и Арктики, а также Университет Арктики (UArctic) – международный проект, объединяющий в единую сеть университеты, колледжи, научно-исследовательские институты и другие организации, работающие в сферах высшего образования и исследовательской деятельности в Арктическом регионе. Представительства Сетевого университета открыты во всех странах, участвующих в проекте, а Секретариат располагается в Лапландском университете (Рованиemi, Финляндия). Уникальность проекта состоит в том, что он объединяет студентов и исследователей всех арктических стран и предоставляет им возможность прямого взаимодействия на различных образовательных и исследовательских площадках глобальной Арктики [UArctic, 2016].

Большую роль в развитии международной кооперации во всем мире играют Академии наук – организации, объединяющие на выборной основе ведущих ученых, получивших высокое признание. Миссии всех Академий Северной Европы⁷ – поддержка высококвалифицированных исследований через распределение долгосрочного финансирования, выделяемого на основе экспертных оценок качества научных разработок и содействие в формировании условий для организации и проведения этих работ в научных организациях. Академии наук регулируют финансирование грантовых проектов, научных программ, а также специальных программ повышения квалификации исследователей и развития международного сотрудничества. Активно финансируется работа или обучение исследователей за рубежом, а также приглашение высококвалифицированных специалистов из других стран [The Finish..., 2016; The Norwegian ..., 2016; The Royal Swedish..., 2016; The Royal Danish..., 2016].

Интересен, на наш взгляд, опыт работы Норвежской академии наук, где создан Центр передовых исследований (Centre for Advanced Studies, CAS), расположенный на территории ведущего национального университета в Осло. Ежегодно Норвежская академия отбирает на конкурсной основе среди региональных исследовательских организаций несколько, уже находящихся в разработке, научных проектов по трем направлениям: а) гуманитарные исследования, б) социальные исследования, в) естественно-научные, медицинские исследования и математика. Участникам отобранных проектов предоставляется возможность в течение года работать на площадке данного Центра в непосредственном контакте с ведущими учеными, проводя при этом регулярные открытые научные мероприятия, направленные на продвижение результатов проекта, в том числе на международный уровень. Обязательным условием для участия в работе Центра является междисциплинарный характер

⁷ В Северной Европе Национальные академии существуют в Норвегии, Финляндии, Швеции и Дании; только Королевская академия Швеции имеет в своем составе 4 исследовательских института, исторически созданных и функционирующих до настоящего времени как академические организации.

исследований, интернациональный состав исследовательского коллектива (рабочий язык Центра – английский) и участие молодых исследователей [Centre..., 2016].

Таким образом, в странах Северной Европы прикладываются активные усилия по развитию различных форм научной мобильности. Причем делается это как в рамках государственной политики по развитию науки и образования, так и на уровне отдельных научно-образовательных организаций. Мобильность ученых позволяет не только повышать их личные компетенции, но и способствует преодолению региональной периферийности, а значит и развитию региона в целом.

3. Высокая востребованность результатов научных исследований, а значит, и их инновационность, на Севере Европы обеспечивается в значительной степени за счет их ориентации на региональные особенности, связанные в первую очередь с местными сообществами и местной идентичностью.

Следующей характерной особенностью развития научных исследований на Севере Европы, на наш взгляд, является глубокая привязанность их к региональным реалиям и вопросам местной специфики. Характерно, что при этом вектор развития науки и образования направлен не только на интересы промышленных или производственных кластеров, но в значительной степени на местные сообщества и особенности жизни людей. Наиболее выразительно эта тенденция проявляется в Северных и Арктических провинциях региона. Здесь, безусловно, развиваются исследования местных природных ландшафтов и биосистем, создаются новые технологии и методы освоения территорий. Однако именно уровень социально-ориентированных исследований определяет место североευропейских университетов в мировом контексте.

В этой связи представляется достаточно логичным, что одна из фундаментальных концепций развития, получившая в настоящее время широкое признание во всем мире, а именно концепция устойчивого развития, была сформулирована именно на Севере Европы.

В настоящее время устойчивое развитие понимается как длительный, управляемый, демократический процесс изменения общества на всех уровнях – от глобального до местного, нацеленный на улучшение качества жизни (в самом широком смысле этого понятия) для настоящего и будущих поколений [Globalization..., 2010]. Особое значение в этом контексте приобретает местный уровень, в том числе и потому, что именно в местных сообществах зарождаются инициативы, ведущие к изменениям в региональных, национальных и глобальном социумах. Многие международные и национальные стратегии устойчивого развития подчеркивают значение местного уровня и такие ценности, как расширение прав и возможностей, в том числе широкое участие населения в принятии решений, касающихся местного сообщества, усиление роли местного самоуправления [Рябова, 2011].

Концепция устойчивого развития – это живой, действующий инструмент, востребованный в настоящее время на всех уровнях управления. Не только в теории, но и в практике развития зарубежных северных / арктических социумов доминирующей является парадигма устойчивого развития, реализующая принципы социальной справедливости, экономической эффективности и экологической безопасности. Начиная с середины 2000-х гг. страны зарубежного Севера активно принимали национальные стратегии устойчивого развития (например, Швеция – в 2005 г., Финляндия – в 2006 г., Норвегия – в 2008 г.), охватывающие уровни от национального до местного [Tennberg..., 2012].

Однако наиболее ярко тезис об ориентации научно-образовательной деятельности на региональную специфику подтверждается уровнем развития в странах Северной Европы исследований, связанных с вопросами коренного народа саами, проживающего и имеющего данный статус на северных территориях Норвегии, Финляндии, Швеции и на Кольском полуострове.

Во всех североευропейских университетах саамская тематика (Saami studies) является одной из приоритетных. Главные направления – саамский язык; культура, традиции и история; сохранение и развитие традиционной экономики, прежде всего оленеводства; права саами и специальное законодательство; саамское искусство и дизайн. При этом базовым принципом признается необходимость связи исследовательских коллективов с саамскими сообществами, а также прямого привлечения коренного населения к исследованиям, причем не только в качестве источников информации, но и непосредственно в качестве исследователей, что предполагает, в свою очередь, создание условий и возможностей для образования саамского населения [Lapland..., 2016; The Arctic..., 2016].

В Финляндии главным центром развития саамских исследований является Лапландский университет, расположенный в Рованиеми – административном центре самой северной финской провинции Лаппи. Все университетские факультеты, так же как и подразделения Арктического центра – исследовательского департамента университета, реализуют образовательные программы и исследования в этой сфере. Например, на педагогическом факультете ведется подготовка преподавателей саамского языка, а также исследования в области сохранения языка и языковая подготовка для тех студентов, кто не является носителем саамского языка, но хотел бы его знать. Факультет искусств и дизайна является ведущей организацией в общемировом контексте по проведению исследований в этой области саамской культуры. Кроме того, здесь проводится активная работа по взаимодействию с культурными и саамскими организациями всех четырех стран их проживания. Юридический факультет занимается подготовкой специалистов в области прав саами, а также изучением законодательства в контексте рассматриваемых аспектов. Но наиболее широкий спектр саамских исследований проводится на социальном факультете. Это, например, вопросы управления местными ресурсами и развитие оленеводства, экология саамских территорий и качество жизни населения, политическое устройство общества и саамские социальные институты и т.д. Ежегодно в Лапландском университете защищается несколько дипломов и диссертаций по саамской тематике [Lapland..., 2016].

Иная стратегия применяется в Норвегии. В Норвежском арктическом университете (Тромсе) создан специальный центр по развитию саамских исследований (SESAM). Роль SESAM заключается как в развитии собственных научных разработок, так и в координации и продвижении междисциплинарных саамских исследований и образования саами в рамках университета в целом. Кроме того, SESAM поддерживает широкую сеть партнеров в области исследований коренных народов по всему миру [The Arctic..., 2016].

Цели и задачи данного Центра сформулированы следующим образом [The Arctic..., 2016]:

□ поощрять и укреплять междисциплинарные исследования и развитие образования, связанные с саами и другими коренными народами;

- содействовать изучению саамского языка, саамской культуры и культуры других коренных народов;
- осуществлять распространение информации об этнических исследованиях Арктического университета Норвегии;
- содействовать использованию саамского языка на всей территории университета;
- поощрять сотрудничество между Университетом и другими учреждениями, где изучается и преподается саамский язык и культура;
- консультировать и поддерживать факультеты Университета в вопросах, касающихся саамов и других коренных народов.

Особая роль принадлежит Саамскому университету прикладных исследований, расположенному в Каутокейно, Норвегия. Это уникальное научно-образовательное учреждение, где работают и обучаются главным образом саами, а основным рабочим языком как в научно-образовательном процессе, так и в управлении является саамский. Университет осуществляет подготовку бакалавров и магистров по нескольким аккредитованным в рамках международных стандартов специальностям по трем направлениям: лингвистика, социальные науки и естественные науки. Кроме того, в структуре Университета работает Саамский колледж, осуществляющий подготовку преподавателей школьного уровня и специалистов по саамским ремеслам. Университет активно поддерживается Советом министров Северных стран, что позволяет организовать обучение иностранных студентов, в том числе за счет курсов на английском языке, и привлечь зарубежных специалистов [Sami..., 2016].

Университет является мировым центром как саамских исследований, так и разработок по проблемам коренных народов в целом. Направления исследований связаны в первую очередь с вопросами саамского языка, культуры и истории, развития традиционных знаний и тематических информационных полей. Большое внимание уделяется оленеводству и другим видам традиционного хозяйства, современным социальным проблемам, политическим исследованиям на локальном, национальном и международном уровнях. Университет имеет два регулярных научных издания: сборник научных статей *Diedut* и сборник аналитических отчетов. Кроме того, совместно с Арктическим университетом Норвегии (UiT) выходит реферируемый «Саамский научный журнал», который публикуется на саамском языке [Sami..., 2016].

Такое внимание к поддержке саамских исследований вызвано заинтересованностью в развитии местных сообществ, их компетенций и человеческого капитала. Мы не предлагаем использовать подобный опыт напрямую, то есть сконцентрировать усилия региональных российских научных организаций на изучении коренных народов. Пример высокого уровня развития саамских исследований непосредственно на территориях их проживания, а не в центральных университетах, подтверждает нашу идею о том, что целевая ориентация на местные особенности, прежде всего на местные сообщества и идентичность, становятся точками развития периферийных территорий и факторами укоризненности инноваций в региональных системах.

Заключение

По мнению ведущих российских специалистов в области пространственного развития, современная Россия в вопросах инновационной деятельности в целом движется в направлении европейского опыта, однако, с отставанием в 20–25 лет, причем это касается как теоретических разработок,

так и практики пространственной организации и развития инновационной инфраструктуры [Пилясов, Хомич, 2012; Сердюкова, 2010; Кешишева, 2012].

В теоретическом смысле российское понимание инноваций соответствует уровню развития индустриального общества и характеризуется инженерным (линейным) подходом, отсутствием социального измерения, непониманием роли местных сообществ и укорененности в процессе инновационного развития. Именно такая риторика присутствовала в европейских исследованиях четверть века назад. Исключение составляют лишь работы отдельных российских исследователей, хорошо знакомых с зарубежным опытом⁸.

Характерно, что как в российской, так и в зарубежной научной литературе признается ключевая роль науки как ядра инновационных процессов. Однако, если в передовых зарубежных исследованиях организации НИОКР – это важнейшие участники сетей и процессов, обеспечивающих перетоки знания и мобильность, то у нас это, скорее, инновационный потенциал, измеряемый количественными показателями, такими как число регистрируемых патентов или число занятых в организациях сектора НИОКР.

Тем не менее российские регионы накопили в последние годы позитивный опыт формирования и поддержки инновационных структур, кластеров и инновационного предпринимательства, в том числе опираясь и на уникальный советский опыт академгородков и наукоградов. Особенности современной российской действительности исследователи считают крайне высокий уровень поляризованности в степени развития инновационной деятельности между регионами, а также разбалансированность российской инновационной системы в целом. Специалисты отмечают, что в настоящее время в худшем положении оказались те наукограды и ЗАТО, которые не обладают достаточно развитой образовательной системой, так как это усиливает их изолированность и существенно ограничивает мобильность и интегрированность в мировые и общенациональные инновационные процессы [Пилясов, 2012].

Возможно, что одним из наиболее негативных факторов современного инновационного развития России можно считать недооценку роли регионов как важнейших участников. В настоящее время в рамках национальной инновационной политики регион понимается главным образом как пассивный получатель федеральных средств на инновационное развитие или площадкой для внедрения нововведений и технологий, выработанных в инновационных центрах. Отсюда и «островной» характер российской инновационной системы.

В этой связи представляется крайне актуальным изучение передового зарубежного опыта инновационного развития. И здесь наши северные соседи – страны Северной Европы – демонстрируют общепризнанные успехи. Существенным, на наш взгляд, представляется опыт данного региона по развитию науки как важнейшего звена любой инновационной системы. Анализ, результаты которого представлены в данной статье, позволил выделить три ключевых тренда в современном развитии научно-образовательной

⁸ В качестве примера может быть предложена коллективная монография под редакцией профессора А. Н. Пилясова, в которой аккумулированы современные представления об инновационном развитии ведущих российских и зарубежных исследователей: Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Москва-Смоленск.2012.

деятельности стран северной Европы, которые могут быть взяты на вооружение в российских условиях, причем не только для регионов Севера и Арктики. По нашему мнению, это: 1) формирование региональных инновационных систем сетевого типа, 2) научная мобильность, в том числе трансграничная и 3) целевая ориентация исследований на местные сообщества и местную идентичность.

Список литературы

Баренцева Программа 2014-2018 гг. Официальный портал Баренцева секретариата. URL: http://www.barentsinfo.fi/beac/docs/Barents_Programme_2014_2018_Brochure_RUS.pdf.

Виноградова С. Н. Институциональные основы организации научно-исследовательского сотрудничества в Баренцевом \ Евро-Арктическом регионе // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 33. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. С. 52–63.

Воронков Л. Страны Северной Европы, «Северное измерение» и Россия. М: МГИМО (У), 2009.

Кешишева Н. Г. Территории инновационного развития: зарубежный опыт и российская практика // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2012. Вып. 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/territorii-innovatsionnogo-razvitiya-zarubezhnyy-opyt-i-rossiyskaya-praktika>.

Лундвалль Б. О. Вступление к статье К. Фримена «Technological Infrastructure and International Competitiveness». Репринт для конференции ГЛОБЕЛИКС, 2003. URL: http://www.redesist.ie.ufrj.br/globelics/pdfs/GLOBELICS_0079_Freeman.pdf.

Наварро М., Гибайя Х., Бильбао-Осорио Б., Агуадо Р. Инновации, НИОКР и экономический рост. Типология 25 стран ЕС и рекомендации для государственной политики. Гл. в Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Ред. А. Н. Пилясов. Москва-Смоленск. Ойкумена. 2012. С. 471–499.

Образование в Финляндии. URL: <http://e-finland.ru/travel/general/obrazovanie-v-finlyandii.html>.

Петтерсен Оддрюнн Мечта, ставшая реальностью. Региональное Баренцево Сотрудничество 1993-2003 гг. Архангельск: Архангельский Информационный Баренц Центр, 2002.

Пилясов А., Колесникова О. Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 50–69.

Пилясов А. Инновации в регионах – Российские реалии. Гл. в Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Ред. А. Н. Пилясов. Москва-Смоленск. Ойкумена. 2012. С. 41–62.

Пилясов А., Хомич Ю. Изучение региональных инноваций в России. Гл. в Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Ред. А. Н. Пилясов. Москва-Смоленск. Ойкумена. 2012. С. 30–40.

Рябова Л. А. Концепция устойчивого развития и формирование социальной политики в местных сообществах РФ // Север и рынок: формирование нового экономического порядка. 2011. Т. 1. № 27. С. 155–163.

Сердюкова Ю. С., Валиева О. В., Суслов Д. В. Инновационная система в регионах России: оценка состояния и развития // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 179–197.

Скандинавия по-русски. Информационный портал. URL: <http://norse.ru/visas/norway-studycommon.html>

Фокин Ю. Е., Смирнов А. И. Киркенесская Декларация о сотрудничестве в Баренцевом / Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. М., 2012. 88 с.

Эшейм Бьерн, Коэнен Ларс, Базы знаний и региональные инновационные системы: сравнение скандинавских кластеров. Гл. в Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Ред. А. Н. Пилясов. Москва-Смоленск. Ойкумена. 2012. С. 696–721.

Amin A., Thrift N. Living in the global, Ch. 1, in Amin A. and Thrift N. (eds.) Globalization, Institutions and Regional Development in Europe, Oxford University Press, Oxford, 1994. P. 1–22.

Asheim, B.T. Territoriality and economics: on the substantial contribution of economic geography. In Jonsson. O., Olander. L.-O. (eds.) Economic Geography in Transition, vol. 74. The Swedish Geographical Yearbook, Lund. P. 98–109.

Centre for Advanced Studies. Official portal. URL: <https://cas.oslo.no/about-cas/>.

Freeman C. "Networks of innovators: the synthesis of research issues" Research Policy 1991. 20. Pp. 499-514. URL: <https://ru.scribd.com/document/7868030/FREEMAN-Networks-of-Innovators-a-Synthesis-of-Research-Issues>.

Globalization and the circumpolar North. Edited by Lassi Heininen and Chris Southcott. University of Alaska Press, Fairbanks. 2010. 320 p.

Lapland University. URL: <http://www.ulapland.fi>.

Nordic Statistical Yearbook 2013. Ed. by Klaus Munch Haagensen. Copenhagen, Denmark: Nordic Council of Ministers. 2013. 156 p.

Sami University for Applied Science. Official Portal. URL: www.samiskhs.no.

Tennberg M., Riabova L., Espiritu A. Introduction to politics of development in the Barents region // Politics of Development in the Barents Region. Lapland University Press, Rovaniemi, 2012. P. 16-29.

The Arctic University of Norway. URL: <https://en.uit.no>.

The Finish Academy of Science and Letters. Official portal. URL: <http://www.acadsci.fi>.

The Norwegian Academy of Science and Letters. Official Portal.. URL: <http://english.dnva.no/c57901/seksjon/vis.html?tid=57902>.

The Royal Danish Academy of Science and Letters. Official Portal. URL: <http://www.royalacademy.dk/en>.

The Royal Swedish Academy of Science. Official Portal. – URL: <http://www.kva.se/en/About-the-academy/Institutes/>.

The Nordic Council of Ministers - <http://www.norden.org/en/nordic-council-of-ministers>.

UArctic. The Arctic University. URL: <http://www.uarctic.org/>.

Сведения об авторе

Виноградова Светлана Николаевна,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Vinogradova Svetlana Nikolaevna,

PhD (Economy), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 631(091)(470. 21)

С. А. Дюжилов

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛЯРНОЙ ОПЫТНОЙ СТАНЦИИ (1920–1923)

Аннотация

В статье рассмотрены неизвестные и малоизвестные страницы институционализации сельскохозяйственной науки на Кольском Севере, выявлены имена людей, стоявших у истоков опытного дела в Хибинах.

Ключевые слова:

северная научно-промысловая экспедиция, производительные силы, Агрономическая служба при Мурманской железной дороге, Земельные органы исполнительной власти Мурманской губернии, институционализация науки, Хибинское опытно-показательное хозяйство, огородничество, полярное земледелие.

S. A. Djuzhilov

ON THE HISTORY OF THE POLAR EXPERIMENTAL STATION ESTABLISHMENT (1920–1923)

Abstract

The article tells about unknown and poorly known facts of agricultural science institutionalization in the Kola North, as well as about people who were the pioneers of agricultural experimental work in the Khibiny area.

Key words:

the North scientific-and-stock expedition, productive forces, the Agricultural Service attached to the Murmansk railway, the Land bodies attached to the executive power of the Murmansk province, science institutionalization, the Khibiny model-experimental production, market-gardening, polar agriculture.

В истории институционализации науки на Кольском Севере до сих пор остается немало «непрочитанных страниц». К их числу в свете выявленных нами неопубликованных архивных и музейных материалов можно отнести и вопрос об основании научного центра полярного земледелия в Хибинах.

Важную роль в его появлении сыграла Северная научно-промысловая экспедиция (Севэкспедиция), учрежденная президиумом ВСНХ 4 марта 1920 г. вместо Комиссии по изучению и практическому использованию Русского Севера (1919) [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 15]. Отличительной чертой этого необычного научно-исследовательского института являлась ярко выраженная годичная подвижность его штатного состава: от нескольких десятков (постоянных сотрудников) до нескольких сотен человек (большой частью приглашенных по совместительству в период полевого сезона). Отсюда важнейшей задачей учреждения являлась координация деятельности ее руководящих центров и хозяйственных органов с исследовательскими партиями, которые работали в экспедиционном порядке в опаленных гражданской войной районах Европейского Севера, простирающихся на огромной территории от границ с Норвегией до устья Оби.

Возвращаясь после экспедиции, ученые, как правило, отчитывались о результатах по основному месту работы, не всегда упоминая в своих отчетах об организационной стороне исследований. Такая конструкция Севэкспедиции в условиях нехватки средств и научных кадров позволяла наиболее эффективно решать проблему развития производительных сил на северных окраинах страны.

Особое место в планах Северной научно-промысловой экспедиции в начале 1920-х гг. отводилось изучению Кольского Севера, которому центр в то время придавал стратегическое значение. Подтверждением сказанному служит то, что в это время возрастает военный и административный статус Мурманска (так, 13 июня 1921 г. постановлением ВЦИК была образована Мурманская губерния). Неудивительно, что из семи экспедиционных отрядов, организованных Севэкспедицией за первый год, шесть были направлены на Кольский полуостров; та же тенденция прослеживается и в 1921 г.: из двадцати трех ее отрядов пятнадцать работали на Мурмане [РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 1099. Л. 109; Д. 1277. Л. 11]. Выделим среди них Кольские почвенно-ботанические отряды, сыгравшие в 1920–1922 гг. пионерную роль в сельскохозяйственном освоении Заполярья.

Общее руководство ими осуществлял проф. Н. И. Прохоров, биография которого в историографии реконструирована лишь контурно, тая в себе множество открытий. Приведем из нее отдельные справочные данные.

Прохоров Николай Иванович (22.11.1877 – 04.04.1930), ученый-почвовед (ученик Н. М. Сибирцева и К. Д. Глинки), родоначальник грунтоведения, пионер в области изучения мерзлотных почв. Основные работы – по географии и генезису почв. Родился в г. Моршанске Тамбовской области. Окончил Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства. Преподавал сначала в коммерческом училище, чуть позже – на Стебутовских курсах, преобразованных затем в Ленинградский сельскохозяйственный институт (ЛСХИ), где заведовал кафедрой почвоведения; в 1918 – один из организаторов и руководителей Географического института (с 1925 – факультет ЛГУ); в 1920-х – профессор кафедры экспериментального почвоведения ЛГУ; с 1927 – один из организаторов и ученый секретарь Почвенного института им. В. В. Докучаева АН СССР. Организатор и участник широкомасштабных почвенных экспедиций, прежде всего, в Среднюю Азию и на Дальний Восток, имевших большое практическое значение (автор «Сводной почвенной карты азиатской части России»). В 1930-е гг. был репрессирован. Посмертно реабилитирован.

Примечательно, как ученый-практик Н. И. Прохоров серьезно заявил о себе еще в начале XX в. в связи с проведением в жизнь Столыпинской аграрной реформы. По заданию Переселенческого управления Министерства земледелия были развернуты обширные колонизационные обследования районов Нечерноземной полосы России с целью выявления новых земельных фондов, необходимых для переселения крестьян в Азиатскую часть страны. Освоение Дальнего Востока заставило Н. И. Прохорова встать на путь создания здесь стационарных научных учреждений для изучения местной природы и почв. Без проведения в их рамках необходимых исследований по оценке почв было бы невозможно организовать в этих отдаленных районах поселения людей и возделывание сельскохозяйственных культур. Впоследствии обретенный

до революции бесценный опыт по освоению новых территорий Н. И. Прохоров с успехом применил и на Кольском полуострове.

Начатые впервые в 1920 г. здесь комплексные работы по изучению растительности и почв сразу же приобретают научно-прикладной характер. В отряды (проф. В. Н. Сукачев руководил ботанической частью, почвенной – проф. Н. И. Прохоров) в качестве исполнителей в основном входили студенты Географического института: О. И. Кузенева, А. Г. Чечотт, Е. Э. Бурыкина, Т. Л. Ефимова, Э. А. Маркус и О. И. Досманова. [Куплетский, 1932: 11; Петров, Макарова, Токарев, 2012: 46]. Кстати, такая практика привлечения талантливой молодежи к прикладным исследованиям с успехом была апробирована еще в дореволюционный период, а именно, в рамках проведения Стебутовских сельскохозяйственных курсов. Входившие в почвенно-ботанические отряды работники по почвоведению, ботанике и геоморфологии дали ряд ценных работ по изучению растительности и почв Кольского полуострова. Ими были исследованы: смена типов леса по мере подъема их в горы, характер леса у верхней границы, переход леса в тундру, ее видовой состав, экология отдельных растений. Кроме того, изучались болота, их строение, растительность и характер торфа.

Полученные материалы послужили основанием для появления программных по своему характеру работ В. Н. Сукачева (К вопросу о ближайших задачах изучения растительности Кольского полуострова, 1921) и Н. И. Прохорова (К характеристике почвообразования на Кольском полуострове, 1921.), в которых авторами, по сути, был намечен переход от маршрутных наблюдений к стационарным. Так, в статье В. Н. Сукачева, будущего академика, впервые была высказана мысль о целесообразности создания в Хибинских горах постоянной ботанической станции, однако средств на реализацию этой идеи тогда так и не нашлось. Более востребованной оказалась идея проф. Н. И. Прохорова об организации сельскохозяйственного опытного дела на Мурмане, поскольку почвенный покров изначально рассматривался учеными с точки зрения возможности использования его в приусадебных участках первых поселенцев, осваивавших этот новый край.

В 1921 г. экспедиционная работа под руководством проф. Н. И. Прохорова при поддержке Северной научно-промышленной экспедиции и Управления Мурманской железной дороги продолжилась еще более энергично и широко: уже четырьмя партиями при участии студентов С. Ф. Егорова, Г. Р. Егера, В. Г. Клейнберга, О. С. Полянской, Н. М. Савич и А. А. Сомова, военного топографа Шершена, ботаников Д. И. Литвинова, О. И. Кузенева и А. А. Булавкиной, химиков-почвоведов Е. А. Домрачевой и Л. В. Тихеевой [Михайлов, 1970: 158]. Общее представление о результатах их изысканий нам дают приведенные ниже табличные данные (табл. 1).

Таблица 1

Деятельность Почвенно-ботанического отряда Севэкспедиции на Кольском Севере в 1921 г. [РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 1277. Л. 17]

Начальник отряда. Количество участников	Задание	Пройдено пути	Собранный материал	Произведенные научно-исследовательские работы
Проф. Н.И. Прохоров. 20 чел.	Составление почвенно-ботанической карты. Возделывание площадей, пригодных для луговой и огородной культуры вдоль Мурманской железной дороги	2700 верст по ж/д. 300 верст пешком	50 пуд. почвенных и ботанических сборов.	Работами отряда увеличена площадь огородов в 10 раз. Члены отряда в течение весны и лета 1921 г. периодически объезжали возникшие огороды, производили наблюдения над характером роста и развитием растений, инструктировали по вопросам посадки и ухода за растениями, вели беседы с населением популярно-научного содержания, по вопросам огородничества. Работы отряда дали возможность утверждать о возможности огородной культуры вплоть до побережья Ледовитого океана. Из растений наиболее пригодных можно указать на репу, морковь, брюкву, репе свеклу. Удовлетворительно произрастает картофель, давая урожай сам. 15–20. Отрядом намечен ряд отдельных пунктов развития огородничества. Произведены опыты использования отбросов трескового промысла и морских водорослей в качестве удобрения. На ж/д ст. Хибины экспедицией начаты корчевальные работы, возведение постройки для основанной здесь опытной с/х станции

Как видно из таблицы 1, сотрудники Почвенно-ботанического отряда с первых шагов своего пребывания на Мурмане не только активно продвигали идею развития огородничества в крае, но и, начиная с 1921 г., взяли на себя руководство первыми опытами устройства огородов среди железнодорожных

служащих Мурманской железной дороги. О проделанной ими работе в этом направлении красноречиво говорят следующие цифры. Если в 1920 г. по линии железной дороги от Мурманска до Полярного Круга было всего у железнодорожного населения не более одной десятины земли, занятой под огородные культуры, то в 1921 г. названная цифра увеличилась до 4,5 десятин, а в 1922 г. – до 10 десятин огородной земли.

Решение проблемы развития огородничества в крае актуализировало вопрос о создании здесь научного центра полярного земледелия. С весны 1921 г. профессор Н. И. Прохоров начал организацию Хибинского опытно-показательного хозяйства. Началу работ предшествовал ряд совещаний, инициированных ученым, с участием как местных, так и центральных государственных учреждений, признавших это дело крайне важным и срочным и обещавших свое содействие и помощь. Вопрос продвигался в Москве – в ВСНХ и в Главземтране, в Петрограде – в Областземе, в Управлении и Агрослужбе Мурманской железной дороги, в Мурманске – в Губземотделе и Губэкосе. В итоге было выработано решение начать работу таким способом, чтобы каждое заинтересованное учреждение могло снабжать общее детище теми материальными благами, которыми оно будет располагать. Конкретно это выражалось в том, что Агрослужба, имевшая в то время достаточное количество пайков и денег, содержала и оплачивала рабочих, занятых корчевкой и вспашкой площади и постройкой домов, предоставляла материалы своего склада в Хибинах; Управление IV района железной дороги предоставило борону для ведения земляных работ, для перевозки грузов одну лошадь и ряд материалов со складов Материальной службы дороги; Мурманский Губземотдел предложил помощь в виде известного количества муки и сахара для премирования рабочих и исполнителей некоторых сдельных работ, ВСНХ – в лице членов Кольского почвенно-ботанического отряда Северной научно-промышленной экспедиции – произвел работу по детальной почвенной съемке намеченного участка при станции Хибины и целый ряд наблюдений над культурой овощей в пределах IV района Мурманской железной дороги и вообще Кольского полуострова.

Вся работа по корчевке, разделке почвы, переносу, постройке помещений, заготовке фуража для рабочих лошадей и племенного быка, принадлежащего Агрослужбе и помещенного при строящемся опытно-показательном хозяйстве, была поручена помощнику начальника IV агрономического участка МЖД А. А. Гостеву согласно представленной им проф. Прохорову подробной смете. В расходовании бывших в его распоряжении разнообразных средств и в рабочей силе он отчитывался как перед проф. Прохоровым, так и отдельно перед Агрослужбой.

К сожалению, мы располагаем лишь отрывочными сведениями из биографии этого человека, бесспорно, одного из первых пионеров сельскохозяйственного освоения Кольского Севера. Доподлинно известно, что Гостев Александр Алексеевич, 1900 года рождения, являлся выходцем из Онежского уезда Архангельской губернии и одноименной волости, деревни Медведевской. С 1921 по 1923 гг. он являлся заведующим строительством опытно-показательной станции в Хибинах. Затем его имя (вместе с именем жены Марии Дмитриевны, 25-ти лет) оказалось в списках переселенцев, водворившихся на переселенческом участке под названием Хибинский № 1 при станции Хибины у оз. Имандра Екостровской дачи Имандровского лесничества

Кольско-Лопарской волости Мурманской губернии, под номером шесть (водворительный билет № 49/1610). Однако 30 декабря 1925 г. А. А. Гостев был исключен из списков переселенцев [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 74. Л. 37–39]. О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

Со слов А. А. Гостева, начало работ по строительству опытной станции в Хибинах было положено 10 октября 1921 г. При этом следует иметь в виду, что первые шаги по ее организации по времени совпали со сложными процессами институционализации земельного дела в губернии. Кольский Север в сельскохозяйственную кампанию 1922 г. не был включен. Так, в плане первоочередных работ по Севзапобласти какие-либо мероприятия в этом направлении по Мурманской губернии вообще отсутствовали. Губземуправления, как самостоятельного учреждения, не существовало – оно составляло незначительный подотдел Губсовнархоза. Среди части местных работников ставилась под сомнение целесообразность проведения сельскохозяйственной работы на Кольском полуострове, поскольку, по их мнению, развитие сельского хозяйства здесь вообще невозможно. Предстояло победить не только суровый полярный климат, но, прежде всего, неверие людей в перспективы северного земледелия.

Результаты совместной сельскохозяйственной работы в крае за 1922 г. всех заинтересованных сил казались вполне обнадеживающими. Приведем в качестве иллюстрации суммарные отчетные данные, представленные Мургубземуправлением:

- экспедицией проф. Н. И. Прохорова были приняты меры к увеличению огородных площадей по линии Мурманской железной дороги (с 6 десятин до нескольких десятков десятин); обследованы почвы в полосе ее отчуждения, составлены почвенная карта и таблицы трав, встречающихся на различных почвах; выяснена возможность увеличения удобных земельных площадей за счет болот путем легких мелиораций;

- организована станция по исследованию океанических водорослей на предмет использования их в качестве корма для скота (произведено в этом направлении до 20 длительных опытов);

- обследовано состояние оленеводства в Ловозерском районе, показавшее гибель оленей за революционный период до 60 % общего числа голов;

- отведено 68 мест для колонистов-земледельцев; создано 40 селькомов;

- были установлены минимальные меры огородных площадей в 200 десятин, под ячменем – 50 десятин и под лугами – 3000 десятин;

- организовано снабжение семенами населения: собственными средствами было закуплено 999 пуд. картофеля у Областсельсклада и 350 пуд. огородных семян у Госсельсиндиката. Тем самым была удовлетворена потребность местного населения в посадочном материале на 43 %;

- издана «Памятка огородник на Мурмане»;

- положена тесная связь с Областземом, благодаря чему сельскохозяйственная жизнь губернии оказалась втянута в общую работу по Северо-Западной области [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 7. Л. 148–149].

На фоне этих перемен усиливалась потребность в научном обеспечении наметившихся процессов продвижения сельского хозяйства на Кольский Север, что и нашло отражение в динамике кадровых и инфраструктурных изменений, произошедших в том же году на строящейся Хибинской опытной станции. Согласно записке А. А. Гостева от 18 октября 1922 г. на имя заведующего Мургубземуправлением на тот момент при ней в качестве постоянных рабочих и служащих находились: заведующий работами, конторщик, кладовщик, десятник, огородник, пастух и трое рабочих. Всего девять человек (15 декабря 1922 г. штат учреждения сократился до семи человек). Кроме того, на постройку зданий станции и корчевку в качестве внештатного персонала отдельно нанимались работники на сдельной основе. Получив необходимый сельскохозяйственный инвентарь и скот в количестве двух лошадей, быка и дойной коровы, опытное учреждение сразу же приступило к подготовке посевных площадей [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 31. Л. 2–2об.].

В начале 1923 г. А. А. Гостевым был представлен заведующему Мургубземотделом доклад о состоянии дел по постройке научно-показательной сельскохозяйственной станции в Хибинах. В нем детально была обрисована картина всех выполненных на данном объекте работ:

«1) Построены скотный двор на 8 голов крупного скота, кухня для приготовления пайка скоту и кладовка дощатая.

2) Построен барак для служащих, одна половина здания закончена, за исключением печи, а во второй половине нет печи, не вставлены рамы (которые сделаны, только не застеклены из-за отсутствия стекол), не доделано помещение в коридоре, нет крыльца и лестницы на вышку.

3) Сделана дощатая кладовая на столбах, у нее недоделки: не докрыта 1/2 крыши, 1/4 фронтона не зашита и нет дверей и пола.

4) Срублены из бревен 6 штук парников, которые в это и прошлое лето перевезены и вкопаны в землю.

5) Сделано 60 штук парниковых рам, из них застекленных 6 штук, а для остальных не имеются стекла и замазки.

6) Раскорчевано в 1921 г. осенью 2192 квадратных сажень земли и прошлой осенью (в 1922 г.) около 300 кв. сажень, всего 2492 кв. сажень.

В прошлое лето было засеяно около 1200 кв. сажень разными огородными и полевыми культурами, как то: картофелем, горохом, ячменем, овсом и разными овощами. Все эти культуры удались в самом незначительном количестве <...> Причинами этому послужили: не удобренная навозом земля, а также недостаток рабочей силы.

7) Огорожено в течение лета кругом огорода и полей более 240 погонных сажень <...> Огороды требуется огородить чаще, для этого потребуются заготовить до 2000 жердей и 1500 кольев.

8) В течение лета вывезено значительное количество навоза, возить нужно приблизительно около 3000 пудов, что составляет около 2 пудов на кв. сажень поля огородной земли.

9) Засеяно под зиму для опыта: <...> тимофеевка и морковь до 150 кв. сажень.

10) Масса работ выполнена по ремонту казенных квартир для жилья рабочих и служащих, ремонта инструментов сельскохозяйственного инвентаря и

масса других работ, как то: уход за скотом, доение коровы, топка бани, заготовка дров и т.д.

11) На средства фонда заготовлено и кошено сена на реке Белой 446 пудов, а также закуплено 18 пудов.

12) В эту зиму сработано для барачков служащих 17 штук рам, из них 6 штук летних и 11 штук зимних, кои не застеклены из-за отсутствия стекла». [ГОКУ ГАМО. Ф. Р 94. Оп. 1. Д. 31. Л. 7–7об.].

Как видно из доклада А. А. Гостева, к началу 1923 г. данный объект еще не был в полной мере готов к сдаче в эксплуатацию. Во-первых, необходимо было разработать по реке Белой покосы до 10 десятин, а также расширить огород не менее чем до 5 десятин. Во-вторых, для окончания строительных работ на станции требовались следующие предметы: стекла оконные (два ящика), кирпичи, гвозди разных размеров (10 пудов), печные приборы (5 комплектов), лак и олифа по 2 пуда (для замазки), оконные приборы: навесы, ручки, крючки для рам (6 комплектов), дверные навесы с ручками и крючками (6 комплектов), проволока печная (5 фунтов), пакля для конопатки стен (15 пудов) [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 31. Л. 8].

Однако в 1922 г. строящаяся в Хибинах опытная станция столкнулась с большими финансовыми трудностями. С переходом страны к новой экономической политике большинство государственных предприятий снималось с государственного централизованного содержания и переводилось на хозяйственный расчет. Агрослужба Мурманской железной дороги не получила для опытного поля в Хибинах необходимых кредитов, оставив научное учреждение без денежных средств, тем самым лишив его возможности завершить начатые строительные работы.

Стремясь во чтобы то ни стало преодолеть сложившиеся обстоятельства, устроители полярного земледелия не отказались от дальнейшей борьбы за начатое дело. Начальник четвертого агроучастка Мурманской железной дороги Г. М. Крепс, используя административный ресурс, попытался разрешить возникшую проблему следующим образом: «В виду сложности дела, чрезвычайных трудностей вообще проведения всех мероприятий на IV районе приходилось иногда расходовать отдельные средства не прямо по их назначению, а так как это окажется в данный момент необходимым, например, отпускаемую для премирования рабочих муку частью израсходовать на закупку сена для лошадей, а рабочего, нанятого для работ по корчевке, временно командировать на Кольскую ферму. В отчетах все это, конечно, фиксировалось.

Имея в виду, прежде всего, самое дело и твердую необходимость так или иначе его продолжать, я распорядился, как это видно из отчетов моих Агрослужбе, расходовать деньги, выплачиваемые для жалования равно как служащим Агроучастка, так и рабочим Хибинского хозяйства. Это было до тех пор, пока ферма не была переведена на хозяйственный расчет и деньги должны были идти только на нее самое. Еще до этого времени пришлось значительно сократить число рабочих в Хибинах, которое определялось количеством пайков, отпускаемых IV районом Мурманской железной дороги» [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1 Д. 31. Л. 4об.–5].

Лишившись источников финансирования из средств Агрослужбы, ее представители вместе с проф. Н. И. Прохоровым все же не теряли надежды на

продолжение начатого в Хибинах дела. По словам Г. М. Крепса, «были испытаны все средства для получения денег в Москве и в Петрограде (проф. Прохоров, О. А. Кузенева и я неоднократно ездили в Москву в Центр агрономического Управления НКПС, созывались совещания Колонизационного отдела, Правления МЖД и т.д., на что ушло все время моего почти двухмесячного пребывания в Петрограде), но все безуспешно». В результате на станции получилась большая задолженность служащим и рабочим в сумме не менее 2500 руб. знаками 1923 г. [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1 Д. 31. Л. 5].

Какие это имело последствия для опытного учреждения, видно из делопроизводственной документации за подписью А. А. Гостева. «В виду всевозможных на нас жалоб, – сообщает он, – пришлось в силу этой необходимости уволить всех рабочих, оставив самое ничтожное количество для окончания работ» [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Л. 7об.]. Согласно данным, представленным заведующим работами на опытной станции в Мурманское губернское земское управление, в ее штате на начало 1923 г. оставалось всего четыре человека (табл. 2).

Таблица 2

Сведения по опытно-научной сельскохозяйственной станции при Хибинах
(на 14.01.1923 г.)

[ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 31. Л. 1]

Общая площадь (в десятинах)	Выращиваемые с/х культуры	Число рабочих и служащих	Число лошадей	Число рогатого скота
1 десятина	Огородные культуры	4	2	1 корова 1 бык

Однако работа по достройке станции практически не продвигалась вперед. Без регулярной оплаты жалованья производительность труда оставшегося персонала сводилась до минимума. Уволить же работника без расчета было нельзя. Неудивительно, что руководство опытного учреждения прежде всего было озабочено поиском выхода из этой не простой ситуации.

Усилиями проф. Н. И. Прохорова летом и осенью 1922 г. был выделен из Губземотдела значительный продовольственный фонд для строящейся сельскохозяйственной станции, в том же году 27 декабря ему удалось получить в Областземе (в Петрограде) в долг за 1923 г. денежные средства, с помощью которых частично (за три месяца) была погашена задолженность по зарплате рабочим Хибинского хозяйства. Для ее же полной ликвидации требовалось произвести выплаты еще за два месяца: ноябрь и декабрь.

Решить данную проблему попытались уже на местном уровне, при содействии того же Мургуземотдела. В обращении в этот орган со стороны Г. М. Крепса содержалась просьба «разрешить расходование отпущенного Мургуземотделом фонда в потребном для ликвидации задолженности количестве рыбы и муки». По его подсчетам «потребное для сего количество денег исчисляется: за ноябрь 730 руб. 47 коп., за декабрь 1022 руб. 66 коп. Итого 1753 руб. 13 коп. Такая сумма дает возможность рассчитать рабочих и служащих и не увеличивать их задолженности» [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 31. Л. 5]. Записка же А. А. Гостева по тому же поводу примечательна

тем, что в ней содержится любопытная детализация на сей счет: «Для ликвидации задолженности прошу Вас разрешить продать из 50 полученных мною от Вас пайков из скоропортящихся продуктов рыбу: треску и селедку, так как они получены не вполне доброкачественными, а оставленные на лето могут совсем испортиться, это составит приблизительно – до 400 руб. знаками 23 года. Результат Вашего решения благоволите мне сообщить» [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1 Д. 31. Л. 8].

Реакция местной власти на ходатайства от представителей Агрослужбы оказалась не только положительной, но и оперативной, подтверждением чему является приведенная ниже таблица (таб. 3).

Таблица 3

Ведомость на реализацию муки, рыбы и сухих овощей из склада в Хибинах на покрытие задолженности рабочим и служащим опытно-показательной сельскохозяйственной станции согласно распоряжению зав. Мургуботделом от 6 февраля 1923 г. [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 31. Л. 13]

№ п/п	Должность	Фамилия, имя	На сумму
1	Канторщица	Гостева Валентина	562 руб.
2	Десятник	Красников Илья	480 руб.
3	Зав. медслужбой	Хвиндова Татьяна	652 руб.
4	Рабочий	Красников Семен	157 руб. 50 коп.
5	Рабочий	Вотяшин Григорий	392 руб.
6	Рабочий	Привалов Григорий	144 руб. 75 коп.
7	Лесной инструктор	Демидов Яков	161 руб. 25 коп.
8	Лесной инструктор	Кочанов Федор	143 руб. 25 коп.
9	Надсмотрщик	Бородкин Сергей	114 руб.
10	Рабочий	Акотинев Артем	30 руб.
11	Рабочий	Пирогов Семен	45 руб.
12	Лесной рабочий	Перхуров Михай	30 руб.
			Итого: 2551 руб. 25 коп.

Представленная ведомость на покрытие задолженности рабочим и служащим Хибинского опытного пункта привлекает внимание не столько содержащейся в ней расчетной частью, сколько потому, что дает возможность в исторической ретроспективе восстановить имена тех людей, которые стояли у истоков развития полярного земледелия в крае.

История с накоплением и ликвидацией задолженности по заработной плате на Хибинской опытно-показательной сельскохозяйственной станции «во весь рост» обнажила проблему целесообразности ее существования в качестве научного учреждения без определенного юридического статуса и надежного источника финансирования. В докладной записке Г. М. Крепса в Мурманский губземаотдел в начале 1923 г. по сути предлагалось приостановить строительные работы на ней: «Не предпреляя вопроса о дальнейшем существовании Хибинского хозяйства впредь до выяснения будут ли на него отпускаться кредиты, и если будут, то каким учреждением, полагаю

необходимым временно распустить оставшихся рабочих, так как содержание их без регулярной оплаты жалованьем вызывает постоянные и справедливые недоразумения...». При этом, по мнению Г. М. Крепса, «бросить все уже существующее в Хибинах без присмотра не представляется, конечно, возможным – оно будет расхищено и погублено, а необходимо содержать хотя бы одного человека для охраны существующих построек, а весной – посевов» [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 31. Л. 5].

Вместе с тем, обращаясь в Мургубземотдел как к тому из учреждений, которое заинтересовано в существовании местного опытного сельскохозяйственного центра, начальник четвертого агроучастка Мурманской железной дороги конкретно предлагал: «возможно скорее придти к какому-либо окончательному соглашению в вопросе о том, кому принадлежит Хибинское хозяйство и кто должен взять на себя дальнейшую заботу о нем». Вопрос же этот, как полагал Г. М. Крепс, «должен быть решен совместно – как представителем Агрослужбы, так и Мургубземотдела, для чего совершенно необходимо присутствие представителя Мургубземотдела в комиссии Агрослужбы, производящей в настоящее время обследование и ревизию агроучастков, – в той части ее работы, которая касается обследования Хибин» [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 31. Л. 5]. Его позицию разделял председатель комиссии, он же начальник Агрослужбы Мурманский железной дороги, направивший 16 января 1923 г. официальный запрос в Мурманский Губземотдел следующего содержания: «Признавая важным участие представителя Мурманского Губземотдела при обследовании комиссией Агрослужбы опытно-показательного хозяйства при ст. Хибины прошу о командировании указанного представителя совместно с комиссией на эту станцию. Комиссия рассчитывает отправиться в служебном вагоне № 44 в четверг или в пятницу, 19–20 сего года из Мурманска» [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 31. Л. 3].

Процитированные документы примечательны тем, что они имеют глубинный подтекст, высвечивающий проблему взаимоотношений железной дороги и местных властей, принадлежавших к разным, конкурирующим системам территориального управления, хозяйственной и административной соответственно. Отсюда, вполне естественно, разнились и подходы обеих сторон к сельскохозяйственной работе в крае.

Политика Мургубземуправления, направленная на сельскохозяйственное освоение края, предъявляла по сравнению с проектами Агрослужбы железной дороги более высокие требования к его масштабам и темпам. Весьма показательным в этом отношении является сельскохозяйственный план на 1923 г. по Мурманской губернии, составленный на 10 листах местными работниками. Среди обширных задач, поставленных в нем, в частности, значились:

□ осуществление учета Госсемфонда (с привлечением специалистов в количестве 15 чел. – участников экспедиций проф. Н. И. Прохорова) и пригодных под сельскохозяйственную культуру лесных участков (с помощью лесничих), что позволит вовлечь в сельскохозяйственный оборот не менее 3 тыс. десятин земли;

□ упорядочение землепользования: распределение из государственного фонда луговых угодий среди нуждающихся граждан, производство внутриселенного землеустройства, разрешение вопроса о брошенных лопарями угодий и др.;

□ урегулирование на договорных началах отношений с Мурманской железной дорогой по поводу производящихся ей в несистемной, случайной форме землеотводных работ, с использованием лесных участков, не закрепленных еще официально за ней;

□ проведение мелиоративных работ: силами экспедиции проф. Прохорова планировалось очистить три участка (в Хибинах, Варзуге и на одном из пунктов к западу от железной дороги);

□ увеличение площади посевов (ячменя, картофеля, турнепса) до 316 десятин (против 151 десятины по состоянию на 1922 г.);

□ организация местного семенного фонда (в виде первого опыта в Варзуге);

□ постановка и разрешение проблемы использования местных ресурсов (водорослей и толченых раковин) в качестве удобрения. Опытной станции в Хибинах было дано задание поставить ряд показательных опытов с торфом и отбросами рыбных промыслов;

□ организация 8 опытных полей общей площадью 29 десятин: 3 станции планировалось открыть на Мурманском берегу (Кильдин, Териберка, Голицыно), 3 – на Терском берегу (Тетрино, Варзуга, Умба) и 2 – по линии Мурманской железной дороги (Хибино, Шонгуй);

□ проведение курсов по огородничеству и животноводству (Мурманск, Териберка, Ловозеро, Варзуга); издание листовок по сельскому хозяйству (так, на проф. Прохорова возлагалось составление листовок по 10 темам в рамках двух направлений); выпуск сельскохозяйственного листка (1 раз в 2 недели) в качестве приложения к газете «Полярная правда»;

□ подготовка монографий по развитию производительных сил в крае, с привлечением целого ряда специалистов (проф. Прохорова, С.В. Керцелли, Померанцева (кооператор), Доброхотова (экономист), Гепферта (экономист), Васильева (лесничий), проф. Барченко [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 7. Л. 148–158].

Иное «прочтение» проблемы развития сельского хозяйства на местах дает нам декрет СНК «О Центральном агрономическом управлении путей сообщения» (ЦАУ) от 02.07.1921 г. за № 83, адресованный всем без исключения агрономическим организациям и учреждениям, обслуживающим железнодорожные и водные пути сообщения. В задачи ЦАУ входило «общее возбуждение экономической деятельности и подъем сельскохозяйственной культуры преимущественно в окружности полосы отчуждения железной дороги». В круг же его ведения были включены:

□ мелиорация и сельскохозяйственная эксплуатация полосы отчуждения;

□ всемерная помощь индивидуальным хозяйствам железнодорожников;

□ организация сельскохозяйственных баз, показательных участков и образцовых ферм для обслуживания хозяйств транспортного пролетариата;

□ агрикультурная работа и агрикультурные мероприятия, оборудование агропоездов и прочее [Собрание узаконений ..., 1921: 133–135].

На месте претворение в жизнь решений ЦАУ возлагалось на Агрономические службы при Управлении дорог, выполнявших свою работу при посредстве дорожной сети агрономических участков. Декрет предусматривал

координацию сельскохозяйственных мероприятий Агрослужб с деятельностью местных органов НКЗ.

Однако, как видно из приведенных первоисточников, взаимодействие местных органов власти с представителями железной дороги не исключало известных разногласий и даже противоречий между обеими сторонами. Подтверждением к сказанному может служить служебная записка (№ 794) члена правления Мурманской железной дороги Шалферова в Мурманский Губземотдел, датированная 1923 г. (без указания месяца и числа). Приведем полностью ее текст:

«Хибинская станция передана в ведение Центрального Агрономического Управления НКПС, развертывается как научно-исследовательский центр в связи с колонизационными мероприятиями Мурманской железной дороги.

Вопрос о восстановлении пайков по согласованию с проф. Н. И. Прохоровым будет разрешен в самом ближайшем будущем, о чем вы будете извещены.

О передаче станции в Мурманское Губземуправление не может быть и речи» [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 31. Л. 19].

Обретение опытной станцией статуса юридического лица под началом Центрального агрономического управления путей сообщения (реорганизованного декретом № 340 от 08.01.1921 г. в Главное земельное управление путей сообщения и транспортного пролетариата) еще не означало завершения процесса институционализации научного учреждения в Хибинах. Для возобновления его деятельности нужны были не только средства, но и постоянный штат специалистов. Между тем, Г. М. Крепс, стоявший у истоков опытного дела в Хибинах (на тот момент – единственный ученый-агроном в губернии), в том же 1923 г. сменил работу, перейдя из Агрослужбы железной дороги на Мурманскую биологическую станцию. Будущее сельскохозяйственного пункта в Хибинах в который раз оказалось под вопросом.

Со стороны Мурманской железной дороги первоначально по объективным причинам (таким как: реорганизация магистрали в промышленно-транспортный и колонизационный комбинат, отсутствие научного руководства Агростанцией) не планировалось в ближайшее время продолжить там работы. Однако в 1923 г., когда в Отделе прикладной ботаники Государственного института опытной агрономии был поднят вопрос об организации исследовательских работ по продвижению растениеводства на Крайний Север, выбор пал опять на Хибины, как на географически и экономически наиболее выгодно расположенную точку [Эйхфельд, 1935: 103]. На этот раз на переднем крае борьбы за разрешение проблемы полярного земледелия оказался выпускник Петербургского сельскохозяйственного института И. Г. Эйхфельд, откомандированный в апреле 1923 г. в качестве сотрудника Института опытной агрономии на Мурман с целью выяснения отношения мурманских партийных и советских органов к организации в губернии сельскохозяйственных исследований. Сама же эта поездка в Мурманск была впервые предпринята И. Г. Эйхфельдом по совету специалиста по вопросам сельского хозяйства Беляева – работника вновь созданного Колонизационного отдела, который также советовал ему встретиться с Г. М. Крепсом, тогда еще начальником северного участка агрономической службы Мурманской железной дороги.

Эта встреча состоялась в Петрограде, однако, по воспоминаниям И. Г. Эйхфельда, он точно не запомнил, когда же это произошло: до поездки в Мурманск или позднее. На наш взгляд, это во многих отношениях знаменательное событие приходится или на конец 1922 г., или, что более вероятно, на начало 1923 г. (скорее всего, на февраль или март месяцы), когда была свернута деятельность опытного пункта в Хибинах. Нужно признать, что первая встреча Эйхфельда с Крепсом не добавила ему оптимизма по поводу задуманного им еще на студенческой скамье дела на Севере. «Своей честной откровенностью Крепс привел меня в начале беседы в уныние. Оказывается в Хибинах нет готового жилья, имеется только кое-как сколоченная избушка лесорубов, в одном конце могут жить люди, в другом лошади. Имеется наспех собранный на вкопанных столбах сруб без окон и дверей, из инвентаря, в описи значатся одноконный плуг и борона “зиг-заг”. Лошади отправлены на лесозаготовки за озеро и едва ли будут возвращены к полевым работам. В Хибинах раскорчевано около гектара земли, а на площади около 200 кв. м. во второй половине лета (1922 г.) произведены посевы. Эти сведения не очень меня обрадовали» [Музей-Архив ... НВФ. 492. Л. 1–3].

Возвращаясь к командировке И.Г. Эйхфельда в Мурманск, следует отметить, что здесь, согласно его же воспоминаниям, молодой агроном провел как минимум две встречи с представителями местной власти: сначала он встретился с секретарем Мурманского губернского экономического совещания В. К. Алымовым, а затем – с заведующим губернским земельным отделом Маругиным. В разговоре с Алымовым Эйхфельд поделился с ним своими планами по поводу продвижения земледелия на Крайний Север и был несколько обескуражен полученным на его вопрос ответом. «”Вам мои намерения кажутся несерьезными?” “Нет, – был ответ”, – Дело это нужное, но трудное. Я вспомнил, что к этому делу имели отношения несерьезные люди. Это осложняет ваши первые шаги» [Музей-Архив... НВФ. 490. Л. 1]. Собеседник Эйхфельда имел в виду «прожекты» некоего доктора Черного, который предлагал земельному управлению легкомысленные проекты. В дальнейшем именно В. К. Алымов станет автором первого отклика в печати о результатах опытных посевов сельскохозяйственных культур в 1923 г. [Алымов, 1923: 3].

Встреча И. Г. Эйхфельда с заведующим губернским земельным отделом Маругиным не нашла отражения в известных нам его воспоминаниях. Тем не менее можно предположить, что она вполне обнадежила покорителя суровой северной почвы в его планах на будущее. Косвенным подтверждением высказанного суждения служит записка Эйхфельда в Мурманское губземуправление, подготовленная 25 апреля 1923 года, то есть, по сути, постфактум после проведенного им разговора с руководителем названного органа власти. В ней Эйхфельд обращается с просьбой к местным хозяйственникам:

□ обеспечить сельскохозяйственный опытный пункт 5 пудами семян картофеля местного происхождения и оказать помощь ему в приобретении у местных огородников небольшого количества огородных семян и маточников для опытов по выращиванию огородных семян;

□ выделить для него термометр, а также 50–100 туков извести для известкования почвы, 500 туков навоза и 50 туков водорослей для постановки опытов по удобрению почвы [Музей-Архив... ОФ. 95. Л. 1].

Так, при содействии местных органов власти, с персоналом в количестве двух человек (в лице И. Г. Эйхфельда и М. М. Хренниковой) при годовом бюджете в размере всего 300 руб., отпущенного Колонизационным отделом Мурманской железной дороги, были продолжены работы на опытном пункте, начатые здесь еще в 1921 г. Одновременно в Хибинах развернулись научные исследования по вопросу продвижения растениеводства в условиях Крайнего Севера за полярным кругом: был высеян большой набор селекционных семян, полученных в ВИРе (овощных, зерновых, кормовых культур и картофеля). Вся работа проводилась лично Эйхфельдом и Хренниковой при помощи только поденных рабочих и поддержке местного лесничества (лесничего Я. И. Ромина, одновременно окончившего с Эйхфельдом сельскохозяйственный институт) [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 35. Л. 41–42].

С проведением в жизнь (с 1 октября 1923 г.) постановления Совета Труда и Оборона (СТО) о колонизации Карело-Мурманского края опытные работы на Кольском полуострове перешли в ведение Колонизационного отдела Мурманской железной дороги. Согласно архивным данным 15 ноября того же года состоялось официальное открытие Хибинского сельскохозяйственного опытного пункта [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 157. Л. 51]. Весной 1924 г. он становится действующим уже на постоянной основе. Это событие знаменовало собой начало новой страницы в истории Хибинского опытного поля.

Итак, из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Впервые комплексно-научное изучение растительности и почв Кольского полуострова было начато в 1920–1921 гг. путем организации благодаря экспедициям Академии наук и Северной научно-промышленной экспедиции Почвенно-ботанического отряда под общим руководством проф. Н. И. Прохорова.

2. Исследовательские работы в этом направлении изначально носили не только теоретический, но и научно-прикладной характер. Сотрудники Почвенно-ботанического отряда пристальное внимание уделяли руководству первыми опытами устройства огородов среди железнодорожных служащих Мурманской железной дороги, что и послужило предпосылкой перехода от экспедиционных изысканий к стационарным формам и методам работы по разрешению проблемы полярного земледелия.

3. Благодаря инициативе и организаторской деятельности проф. Н. И. Прохорова 10 октября 1921 г. около ст. Хибины Мурманской железной дороги, на берегу озера Имандры, было заложено первое на Кольском полуострове научно-показательное опытное поле. Его строительство и первые опытные работы в 1921–1923 годах осуществлялись в тесной связи с деятельностью ряда центральных научных учреждений (прежде всего, Севэкспедиции и Государственного института опытной агрономии), Мурманской железной дороги и местных органов власти при активном участии пионеров полярного земледелия – Г. М. Крепса, А. А. Гостева, И. Г. Эйхфельда и М. М. Хренниковой.

Список сокращений

Севэкспедиция – Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ
ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВИР – Всесоюзный институт растениеводства ВАСХНИЛ
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельского хозяйства имени Ленина
СТО – Совет Труда и Оборона
НКЗ (Наркомзем) – Наркомат земледелия
КО МЖД – Колонизационный отдел Мурманской железной дороги
ЛСХИ – Ленинградский сельскохозяйственный институт
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
Севзапобласть – Северо-Западная область
Главземтран – Главное Земельное Управление путей сообщения и
транспортного пролетариата
Областзем – Областное управление наркомата Земледелия
Агрослужба МЖД – Агрономическая служба Мурманской железной
дороги
Агроучасток МЖД – Агрономический участок Мурманской железной
дороги.
Губземотдел – Губернский земельный отдел
Губэконо – Губернское экономическое совещание
Губсовнархоз – Губернский совет народного хозяйства
Мургубземуправление – Мурманское губернское земельное управление
Мургуботдел – Мурманский губернский отдел
Сельком – сельский комитет
Госсельсиндикат – Государственный российский сельскохозяйственный
синдикат
Госсемфонд – Государственный семенной фонд
ЦАУ НКПС – Центральное Агрономическое управление наркомата
Путей Сообщения

Список источников

РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Высший Совет народного хозяйства СССР и
РСФСР (15.12.1917 – 10.03.1932).
ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Кировский (до 1934 г. Хибинский
городской (с 1935 г. районный) комитет партии.
ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Земельное управление Мурманского
губисполкома (Мурманское губземуправление). 1921–1927.
ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Архивная коллекция
документов об освоении Кольского полуострова и строительстве города
Кировска (Хибинского). 1920–2006.
Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП
КНЦ РАН. НВФ. 490. И.Г. Эйхфельд. Василий Кондратьевич Алымов
(воспоминания). 4 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 492. И. Г. Эйхфельд. Герман Михайлович Крепс (из воспоминаний). 6 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. ОФ. 95. Записка И. Г. Эйхфельда в Мургабземуправление от 25 апреля 1923 г. 1 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М.: Изд-во Управления делами Совнаркома, 1944. 1198 с.

Список литературы

Алымов В. К. Одна из побед над мурманской природой: Возможно ли огородничество на Мурмане // Полярная правда. 1923. 17 сентября. С. 3.

Куплетский Б. М. Исторический очерк // За Полярным кругом. Работа Академии наук на Кольском полуострове за годы советской власти (1920–1932) / Под ред. А. Е. Ферсмана. Л.: Изд. АН СССР, 1932. С. 8–17.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Академия наук в истории индустриализации северных территорий СССР (1917–1940) // Труды Кольского научного центра РАН. № 1. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 64–65.

Михайлов М. Н. Начало исследования Севера (работы Географического института на Кольском полуострове в 1920–1925 гг.) // Вестник Ленинградского университета. Сер.: геология – география. 1970. № 12. Вып. 2. С. 156–158.

Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Кольский Север: к истории взаимоотношений государства и науки // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3 (31). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 45–54.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930–2010. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011. 320 с.

Эйхфельд И. Г. Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства // Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М.: Государственное изд-во колхозной и совхозной литературы «Сельхозгиз», 1936. С. 102–108.

Сведения об авторе

Дюжилов Сергей Александрович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц -региона Кольского научного центра РАН

Djuzhilov Sergej Aleksandrovich,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 930.253(98)

О. В. Шабалина

**МАТЕРИАЛЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ФОНДОВ А. Ф. ТРЕШНИКОВА,
В. П. КАЛЪЯНОВА И И. С. ПЕСЧАНСКОГО МУЗЕЯ-АРХИВА ЦГП КНЦ РАН
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ**

Аннотация

В статье представлены фонды известных ученых-полярников, участников арктических и антарктических экспедиций, принадлежащие Музею-Архиву истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. Личные документы рассматриваются как потенциальные источники для исследований в различных гуманитарных областях, в том числе для истории изучения и освоения Арктики и Северного морского пути, социально-антропологических исследований субкультуры полярников.

Ключевые слова:

А. Ф. Трешников, В. П. Кальянов, И. С. Песчанский, Арктика, Антарктика, полярная экспедиция, источник личного происхождения, путевой дневник, Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

O. V. Shabalina

**MATERIALS OF A. F. TRESHNIKOV'S, V. P. KALYANOV'S
AND I. S. PESCHANSKIY'S PERSONAL FUNDS OF THE MUSEUM-ARCHIVE
OF THE BCH KSC RAS AS SOURCES ON THE HISTORY
OF THE ARCTIC INVESTIGATION AND EXPLORATION**

Abstract

The paper presents the funds of famous polar scientists, members of the Arctic and Antarctic expeditions, belonging to the Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS. Personal documents are considered as potential sources for researches in various fields of the humanities, including the history of the study and exploration of the Arctic and the Northern Sea Route, the socio-anthropological studies of polar subculture.

Key words:

J. A. Komshilov, A. F. Treshnikov, V. P. Kalyanov and I. S. Peschanskiy, Arctic, Antarctic, polar expedition, personal source, travel diary, Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the BCH of the KSC RAS.

Арктика как уникальный по своим климатическим, геополитическим условиям, природным ресурсам и как полиэтнокультурный регион находится в фокусе неугасающего интереса политических деятелей и ученых на протяжении нескольких столетий. Таким образом, в настоящее время особую актуальность приобретает необходимость изучения и сохранения культурно-исторического, научного наследия данного региона.

При проведении исследований по проблеме истории изучения и освоения Арктики широко используются архивные источники, но предпочтение отдается официальным документам, научно-исследовательской и управленческой документации. Применение историко-культурного и антропологического подходов подразумевает привлечение для работы личных

документов. Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН с 1974 г. хранит и экспонирует документальные материалы персональных фондов и коллекций отечественных ученых, деятелей науки, путешественников и мореплавателей, чьи исследовательские интересы и активная трудовая деятельность были связаны с экспедиционными исследованиями в Арктике, в том числе материалы персональных фондов ученых-полярников А. Ф. Трешникова, В. П. Кальянова и И. С. Песчанского, которые являются потенциальными источниками по истории изучения и освоения Арктики и Северного морского пути, социально-антропологическим исследованиям субкультуры полярников.

Алексей Федорович Трешников (1914–1991), выдающийся ученый-океанолог и географ, полярный исследователь с мировым именем, талантливый организатор науки, родился в 1914 г. в селе Павловка Симбирской губернии в бедной крестьянской семье. Будучи с самого раннего возраста любознательным с огромной тягой к знаниям, в 15 лет он отправился в Ленинград.

Окончив курс обучения на рабфаке, в 1934 г. А. Ф. Трешников поступил в Ленинградский университет на геолого-почвенно-географический факультет, избрав специальность «гидрология моря». Важную роль в формировании Трешникова как ученого сыграл академик Ю. М. Шокальский, руководивший его дипломной работой, в основу которой легли данные наблюдений над течениями, собранные Алексеем Федоровичем во время его первого арктического плавания в Карском море на мотоботе «Иван Папанин».

В 1939 г. А. Ф. Трешников, окончив университет, начинает работу в Арктическом институте. В мае 1940 г. он отправился на Новосибирские острова с экспедицией на парусно-моторном боте «Темп», целью которой являлось изучение проливов Дмитрия Лаптева и Санникова. По результатам этой экспедиции им была подготовлена и защищена кандидатская диссертация. В 1940 г. Трешников остался зимовать на Новосибирских островах в составе небольшой исследовательской партии Арктического института. В октябре 1941 г. зимовщики прибыли в Красноярск, где в эвакуации находился институт. В 1942–1944 гг. Алексей Федорович принял участие в научно-оперативном обеспечении арктических операций Северного флота, возглавлял ледовый патруль на мотоботе «Мурманец», участвуя в спасательных полярных операциях.

После окончания войны начались планомерные исследования Центральной Арктики, в осуществлении которых большую роль сыграл А. Ф. Трешников. В 1948–1949 гг. он участвовал в Высокоширотной воздушной экспедиции «Север» (С-2), силами которой в Арктическом бассейне был обнаружен подводный хребет, названный именем М. В. Ломоносова. А. Ф. Трешников, руководивший одним из отрядов экспедиции, был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В 1954–1955 гг. он возглавил дрейфующую станцию «Северный полюс-3», а спустя год после дрейфа стал руководителем Второй континентальной антарктической экспедиции, во время которой был впервые осуществлен поход санно-тракторного поезда к Южному геомагнитному полюсу, и 16 декабря 1957 г. участниками похода была открыта станция «Восток» (рис. 1, 2). Получив в 1961 г. назначение на должность директора Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, А. Ф. Трешников продолжал почти ежегодно свою арктическую и антарктическую деятельность. В 1963–1964 гг. Алексей Федорович возглавил воздушный перелет самолетов Ил-18 из Москвы

в Антарктиду, где участвовал в организации станции Молодежная. В 1963 г. А. Ф. Трешников получил докторскую степень. Его труд «История открытия и исследования Антарктиды» был награжден золотой медалью им. Ф. П. Литке Географического общества СССР. В 1967–1968 гг. он – начальник 13-й САЭ на д/э «Обь», которая совершила кругосветное плавание в высоких широтах. В мае 1973 г. Трешников, будучи начальником экспедиции, спасал этот д/э «Обь», зажатый во льдах у побережья Антарктиды и эвакуировал окончивших зимовку полярников.

Рис. 1. А.Ф. Трешников и Герой Советского Союза летчик И.С. Котов во время организации дрейфа на льдине СП-3. 1954
[Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 642]

Рис. 2. А. Ф. Трешников во время работы на станции «СП-3». 1954
[Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 624]

В 1971 г. А. Ф. Трешников в составе группы авторов стал лауреатом Государственной премии СССР, которой был отмечен выход в 1969 г. в свет двухтомного «Атласа Антарктики», подготовленного по его инициативе. В начале 1970-х гг. в рамках международной Программы исследований глобальных атмосферных процессов сотрудники ААНИИ разработали под руководством А. Ф. Трешникова подпрограммы «Полярный эксперимент-Север» и «Полярный эксперимент-Юг» (рис. 3, 4). Для проведения исследований по этим программам и их координации в институте был создан отдел Полярного эксперимента, которым директор института Трешников непосредственно руководил четыре года, осуществив в 1976 г. на судне «Профессор Визе» очередную арктическую экспедицию.

Рис. 3. Конверт с автографами полярников – участников дрейфа научно-исследовательской станции «СП-19», достигшей 28 июня 1972 г. Северного полюса. Автограф А.Ф. Трешникова в верхней строчке второй слева [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 1444]

Рис. 4. Проба грунта, взятая в географической точке «Северный полюс» 28 июня 1972 г. [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 1446]

В 1976 г. А. Ф. Трешников был избран членом-корреспондентом, а в 1981 г. действительным членом Академии наук СССР. Географическое общество СССР избрало его своим президентом в 1977 г. В мае 1982 г. он стал директором Института озераведения АН СССР, одновременно заведя кафедрой океанологии ЛГУ. На этих ответственных постах А. Ф. Трешников уделял большое внимание вопросам изучения и охраны природной среды. При его участии был разработан новый университетский курс «География Мирового океана» и подготовлен «Морской энциклопедический справочник». Наряду с 150 научными работами А. Ф. Трешниковым было написано более десяти книг об истории изучения Арктики и Антарктики. В октябре 2012 г. его именем было названо новое научно-экспедиционное судно [Данилов и др., 2013].

Материалы (фотоотпечатки, автографы, оттиски статей, вырезки из газет), которые сейчас хранятся в персональном фонде А. Ф. Трешникова Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН, переданы Алексеем Федоровичем при личной встрече сотрудникам музея в 1980-х гг. (рис. 5). В это время вместе с изменением политической и экономической государственных структур кардинально менялась ситуация с источниками финансирования негосударственных обществ. Северный филиал географического общества (СФГО) СССР не имел прямой финансовой государственной поддержки и существовал на отчисления по статье «Накладные расходы» из бюджета своих коллективных членов: промышленных предприятий Мурманской и Архангельской областей, автономной республики Карелия. После резкого сокращения выделения государственных средств на расходование по данной статье финансирование деятельности различных общественных организаций промышленными предприятиями было прекращено. В 1985 г. остался без финансирования и СФГО СССР. По ходатайству президента Географического общества СССР акад. А. Ф. Трешникова в Отделе экономических исследований Кольского филиала Академии наук (КФАН) СССР были выделены ставки научных сотрудников, на которые был принят штат Музея-Архива, и все фонды переданы КФАН СССР. Новой научно-исследовательской группе в составе отдела (а с 1986 г. – Института экономических проблем КФАН СССР) было поручено изучение малочисленных народностей Севера [Петров и др., 2012: 32].

Среди материалов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН есть персональный фонд полярного исследователя Кальянова Виктора Петровича, переданный на хранение его вдовой в 1975 г. [Переписка. Исх. № 60. 05 марта 1975 г.]. В. П. Кальянов родился в Москве 5 (18) октября 1897 г. в семье мещанина из г. Грязовца, который оставил семью, когда ребенку было четыре года. Мать – крестьянка Владимирской губернии – до революции 1917 г. служила домашней учительницей, а после работала управдомом. Окончив гимназию в 1917 г., Виктор Петрович поступил в Московский университет на геолого-географическое отделение. Очень рано, еще обучаясь в гимназии, в 1915 г. В. П. Кальянов начал свою экспедиционную деятельность: под началом профессора Д. В. Никитина был отправлен Геологическим комитетом (Геолком) в первую экспедицию на Тянь-Шань. С тем же руководителем в 1917 г. он побывал с геологической разведкой в Витимо-Олекминском национальном округе Восточно-Сибирского края – в районе компактного проживания эвенков. В 1923 г. состоялась экспедиция в Дагестан, а в 1924 г. – в Крым под руководством профессора Б. Ф. Добрынина. В экспедиции Владивостокского

университета в заливе Петра I Красного моря в 1925 г. В. П. Кальянов осуществлял гидрологические работы.

С 1926 г., после защиты диплома в университете, Виктор Петрович Кальянов в качестве научного сотрудника начал работу в Государственном океанографическом институте, где параллельно обучался в аспирантуре. В 1930 г. защитил одновременно две кандидатских работы на темы: «Геоморфология и геология о-ва Врангеля» и «Геоморфология западного побережья п-ва Канина», материал для которых им был собран в арктических экспедициях на научно-исследовательском судне «Персей» в Баренцевом море в 1927–1928 гг. и в 1929 г. на ледорезе «Ф. Литке» на о. Врангеля – российском острове в Северном Ледовитом океане между Восточно-Сибирским и Чукотским морями. В 1930 г. и в 1932 г. Кальянов руководил геоморфологическими отрядами экспедиций на п-ов Канин и в Карском море на э/с «Альбатрос», а в 1931 г. возглавил экспедицию на э/с «Н. Книпович» в Баренцевом море, в 1934 г. – в бассейн реки Печоры.

Рис. 5. Б. И. Кошечкин (третий справа) и А. Ф. Трешников (второй справа) в Архангельске. Из фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН

По окончании аспирантуры был зачислен старшим научным сотрудником Государственного океанографического института. С 1933 г. В. П. Кальянов преподавал в МГУ, а с 1938 г. – в Московском педагогическом институте и на заочном отделении МГУ. Во время Великой Отечественной войны в эвакуации в Горьковской области в 1941–1943 гг. работал преподавателем географии в средней школе.

В 1943 г. Виктор Петрович был вызван на работу в Москву в Экономическое отделение Арктического института в качестве старшего научного сотрудника по физико-географическим вопросам Севера. С сентября

1944 г. после организации кафедры «Географии северных полярных стран» был зачислен штатным доцентом географического факультета МГУ. В 1949–1953 гг. осуществлял работу по организации Музея землеведения МГУ и его экспозиции. С 1953 г. окончательно перешел на работу в Музей землеведения МГУ в должности старшего научного сотрудника [Музей-Архив, НВФ 648].

В экспедиционной деятельности В. П. Кальянова особенно стоит выделить работу на о. Врангеля в 1929 г. В 1926 г. на этом острове была основана колония эскимосов, выходцев из бухты Провидения, и организована метеорологическая станция. Всего на острове было высажено 60 человек во главе с Г. А. Ушаковым. Жизнеобеспечение колонии было рассчитано на три года. Смену ожидали в 1928 г. Однако вследствие тяжелой ледовой обстановки пароход «Ставрополь» не смог достигнуть острова. Критическое положение с продовольствием должно было наступить в 1929 г., поэтому на помощь зимовщикам был отправлено судно, которое с высокой долей вероятности должно было доставить груз и сменщиков на о. Врангеля – л/р «Ф. Литке», командовал которым капитан К. А. Дублицкий (рис. 6). «Ф. Литке» 14 июня 1929 г. отправился из Владивостока и 5 августа вошел в Чукотское море. С 8 по 23 августа судно было затерто многолетними льдами к югу от о. Геральд. Только 29 августа, обогнув с севера остров, «Ф. Литке», наконец, удалось достигнуть б. Роджерс на о. Врангеля. Во время разгрузки ледореза и далее, следуя на нем в обратном направлении, В. П. Кальянов занимался сбором научных данных по геоморфологии, геологии и биологии о. Врангеля (рис. 7). За этот поход, протекавший в исключительно тяжелых условиях, судно «Ф. Литке» и его капитан были награждены орденом Трудового Красного Знамени. А все участники арктической экспедиции были отмечены памятным нагрудным знаком «За Врангелевский поход на Литке. 1929».

Рис. 6. Л/р «Ф. Литке» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 433]

Рис. 7. Дневник В. П. Кальянова «Геологические работы на острове Врангеля. Экспедиция на ледорезе «Ф. Литке». Начато на о-ве Врангеля 3/IX-29 г.; в бухте Роджерса. 1929» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 649. Л. 1]

Полевые дневники этой и других арктических экспедиций авторства В. П. Кальянова хранятся в персональном фонде ученого и представляют собой интересные информативно насыщенные источники по истории организации и проведения арктических научных полевых исследований в первой половине XIX в. (рис. 8, 9).

Рис. 8. Полевой дневник Кальянова В. П. экспедиции на п-ов Канин. 26 июля – 09 сентября 1930 г. [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 652. Л. 1]

Рис. 9. Кальянов В. П. Полевой дневник Печерской экспедиции ВНИРО. 18/VIII-1934 г. [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 655. Л. 1]

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН хранит персональный фонд почетного полярника, доктора географических наук профессора Ивана Степановича Песчанского (1911–1972) (рис. 10, 11).

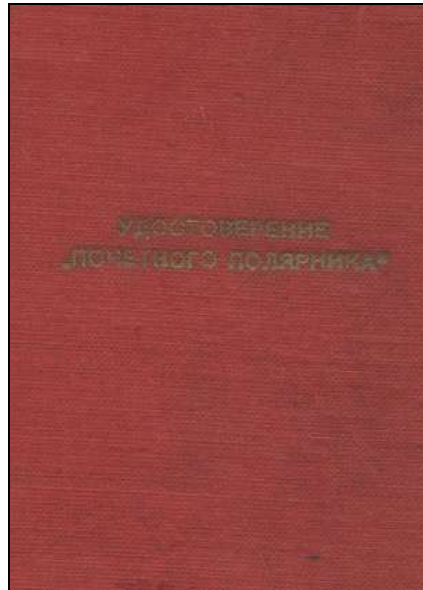

Рис. 10. И. С. Песчанский
[Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН,
НВФ 754]

Рис. 11. Удостоверение «Почетного полярника» к значку № 3959,
выданному 3 декабря 1951 г. И. С. Песчанскому
[Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, ОФ 176]

Он родился в 1911 г. в Уфе в семье учителя из крестьян Тамбовской губернии и дочери профессора литературы Казанской академии. Во время гражданской войны из-за голода семья переехала в Сибирь. После окончания средней школы в 1927 г. и Гидромелиоративного техникума в 1930 г. в г. Красноярске Иван Степанович работал в качестве гидротехника и прораба в Казахстане и в Сибири, где занимался изысканиями в области гидротехнических сооружений и строительством (рис. 12).

Рис. 12. Фотография выпуска Красноярского гидромелиоративного техникума 1931 г. И. С. Песчанский первый слева в предпоследнем ряду [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 740]

В 1932 г. И. С. Песчанский был отозван трестом Гидроэлектропроект в Ленинград, где поступил в Политехнический институт на Гидротехнический факультет [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 719]. Во время прохождения курса он специализировался по вопросам ледоведения и ледотехники применительно к гидротехническим сооружениям. По окончании института в 1938 г. защитил дипломный проект на тему «Гидростанция на реке Нарым». Проект получил высокую оценку со стороны Государственной экзаменационной комиссии за оригинальную конструкцию и за проявленную при его разработке инициативу.

В 1939 г. И. С. Песчанский был зачислен в аспирантуру Политехнического института и одновременно начал работать в Научно-исследовательском институте гидротехники в области борьбы с донным льдом.

В результате проведенных в этом институте исследований Иваном Степановичем было написано несколько научных работ, из которых одна по конкурсу Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники получила 1-ю премию, и сделано одно изобретение, зарегистрированное в Отделе изобретений Госплана при СНК СССР и внесенное в реестр изобретений Союза за № 61745.

Вследствие эвакуации из Ленинграда в 1941 г. обучение в аспирантуре Политехнического института было прервано, и в 1942 г. И. С. Песчанский был зачислен в аспирантуру Арктического научно-исследовательского института, куда он в конце 1941 г. поступил на должность научного сотрудника и где работал в области ледоведения.

Ставя перед собой задачу глубокого изучения физических свойств морского льда и применения знаний в этой области к решению практических вопросов, И. С. Песчанский во время пребывания в аспирантуре и за период работы в отделе Службы льда и погоды Арктического института основательно познакомился с новой для него областью – ледоведением арктических морей – и приобрел серьезные навыки в решении различных задач, которые ставились перед институтом в рамках общего плана работ Главсевморпути. Характерной и отличительной чертой в научно-исследовательской работе И. С. Песчанского являлось стремление оценить рассматриваемое им явление со всех возможных сторон, пользуясь методами математического анализа и других смежных с его специальностью дисциплин, что было чрезвычайно ценным в приложении к решению и географических задач, в частности – в изучении ледового покрова арктических морей [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 720: 1–2].

И. С. Песчанский принимал участие в самой крупной за предыдущую историю изучения Арктики морской Восточной комплексной научно-исследовательской экспедиции «Восток» в 1946 г. на ледоколе «Северный полюс» в качестве начальника ледоисследовательской лаборатории (рис. 13, 14).

Рис. 13. Ледокол «Северный полюс» во льдах. 1946. Фото № 2 [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 762, Л. 7об.]

Рис. 14. Аэростат на борту ледокола «Северный полюс». 1946. Фото № 3 [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 762, Л. 14]

В состав комплексной экспедиции вошли еще более 30 научных сотрудников: метеорологи, аэрологи, океанографы, гидробиологи, гидрохимики, геологи, геофизики, ледоисследователи, гидрографы (рис. 15) [Трешников, 1978]. Ледокол «Северный полюс» по плану должен был пройти из Владивостока на запад до Шпицбергена, по возможности высокоширотной трассой. Но в условиях крайне тяжелой ледовой обстановки в навигацию 1946 г. на трассе Северного морского пути руководство Главсевморпути было вынуждено прервать экспедицию и использовать ледокол для проводки 16 кораблей. Сотрудников экспедиции переместили на ледокол «А. Микоян» и отправили во Владивосток. Вместе с ледоколом «Адмирал Макаров» «А. Микоян» с учеными на борту обеспечил проводку транспорта с грузом для полярников о. Колючин [Воспоминания, 1979].

Рис. 15. И. С. Песчанский проводит исследования во время экспедиции «Восток» на ледоколе «Северный полюс». 1946. Фото № 3 [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 762, Л. 12 об.]

Среди многочисленных фотоматериалов, авторских свидетельств, почетных грамот, удостоверений, дипломов, аттестатов, творческих материалов в фонде отложилась машинописная рукопись на 11 листах, датированная 1946 г. и содержащая тексты – яркие примеры литературного творчества представителя (или представителей) субкультуры «полярников» из незавершенной экспедиции на ледоколе «Северный полюс».

Тексты написаны в жанрах эпиграмм, шарад и стихов-переделок к популярным эстрадным шлягерам и песням из кинофильмов [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 736: 1–11об.]. К сожалению, автора (или авторов) рукописи установить не удалось. Нерешенным остается также вопрос, является

ли создатель рукописи автором представленных в ней текстов. О том, что документ создан участником (участниками) высокоширотной комплексной экспедиции «Восток», свидетельствуют содержание с описанием реалий экспедиционной научно-исследовательской работы, быта и персоналий, а также датировка «1946 г.» с указанием на первом листе рукописи места пребывания автора (или авторов) на ледоколе «Северный полюс» во время написания текста (рис. 16).

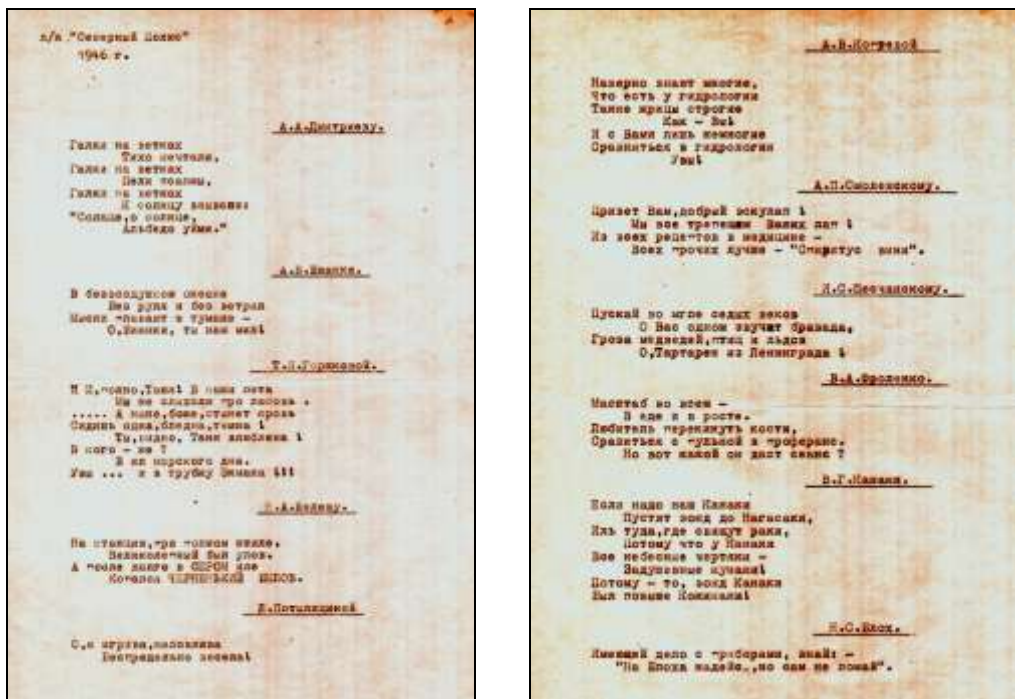

Рис. 16. Рукопись с эпиграммами и шарадами, созданными на борту ледокола «Северный полюс» во время высокоширотной экспедиции «Восток», из фонда И. С. Песчанского. 1946 [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, НВФ 736, Л. 1–2]

Сюжетные коллизии, связанные с «ледовым пленом» у о-ва Колючин, позволяют заключить, что, по крайней мере, часть текстов относится к циклу, называемому в воспоминаниях коллег и товарищей И. С. Песчанского «Колючинская эпопея». Рукопись содержит 47 эпиграмм, посвященных сотрудникам экспедиции, а также членам экипажа ледокола «Северный полюс» и летчикам, которые осуществляли ледовую разведку на трассе (рис. 17). Адресатами двух эпиграмм являются экспедиционное судно и аэростат.

Рис. 17. Члены морской Восточной комплексной научно-исследовательской экспедиции «Восток» в 1946 г. на ледоколе «Северный полюс». Фото № 2 [Музей-Архив НВФ, НВФ 762, Л. 11]

На мотивы трех популярных песен 1930–1940 гг. «Землянка», «Пора в путь-дорогу» и «Все хорошо, прекрасная маркиза», используя исходный текст как каркас, были созданы так называемые локальные песни, то есть песни, возникшие и исполнявшиеся в ограниченном коллективе, тематически связанные с его жизнью и практически неактуальные за его пределами (рис. 18).

Рис. 18. И.С. Песчанский исполняет экспедиционные песни. «Известный флорентийский бас Джованни де Песчани, вернувшийся из гастрольной поездки по Арктике и Антарктике», – надпись на обратной стороне фотографии. Конец 1950-х – начало 1960-х гг. [Музей-Архив НВФ. НВФ 757. Л. 18]

Как правило, экспедиционное локальное песенное, прозаическое и поэтическое творчество остается лишь достоянием памяти членов коллектива, в котором они возникли. Поэтому сохранившаяся в фонде И. С. Песчанского рукопись представляет собой уникальный источник для исторических и источниковедческих исследований, связанных тематически с историей полярных экспедиций первой половины XX века. На взгляд автора, он полезен и для филологических и социологических исследований субкультуры полярников. Иллюстрируют данный источник фотоотпечатки, сделанные в ходе высокоширотной экспедиции и собранные в альбоме, который также хранится в фонде И. С. Песчанского.

Представление данных материалов персональных фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН в качестве потенциальных поливидовых источников по истории арктических экспедиций стало возможным после проведения источниковедческих исследований в рамках научно-исследовательской темы № гос. рег. 01201451066 *«Изучение исторического опыта и процессов институционализации науки для обоснования геополитических и социокультурных императивов устойчивого развития Евро-Арктического региона»* – рук. д.г.-м.н. В.П. Петров, выполнявшейся в 2014–2016 гг. в рамках Программы ФНИ государственных академий наук на 2013–2020 гг. в соответствии с пунктом 101 «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация».

Источники

Автобиография инженера И. С. Песчанского. НВФ 719.

Автобиография Кальянова В. П. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 648. Л.1–5.

Альбом фотографий «Ледокол “Северный полюс” во льдах». 1946. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ № 762. Л. 7 об. Фото № 2; Л. 11. Фото № 2; Л. 12 об. Фото № 3; Л. 14. фото № 3.

Дневник В. П. Кальянова «Геологические работы на острове Врангеля. Экспедиция на ледорезе “Ф. Литке”. Начато на о-ве Врангеля 3/IX-29 г. в бухте Роджерса. 1929». Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 649. Л. 1.

Конверт с автографами полярников – участников дрейфа научно-исследовательской станции «СП-19», достигшей 28 июня 1972 г. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1444.

Переписка по организации Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. 1975. Исх. № 60. 05 марта 1975 г.

Полевой дневник Кальянова В. П. Печерской экспедиции ВНИРО. 18/VIII-1934 г. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 655. Л. 1.

Полевой дневник Кальянова В. П. экспедиции на п-ов Канин. 26 июля – 09 сентября 1930 г. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 652. Л. 1.

Проба грунта, взятая в географической точке «Северный полюс» 28 июня 1972 г. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1446.

Рукопись с эпиграммами и шарадами, созданными на борту ледокола «Северный полюс» во время высокоширотной экспедиции «Восток», из фонда И. С. Песчанского. 1946. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ № 736. Л. 1-11об.

Удостоверение «Почетного полярника» к значку № 3959, выданных 3 декабря 1951 г. И. С. Песчанскому. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 176.

Фото «А. Ф. Трешников и Герой Советского Союза летчик И.С. Котов во время организации на льдине СП-3». 1954. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 642.

Фото «А. Ф. Трешников во время работы на Станции «СП-3»». 1954. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 624.

Фото «Выпуск Красноярского гидромелиоративного техникума 1931 г.». Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 740.

Фото «И. С. Песчанский». Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 754.

Фото «И. С. Песчанский исполняет экспедиционные песни». Конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 757.

Фото «Л/р «Ф. Литке»». Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 433.

Характеристика аспиранта АНИИ И. С. Песчанского, составленная начальником АНИИ Главсевморпути капитаном 3-го ранга В. Х. Буйницким. НВФ 720. Л. 1-2.

Список литературы

Данилов А. И., Котляков В. М., Саруханян Э. И., Фролов И. Е., Чилингаров А. Н. Алексей Федорович Трешников. К 100-летию со дня рождения. 2013. URL: <http://www.aari.ru/news/text/2013/%D0%90%D0%A4%D0%A2.pdf>.

Михаил Михайлович Сомов. Воспоминания товарищей и друзей. Л.: Гидрометеиздат, 1979. 168 с.

Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН (1974-2012) // Вестник КНЦ РАН. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 24–36.

Трешников А. Ф. Их именами названы корабли науки. Л.: Гидрометеиздат, 1978. 192 с.

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna,

PhD (History), Leading Researcher Fellow of Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 645(=511.12)(470.21)

О. А. Сулейманова, Е. Я. Пация

ПОВСЕДНЕВНО–БЫТОВЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ СААМОВ К ГОРОДСКОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

Аннотация

Исследование посвящено группе кольских саамов (на материале Мурманской области), которые прошли вполне типичный для эпохи индустриальных преобразований «путь в новую жизнь» в виде перехода к городскому образу жизни. Процессы глобализации и урбанизации в саамской среде носят противоречивый характер – с одной стороны, наблюдается унификация и стандартизация культуры и быта, что приводит к трансформации традиционной материально-хозяйственной жизни группы, с другой стороны, актуализируются различные формы групповой идентичности. Материально-бытовая культура рассматривается в статье как один из маркеров идентичностей (этнической, территориальной, религиозной и т.п.). Изучение данного аспекта позволяет прояснить механизмы формирования этнического самосознания саамов на современном этапе.

Ключевые слова:

адаптация, быт, городские саамы, материальная культура, Мурманская область, повседневность, этническая идентичность.

О. А. Suleymanova, E. Ya. Patsia

DAILY AND HOUSEHOLD ASPECTS OF ADAPTATION TO URBAN WAY OF LIFE OF THE SAMI

Abstract

The article is devoted to the part of the indigenous population of the Kola Peninsula, which took quite typical for the era of industrial transformation "the way to a new life" in the form of the transition to an urban lifestyle. The consequences of such processes as globalization and urbanization are controversial - the one hand, there is the unification and standardization of culture and life, which in turn leads to the transformation of the traditional material and economic life of certain ethnic groups, on the other hand, updated various forms of group identity. Material and consumer culture is one of the markers of identity (ethnic, territorial, religious, etc.). The study of this aspect allows us to clarify the mechanisms of formation of ethnic identity of the Sami at the present stage.

Key words:

adaptation, life, urban Sami, material culture, Murmansk region, daily, ethnic identity.

«Нарастающая культурная унификация побуждает этнокультурные меньшинства все активнее отстаивать собственную уникальность» [Кольские саамы, 2008: 86]

Вступление

Исследования, посвященные проблеме адаптации коренных малочисленных народов Севера к городскому образу жизни, на данный момент единичны [Лярская, 2016; Хаховская, 2014]; саамы не стали исключением [Виноградова, 2014]. «Наряду с большим объемом научных трудов, посвященных традиционной этнографии и дореволюционной истории саамов, в отечественном саамоведении не так много исследований, направленных

на изучение их “новейшей истории”» [Бодрова, 2014: 190]. До настоящего времени исследователи описывали традиционную культуру саамов, в том числе материально-бытовую, практически не касаясь вопроса, связанного с изменениями, произошедшими в их культуре в советский период под влиянием перехода к урбанизированному быту. Исключение составляют труды, содержащие разрозненные сведения о переселенных группах саамов [Гуцол, Виноградова, Саморукова, 2007; Аллеман, 2013], но и здесь отсутствует тема переселения в города. В советский период в исследовательской литературе, например, в известной книге А. А. и Т. А. Киселевых о «советских саамах» [Киселев, Киселева, 1987], речь шла о «преображенной тундре», то есть фактически о процессе с обратным вектором: о «пришествии цивилизации» к аборигенам. В то же время, во второй половине XX века, представители группы саамов активно переселяются в города. Сейчас по данным Всероссийской переписи населения 2010 года в России саамов насчитывается 1771 человек (787 – городское население, 984 – сельское). Из них на территории Мурманской области проживает 1599 человек [Результаты, ЭР]. Таким образом, городское население составляет более 40 %. Можно предположить, что степень урбанизации кольских саамов будет только увеличиваться. Интерес представляют механизмы адаптации аборигенного населения Кольского Севера к условиям жизни в советский и постсоветские периоды, в частности, процесс их «переделки» в современных городских жителей. Мы только начали разрабатывать эту тему и не претендуем на глубину исследования данного вопроса.

Статья основывается на материалах эмпирического исследования – текстах интервью, которые были собраны у представителей саами и содержат сведения об их жизни в советский и постсоветский периоды: проблемах адаптации к новым условиям быта в связи с коллективизацией, переезде в город, приспособлении к городскому образу жизни и т.п. Основными информантами выступили 4 человека, проживающие в городах Мурманск, Апатиты и Кировск и имеющие соответствующий биографический опыт или знания об истории семьи. Трех информантов можно считать своего рода профессионалами, формирующими «то лицо городской аборигенной культуры, которое наблюдается во время массовых публичных акций – они шьют костюмы, репетируют действия, взаимодействуют со СМИ» [Хаховская, 2014: 50]. Среди них мастер, владеющий различными саамскими ремеслами, работы которого экспонируются на мероприятиях и выставках, посвященных саамской культуре, и две женщины, активно занимающиеся сохранением саамского языка и культуры.

Социально-экономические исследования начала 2000-х гг. показали, что уровень адаптации коренного саамского населения к современным условиям диагностируется как низкий, а социально-экономическое положение как маргинальное [Гуцол, Рябова, Виноградова, 2002, 2004]. Кроме того, в городском быту труднее сохранять национальные особенности. Представители городских саамов проживают в обычных многоэтажках, их квартиры оборудованы в современном стиле, ничем не отличаясь от квартир «среднестатистического» горожанина. В то же время с конца 1980-х гг. наблюдается волна интереса к саамской национальной культуре. Проводятся различные мероприятия – выставки, саамские праздники и т.п. Возрождаются различные саамские ремесла, практикуется реконструкция традиционных национальных вещей. Представители малочисленных народов стремятся

сохранять элементы бытовой культуры, несмотря на происходящие глобальные ассимиляционные процессы. Вещевое поведение и материально-бытовые аспекты жизни саамов в современных условиях, на фоне повышенного внимания к их культурной самобытности, представляют большой исследовательский интерес.

Погост – село – город: на пути в «цивилизованную» жизнь

Переход саамов на оседлый и «цивилизованный» (под которым представители западноевропейской культуры долгое время подразумевали индустриально-урбанистический образ жизни) уклад происходил постепенно и связан с траекторией, которую мы обозначили как «погост – село – город». Адаптация к сельским условиям, работа в колхозе, обучение в школах-интернатах были определенными ступенями на пути к современному образу жизни.

Процесс трансформации традиционного образа жизни саамов начался задолго до коллективизации, но наиболее значительный урон по их хозяйственной культуре был нанесен в 1920–1930-е годы, в процессе промышленного освоения Кольского полуострова. Так, приоритетные задачи индустриального строительства в советский период определили курс экономического развития и обусловили как изменения жизненного уклада, так и территориальные перемещения групп коренного населения [Разумова, 2008]. «Начиная с 1930-х происходит выдавливание саами, зачастую насильственное, с запада полуострова и с побережий – в основном из мест строительства баз флота и пограничной полосы. Собственно говоря, саамы не полностью ушли из этих районов, зачастую они покидали тундру и устья рек и перемещались в быстро растущие поселки и города, сменяя традиционный образ жизни на неквалифицированный труд в городских поселениях. Уже по данным переписи 1939 года в западных районах оставалось 42 % саамов, на 10 % меньше, чем десятилетие назад, причем каждый девятый из них проживал в горпоселениях – Мурманске, Мончегорске, Териберке, Коле и Апатитах» [Кольские саамы, 2008: 68]. Эти процессы приводят к исчезновению традиционных форм поселения аборигенов края – саамских погостов. Создавались первые коллективные хозяйства, начался постепенный перевод коренных жителей на оседлость. «В 1930-е годы существовало убеждение, что чем выше оседлость оленеводов, тем более организованное хозяйство они способны создать. <...>. Конечно, причиной перехода саамов на оседлость была не только коллективизация, но и активное строительство на землях бывших погостов транспортных коммуникаций, поселков и городов с пришлым населением» [Федоров, 2014]. Значительная часть национальных саамских поселений на Кольском полуострове была ликвидирована в 1950–1960-е годы как неперспективные или в результате отчуждения их территорий для нужд военно-промышленного комплекса региона. «Переселения кольских саамов в 1930–1960-е годы оказались губительными для их традиционной хозяйственной, социальной и территориальной организации, ключевым компонентом которой являлся погост» [Саморукова, 2007: 29–30].

Наши информанты родом из села Варзино и Кильдинского погоста:

«Все они с Кильдина, кильдинские все. И отец мой, и дедушка, и бабушка все с Кильдина (1);

«Варзино находится посередине Кольского полуострова, на побережье Баренцева моря. <...>. Был свой колхоз. Свое стадо

было: коровы, олени. Зимой охотились на нерпу, котиков, зайцы, лисы. <...>. У них <предков – О.С.> дома стояли и огороды. Когда их <предков О.С.> выселили, военные все пожгли и сломали» (2).

Варзино – село на восточном побережье Кольского полуострова, близ устья реки Варзина, место древнейшего летнего погоста семиостровских лопарей. В 1913 году здесь насчитывалось 107 человек. Как постоянное село возникло в начале 1930х годов, входя до 1963 года в Саамский район, затем — в Ловозерский. Здесь действовал оленеводческий колхоз «Арсйок» (затем «Большевик») [Варзино, ЭР]. Кильдинский погост – лопарское становище. В 1904 году зимний погост находился в 12 верстах от Колы (38 туп, 233 жителя, церковь прп. Трифона Печенгского, церковноприходская школа). Как населенный пункт зарегистрирован в 1920 году. По переписи 1926 года здесь проживало 108 человек. Был образован оленеводческий колхоз «Одд-сийт» («Новое селение», русское название «Вперед»). В 1934 году саамы Кильдинского погоста переселялись в специально созданное для них село Чудзъявр. К 1938 году насчитывалось 113 человек, в хозяйстве которых было 1,5 тыс. оленей [Кильдинский погост, ЭР]. В 1959 году в рамках политики «укрупнения» власти переселили жителей Кильдинского погоста в Ловозеро. Туда же в 1960-е годы были переселены группы вороньинских и семиостровских саамов. В 1968 году также ликвидировано и село Варзино, его жители также переехали большей частью в село Ловозеро. «Тем самым саамский мир, традиционно устроенный как полицентричное пространство, теперь обретал главный центр село Ловозеро, которое было превращено в основное место компактного проживания российских саамов, на что, по-видимому, не в последнюю очередь повлияла близость населенного пункта к районам урбанизации» [Федоров, 2014].

Разрушение традиционной хозяйственной жизни саамов, Великая Отечественная война, тяжелая экономическая ситуация в стране в послевоенное время не способствовали сохранению культурной самобытности коренного населения. Из воспоминаний информанта о жизни в колхозе в послевоенное время:

«В послевоенное время, когда колхозная система образовалась, мало у кого что в семьях сохранилось. Могли какие-то туесочки или грабилка сохраниться. <...>. Ничего из национальной одежды у нас не было. Мы носили русские пальтишки, шаровары. <...>. Платьишко из ситичка мы шили. Но бедность – не порок. Колхозы работали денно и нощно. А что ставили? Вместо денег ставили палочку – трудодень. А что можно было на эту палочку купить, ведь денежная система существовала всегда? <...>. Когда была колхозная система, шили одежду в основном для оленеводов: малицу, тоборки. <...>. Чтобы в тундре выжить, нужна была теплая одежда. <...>. В колхозной системе не проявлялась забота, чтобы сохранить ту красоту, которая была у саамского народа, их национальную одежду» (3).

Цитата информанта наглядно показывает, что местные власти не проявляли заботу о сохранении культурных традиций саамов. Элементы национальной одежды изготавливались лишь для той части саамского населения, которая продолжала заниматься оленеводством, поскольку этого требовали климатические условия Севера. «В настоящее время лопари ведут

оседлый образ жизни. Только пастухи-оленеводы значительную часть года передвигаются по тундре вслед за стадами оленей, тогда как семьи их живут круглый год оседло, в благоустроенных поселках с теплыми рублеными домами, отапливаемыми русскими печами или плитами <...>. Оленеводы, находясь в тундре, живут в куваксах, в которых очаг заменен железной печью, а постель из шкур – раскладными кроватями. Пастухи-оленеводы зимой живут в особых утепленных палатках, покрытых тремя слоями ткани — брезентом, байкой и полотном. Обогревается такая палатка железной печью, а освещается керосиновой лампой. Вопрос о наиболее удобном и совершенном типе жилища пастухов-оленеводов еще не решен окончательно. Он продолжает разрабатываться строителями и этнографами, занимающимися вопросами современного быта малых народов Севера» [Лопари, ЭР].

В советское время в семьях наших информантов практически не использовались привычные бытовые вещи, они не носили ничего из национальной одежды. Информанты указывают на две основные причины. Во-первых, это отсутствие материальных возможностей для изготовления национальных предметов:

«Мы относились как раз к очень бедной семье. <...>. Во время Великой Отечественной войны у нас погибли все мужчины. <...>. Бедность была связана с отсутствием мужчин в семье <...>. Из одежды национальной сохранить было сложнее. <...>. Потому что сшить саамскую девичью шапочку, нужен был красивый бисер, мех. <...>. У нас была обычная одежда. <...>. Не было вообще тогда ничего. <...>. Не потому там, что не хотели. Мы пережили Великую Отечественную, когда сукно, дорогостоящий материал, на какие деньги можно было приобрести, на какие деньги можно было приобрести бисер? Тогда и бисер-то не продавали. <...>. Все, что было, – было в закромах или в сундуках у наших родителей: шамиуры, оленья упряжь, расшитые в 19 веке еще, некоторые семьи сохранили. У меня, например, тети Лидина шамиура. Я готовлю выставку по деревне Варзино, я собираю вещи, мне привезла моя племянница, внучатая племянница – шамиуру, сарафан и шелковый платок. Это 19 век еще» (3).

Во-вторых, это было связано со стремлением не выделяться среди русского населения:

«Я училась в 5 классе и участвовала в пошиве тапочек. Эта обувь – теплая, легкая, мягкая. Мы, дети, стеснялись носить эти тапочки, так как нас бы задразнили лопарями. Это обзывалка была, как к неполноценным людям было пренебрежительное отношение» (3).

Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера (саами) начала создаваться еще в 1920-е годы, а уже к 1930-м годам на Кольском полуострове повсеместно начали функционировать школы-интернаты. «Основная задача, которая ставилась перед воспитанниками интерната, заключалась в том, чтобы они ничем не отличались от “обычных” детей. Это касалось, прежде всего, внешнего облика, поведения и языка. Задача прививать необходимые навыки возлагалась на воспитателей и учителей. Судя по воспоминаниям информантов, личность учителя во многом определяла процесс приобщения детей-саамов к советской культуре. Так, воспитанники интерната в пос. Гремиха Мурманской области с благодарностью вспоминают

воспитателя интерната, заботливо учившую девочек завязывать банты, так чтобы они ничем не отличались от детей военнослужащих. Иная ситуация была в интернате в пос. Ловозеро, где строгость воспитателей была чрезмерной» [Казакова, 2014: 525]. Действительно, по воспоминаниям и наших информантов можно заключить, что в поселке Гремиха отношение к детям иной национальности было более толерантным и трепетным:

«Сначала я закончила начальную школу у себя в деревне Варзино, где сегодня пустырь. <...>. После окончания начальной школы, естественно, нас направляли <...> были созданы так называемые в советское время школы-интернаты для детей, где получали образование. <...>. Самый ближайший школа-интернат, где я училась дальше – это был поселок Гремиха. <...>. Теперь он называется ЗАТО Островной. <...>. Так что пятый, шестой, седьмой класс я там закончила. <...>. Ну как сказать, интересовались мы саамской культурой – не интересовались, но речь мы свою саамскую сохранили! Я знаю много людей, которые как бы говорили, что было запрещено использовать саамский язык, было запрещено разговаривать на родном языке. Но мне повезло, в каком плане, что обучаясь в Гремихе, на среднем звене, я никогда не слышала – не было ни одного преподавателя кто бы сказал: – «Вам нельзя разговаривать на родном языке!». Это меня не коснулось! В школе шло преподавание на русском языке <...>. Только в третьем классе я осознала, что учусь в школе. <...>. Всегда с огромной благодарностью вспоминаю педагогов, которые работали с национальными детьми, не знающими русского языка. Какое терпение надо было иметь, чтобы в течение первого, второго, третьего класса обучить детей, чтобы они могли говорить на русском языке. Это было величайшее у учителей терпение!» (3).

Самые обыкновенные для школьника вещи были для саамских детей непривычными: «А я, наверное, в руки и карандаши не брала, не помню. Что у нас семья-то такая была, на оленях да на лодках, что у нас письменный стол что ли был... карандашей не было» [Казакова, 2014: 526]. Информанты с благодарностью упоминают, что в интернате о них заботились, предоставляя необходимые вещи одежду, школьные принадлежности:

«В интернате нас, конечно, одевали, давали нам одежонку, с чужого плеча – не с чужого плеча» (3).

Интернаты сыграли не последнюю роль в процессе перевоспитания («переплавки») детей коренного населения в среднестатистического советского гражданина. «При помощи интернатов, благодаря системе всеобщего среднего образования, идеологическая позиция государства, так же как и бытовые представления приезжих “русских” учителей и жителей поселков, их взгляды на тундровую жизнь и подобающее место женщины могли быть донесены до каждого юного обитателя тундры и тайги. В этой системе ценностей и представлений бытовое кочевание виделось как отсталое, положение женщины в традиционном кочевом обществе как угнетенное и не соответствующее требованиям современной жизни, а женская работа в тундре как тяжелая и непрестижная. Кроме того, за время обучения ученики отрывались от тундровой жизни и привыкали к другому уровню комфорта. В результате после обучения

девушки не хотели ехать в тундру и желали получить рабочее место в поселке или в городе» [Лярская, 2010: 11–12].

Некоторые из наших информантов по окончанию школ-интернатов уезжали учиться в Ленинград с целью получения высшего образования. В 1930 году в Ленинграде был создан Институт народов Севера, куда стали приезжать на учебу коренные северяне. Данный институт проводил для Севера подготовку кадров средней и высшей квалификации по советско-партийному и культурному строительству, кооперативно-колхозной работе, промышленному делу, а также выпускал научных работников. Для подготовки педагогических кадров, в которых так нуждались северные национальные школы, с 1929 года в Ленинградском педагогическом университете им. А. И. Герцена (ныне Российский педагогический университет им. А. И. Герцена) начинается подготовка учителей из числа народов Севера. В этом институте обучались и две наши информантки – Афанасьева Нина Елисеевна и Мечкина Екатерина Ивановна. И это был их первый и очень важный опыт жизни в городе:

«Эта счастливая возможность сложилась. В Ловозере я кончила седьмой класс, а потом в Ленинграде я училась» (4).

Поскольку в семьях информантов национальных вещей практически не сохранилось, саамы ничем не выделялись на фоне других горожан:

«Ничего они <родители – О.С.> с собой не привезли и не сохранили. Их всех отдали в интернат» (2);

«Когда я приехала в Ленинград учиться <...> ничего не было. <...>. Ни бурок не было. Сейчас у меня лежат бурочки, когда мороз сильный я одеваю, и на 6 февраля. <...>. Сегодня я могу одеться так, как я хочу одеться <...>. Но в то время, когда мы были детьми или в юношеском возрасте, такой возможности не было! <...>. Сейчас у меня имеется и праздничная и непраздничная, сегодня я могу это себе позволить, а тогда возможности не было <...>. Поэтому, когда в Ленинград приехала, было какое-то обычное платьишко, пальто, ну какие-то ботинки приспособлено под климат» (3).

Приезжая на каникулах к родителям, дети старались внести элементы «цивилизованной жизни» в быт своих старших родственников, однако это не всегда успешно удавалось:

«Во-первых, скажем, в саамских семьях лишних простыней никогда не было. Это позднее мы, когда учились в Ленинграде, мы стали покупать <...>. А мама у меня все равно всегда на шкурке спала. <...>. В малицу залег и одеяла не надо» (3).

Информанты отмечали, что после переезда в город их очень сильно тянуло на природу, городской ритм жизни был для них непривычным:

«Мы не порывались в какие-то большие мегаполисы, это тяжело. Это не наше!» (2).

Скорее всего, по этой же причине наши информанты из числа тех, кто учился в Ленинграде, возвращались обратно на Север, предпочитая небольшие города Мурманской области. Так, одна из информанток поведала о том, что ей понравилось жить в городе Кировске именно по причине того, что здесь практически в шаговой доступности лес и горы:

«Если захотел, пошли на природу. Горы рядом мои любимые. Захотел на охоту пошел» (4).

Информанты из числа тех, кто родились в селе Варзино, стараются каждый год посещать родину предков, несмотря на то что село давно ликвидировано, и на его месте сейчас «пустырь», выражаясь словами информантов:

«Каждый год я приезжаю, нынче опять была» (3);

«Сейчас у меня мама уехала туда. <...>. Они сейчас поехали организованно десять человек - с Мурманска, с Апатит, с Оленегорска. <...>. Они ставят палатки, живут в палатках. <...>. Не ездили долго, лет двадцать, наверное. Первый раз мы поехали с мамой, мне, наверное, было лет шестнадцать. Там еще люди жили, соседняя Дроздовка. Были 2 деревни: одна - Дроздовка, другая Варзино. И они постоянно друг с другом воевали. <...>. Добираются туда по морю. <...>. Когда-то мы и вертолетом залетали туда. Ребята с лагеря приезжают, нам помогают большую палатку поставить. <...>. Из строений там остался туалет и то, что я с годами настроил – стол, лавки, где сидеть. Рыбчат – семгу, кумжу, форель. <...>. Вот так вот две недели живем на берегу» (2).

На родине предков принято говорить на саамском языке, пользоваться только национальными вещами и добывать себе пищу традиционным образом (в частности, занимаясь рыбной ловлей). Здесь принято жить по законам предков. Мы согласны с утверждением М. А. Беляевой, что «городские» аборигены – это новый тип людей: они умело пользуются современными технологиями, но сохраняют близость к природе. Это не просто тренд – это стиль жизни» [Беляева, ЭР].

Сформировалась определенная традиция, «сценарий», от которого в саамском сообществе непринято отступать: «Сначала отдают дань памяти предкам. <...>. Начинается все с поднятия флага, потом все идет на кладбище» (2) (рис. 1, 2). Национальный флаг саамов был утвержден в 1986 году на Конференции северных саамов. Цвета флага (красный, синий, зеленый и желтый) соответствуют цветам традиционного саамского костюма. Круг, изображенный на флаге, отражает форму саамского бубна и символизирует солнце и луну.

Рис. 1, 2. Поднятие национального флага на месте бывшего села Варзино (фото из личного архива информанта)

Таким образом, территория бывшего традиционного проживания саамов для ее современных представителей является своеобразным культурным и символическим пространством.

Национальные вещи в повседневном быту современных городских саамов

С 1980-х годов наблюдается повышенное внимание к культуре российских саамов, их самобытности и национальным особенностям, в большой степени благодаря инициированию интереса со стороны представителей западных саамов (из Швеции, Норвегии, Финляндии). «Период с начала 1980-х гг. характеризуется своего рода бумом саамской культуры. Прежде всего, эти процессы охватывают места компактного проживания саамов: возрождаются ремесла, рукоделия, создается Национальный музей в с. Ловозеро, а затем Национальный культурный центр коренных народов, возобновляется преподавание саамского языка в школах, создается саамское радио, издаются книги саамских авторов, создаются национальные фольклорные коллективы. Культура саамов становится неотъемлемой частью региональной культурной среды. Интерес к этой немногочисленной этнической группе стремительно возрастает» [Виноградова, 2005]. Саамам больше не нужно скрывать свое происхождение и бояться выглядеть глупо в своей национальной одежде. В этой связи традиционные национальные вещи достают из сундуков, изготавливают собственноручно (при наличии материала и опыта) или делают на заказ:

«Что оттуда <про родину предков – О.С.> мы могли привезти? Это когда я здесь уже жила, то наши мне шили бурки и даже не одну пару, туфли. <...>. Мы все вязали! С детства мы приучены были, наши же овец держали, приучены прясть!» (4).

В настоящее время квартиры городских абorigенов ничем не отличаются от квартир обычных горожан. Различия состоят лишь в материальных возможностях и индивидуальной творческой инициативе современного городского жителя, а также в желании (или его отсутствии) иметь национальные вещи, которое чаще всего зависит от индивидуальных качеств личности, а не от этнической принадлежности.

В различных словарях имеются определения понятий «вещь», «национальный», но отсутствует дефиниция «национальные вещи». А. В. Тихомирова, занимаясь изучением предметных символов России, определила понятие «национально-предметный символ» как «элемент символического языка культуры, который служит “эмблемой” определенного народа или страны и при этом принадлежит какой-либо сфере материальной культуры (кулинарии, одежде, утвари, строительству и др.)» [Тихомирова, 2013: 334], и мы склонны придерживаться этого определения. Наши информанты из числа саамов употребляют понятие «национальные вещи», а в качестве синонима – термин «саамские вещи».

Национальные вещи саамов, функционирующие в современном городском быту, можно разделить на две основные категории: к первой относятся *традиционные национальные вещи* (рис. 3–6), доставшиеся информантам от предков, которые использовались по прямому назначению, ко второй – *современные национальные вещи* (рис. 7), реконструированные по традиционным мотивам (на основе фольклорных, архивных и музейных источников). В отдельную категорию можно выделить *вещи с саамской*

символикой (сувениры, магнитики, флаги и т.п.). У всех наших информантов имеются национальные вещи данных категорий, у одних они немногочисленны, у других их «достаточно много», если учесть сложность приобретения и изготовления такого рода предметов в современных условиях.

Рис. 3, 4. Грабилка, XIX век (из личного архива информанта)

Рис. 5, 6. Сундук, XIX век (из личного архива информанта)

Рис. 7. Современная реконструкция саамских национальных вещей (мастер – Сергей Захаров)

Мы составили условную типологию национальных вещей, функционирующих в пространстве городской квартиры, и выделили пока 5 основных типов: 1) национальная одежда (или элементы национального костюма); 2) утварь; 3) орудия домашнего труда (веретена, чески, инструмент для выделывания шкур, игольницы); 4) ритуальные вещи (обереги); 5) декоративные вещи различного назначения (кулоны, сумки и т.п.).

У всех информантов без исключения имеются элементы национального костюма (рис. 8, 9). У Нины Елисеевны Афанасьевой, которая активно пропагандирует саамский язык и культуру и собирает саамские вещи, в гардеробе шесть национальных костюмов со всеми необходимыми элементами и атрибутами: головные уборы, платки, сарафаны, пояса и т.п.: *«У меня квартира как музей, много чего есть»* (3). Однако данный случай является, скорее, исключением.

Рис. 8. Сергей Васильевич Захаров демонстрирует верхнюю часть национального костюма

Рис. 9. Афанасьева Нина Елисеевна демонстрирует шамшуру XIX века

У других информантов национальный костюм был представлен частично – у кого-то лишь верхняя его часть, кто-то не имеет головного убора и т.п. Следует отметить, что бурки (зимняя обувь саамов) имелись у всех, с кем мы общались (рис. 10). Именно обувь чаще всего используется не только на праздниках, но и в повседневной жизни, несмотря на утверждение, что для города такая обувь непригодна:

«Дома у меня такая теплынь, что мне не надо. Ничто не возбраняется иметь городскому жителю, было бы желание. <...>. Можно пошиковать, походить, но для постоянной носки национальная обувь не очень приспособлена» (3);

«Я уже их <бурки – О.С.> не ношу, потому что они уже такие дряхлые, им лет сорок, наверное. Как в них в городе ходить? Выбрасывать мне их жалко, а носить их уже невозможно, потому что они дряхлые. Это сестра моя шила. <...>. А все время я носила, конечно. Просто я берегу память сестры. Выкидывать жалко.

Дома, когда очень холодно, я одеваю. <...>. Еще были, но уже пришли в негодность несколько пар было бурочек. В Ловозере можно заказать, но дорого! Еще лет шесть тому назад они стоили четыре тысячи, а сейчас четырнадцать тысяч» (4);

«Носят <про дочерей – О.С.>. <...>. Не одевают валенки, именно в бурочках бегают. <...>. Им нравятся. У них на заводе тоже увидели, тоже стали заказывать. <...>. Еще кто саамы есть, у них бурочки есть, они зимой не надевают валенки, носят бурочки, ну и в сапогах, когда сыро» (1).

Рис. 10. Бурки (из личного архива информанта)

Сам же национальный костюм или его отдельные элементы надевают только на праздники, культурные мероприятия. По утверждению одной из информанток, она надевала свой национальный костюм только один раз на праздник саамов в Ловозере:

«Там когда-то, еще мы, по-моему, на первом курсе учились, фотографировались, в Ловозеро, по-моему, мы ходили в национальном костюме. А так нет» (4).

При этом никто не ставит под сомнение, что национальный костюм обязательно должен присутствовать в гардеробе. После наших расспросов информантка пояснила, для чего костюм хранится в семье. Оказалось, что для нее принципиально, чтобы после смерти ее похоронили в национальной одежде. Информантка также поделилась с нами, что попросит своих сыновей положить в гроб определенные вещи, которые для нее имеют особое символическое значение. К сожалению, информантка отказалась сообщить нам какие именно вещи. При этом она утверждает, что в современном погребальном обряде саамов не принято класть в гроб какие-либо предметы:

«Нет, это у нас не принято. <...>. Нет, это если человек еще сам пожелал, когда он еще в здоровом уме был и твердой памяти, то положили бы. А так, чтобы класть... <...>. В давние времена клали орудия охоты или еще что-то. А сейчас – нет, нет. Я еще буду говорить своим сыновьям, что положить – мне!» (4).

Среди предметов утвари чаще всего используются чашки для кофе из капа, ножи. Орудия труда практически не пригождались в повседневном городском быту, но их обязательно привозили с собой в город. В семьях наших информантов есть веретена, скребки для выделывания кожи, бердо (станочек для прядения шерсти) (рис. 11, 12):

«Да, я пряла тут шерсть-то. И чесалки у меня были, я покупала. Вернее, с Краснощелья нам привозили шерсть овечью. Мы с сестрой поделились. Начесала, спряла, связала. В общем все использовала вязала то я всегда. А шерсть я пряла ну, наверное, где-то лет 5 тому назад <...>. А как стали не нужны, так я отдала <отдала в музей – О.С.>» (4);

«По саамски “неским” называется, а так “скребок” можно назвать по-русски. Неским скребок для выделывания шкур <...>. Я ремонтировала бурочки, свои и дочкины. Я привезла с Ловозера шкурки с олених ног, эти шкурки на бурочки» (1).

Рис. 11. Бердо – приспособление для ручного ткачества (из личного архива информанта)

Рис. 12. Веретена, переданные информантом на хранение в Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера КНЦ РАН

Большинство орудий домашнего труда со временем утратили свою функциональную и практическую значимость, так как младшее поколение, как правило, может заниматься лишь вышиванием, вязанием, мастерить небольшие сувениры. Выделыванием шкур, прядением шерсти уже практически никто не занимается:

«Ну, так показывала, но они <дочери – О.С.> особо не интересовались <...>. Они уже обрусели» (1).

Поэтому такого рода орудия с неохотой, но отдают в музей или хранят как память, то есть вещи переходят в разряд мемориальных.

Игольница до сих пор является вполне функциональной вещью, что связано с распространением «хэнд мейда» в саамской среде (рис. 13). Например, Сергей Захаров практикует различные саамские ремесла: выделку из кожи, меха, гравировку на кости, шитье, бисероплетение и др. Мастерству он обучался не только в России, но в Швеции и Норвегии.

Рис. 13. Игольница (из личного архива информанта)

У всех информантов имеются различные обереги. Неохотно разговаривая на эту тему, они лишь поясняли, что эти предметы предохраняют от сглаза и плохих людей. Мастер Сергей Захаров признался, что делает обереги на заказ для друзей и знакомых, среди которых не только саамы:

«Ну, я делаю на заказ и знакомым. Ну и много подарено. Я начал делать обереги для машин, обереги от кражи. Сначала дома повесить, чтобы в квартиру не залезли. Оберегов-то много разных» (2).

Декоративные вещи могут изготавливаться самими информантами, что свидетельствует о сохранении в семьях навыков рукоделия. Одновременно используются для декора городских квартир различные покупные сувениры. Если раньше саамские вещи старались припрятать, то сейчас, наоборот, их вывешивают на видное место. В каждой квартире без исключения мы видели картины с изображением тундры, оленей. Как известно, олень – важный символ в саамской культуре.

Представители молодежи в целом поддерживают традиции родителей, и те, у кого они есть, надевают костюмы на праздники. Несмотря на то что семьи этнически смешанные, «иноэтничные» супруги не возражают против поддержания традиций, и даже при случае используют некоторые «саамские вещи». Сами информанты утверждают, что сохранение культуры, поддержание традиций зависит от личного желания человека, поэтому одни дети или внуки что-то перенимают, другие не хотят. По мнению старших, младшее поколение проявляет мало интереса к саамской культуре, знания и традиции от поколения к поколению только утрачиваются, несмотря на «пропаганду» со стороны общественных саамских организаций, СМИ. В основном носителями культуры являются люди пожилого возраста.

В быту «национальным» вещам сноса нет. Шкатулками в семьях пользуются чуть ли не с позапрошлого века, а обувь и одежда при правильном уходе служат до пятнадцати лет. Если вещь «износилась», ее ремонтируют, реконструируют:

«Уже давно они <бурки – О.С.> у меня лет 15. Уже в ремонте они были. Да долго, их ремонтируем и опять носим» (1);

«Вот игольница у мамы была уже старая, я ее реставрировала недавно. Обновила полностью, но форму я всю сохранила» (4).

«Саамская» вещь искусственно помещается в городской быт, и, с одной стороны, у нее появляются новые функции, с другой, сужается ее функциональное поле: орудия труда используются в основном только мастерами, национальные костюмы демонстрируются на праздниках. Изменяются и технологии создания вещей. В то же время национальные вещи, утратившие утилитарную функциональность, переходят в разряд мемориальных вещей.

Послесловие

Путь в «цивилизованную» жизнь в процессе адаптации саамов к городскому образу жизни был постепенным и достаточно непростым. Сначала саамов привлекали к работе в колхозах с целью их перевода на оседлый образ жизни. Основная задача школ-интернатов состояла в том, чтобы воспитать из детей представителей малочисленных народов рядового советского гражданина, и следует отметить, что такого рода образовательная система удачно справлялась с поставленной перед ней задачей. Большинство людей, особенно из числа тех, кто получил высшее образование, уже не хотели возвращаться в поселки и предпочитали оседать в городах Мурманской области.

В постсоветский период наблюдается рост этнического самосознания саамов, что связано с активизацией деятельности саамских организаций. «В городской среде аборигенная культура становится все более элитарной, то есть культурой, которую вырабатывают профессионалы» [Хаховская, 2014: 56].

Тенденция возрождения национального самосознания у российских саамов нашла свое выражение в реконструкции предметов традиционного быта. Путь в «цивилизацию» одновременно означает и «уход» от этнической самобытности. Можно сказать, что национальные вещи препятствуют «дезориентации» на этом пути. Они поддерживают линию связи с «малой родиной», или «родиной предков», и позволяют воспроизводить этническую идентичность, но уже в новых формах и с иной прагматикой. Однако восстановление бытового контекста ведется на основании этнографических и археологических материалов, которые дают представление о традиционной повседневной культуре лишь частично. Многие исследователи отмечают исчезновение языков и прерванность традиционной связи между поколениями, посредством которых транслировалась и воспроизводилась техника создания вещи, ее функциональные особенности, правила пользования и пр. В связи с этим возврат национальных предметов в актуальную культуру осуществляется через использование музейных коллекций и приобщение к исследованиям этнографов. Таким образом, процесс самопознания народа осуществляется благодаря внешним источникам, а не внутренним, как это было раньше.

Закончим нашу статью словами Нины Елисеевны Афанасьевой:

«Я знаю много саамов, но абсолютно все ведут себя по-разному. Некоторые зациклились только вокруг своей семьи и дальше, как говорится, носа не кажут. Есть те, которые интересуются, которых можно заинтересовать. <...>. Я всех обзваниваю – я, можно сказать, такой маленький стерженек, – и приглашаю для

участия. Проводим мы разные мероприятия. <...>. Я не хочу сказать ни о ком плохо, обстоятельства у всех разные. <...> Было бы желание сохранить <саамскую культуру – О.С. > что в городе, что в селе. Главное, внутри там был какой-то стержень, который тебе говорит, что не то что ты должна, а ты можешь, и ты хочешь, и ты делаешь. Это нисколько не трудно! Я сохраняю. И в тоже время я работаю со множеством школ, садилов, областным краеведческим музеем, областной научной библиотекой. <...>. Но это опять-таки зависит от человека, который хочет и занимается» (3).

Список информантов

Женщина, 1931 г.р. Уроженка с. Кильдин Териберского района Мурманской области. Идентифицирует себя как саами. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Мужчина, 1972 г.р. Уроженец г. Апатиты Мурманской области. Идентифицирует себя как саами. В 1969 году предки выселены из с. Варзино в с. Ловозеро.

Женщина, 1939 г.р. Уроженка с. Варзино. Идентифицирует себя как саами. В настоящее время проживает в г. Мурманске.

Женщина, 1934 г.р. Уроженка с. Кильдин Териберского района Мурманской области. Идентифицирует себя как саами. В г. Кировске проживает с 1962 года.

Список литературы и источников

Беляева М. А. Антропологическое исследование: кто такие городские аборигены? URL: <http://ekb.urpur.ru/mbpost/belyaeva-mariya-alekseevna-antropologicheskoe-rassledovanie-kto-takie-gorodskie-aborigeny/>.

Бодрова О. А. Рецензия на монографию Лукаса Аллемана «Саамы Кольского полуострова: о жизни этнического меньшинства в советском союзе» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). Вып. 5. С. 190–196.

Варзино. Кольский Север: энциклопедический лексикон «А–Я». URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php/ВАРЗИНО>.

Виноградова С. Н. Коренные народы в городской среде проблемы и интересы (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. Кольский научный центр. Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина. 2014. № 4 (41). С. 10–14.

Виноградова С. Н. Саамы Кольского полуострова: основные тенденции современной жизни // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2005. С. 424–434.

Гуцол Н. Н., Рябова Л. А., Виноградова С. Н. Кольские саамы в процессе социально-экономических трансформаций 1990-х годов // Север и рынок: Формирование экономического порядка. 2002. № 3. С. 49–64.

Гуцол Н. Н., Рябова Л. А., Виноградова С. Н. Современное положение кольских саамов как результат социально-экономических трансформаций 1990-х годов // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2004. С. 22–38.

Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. 86 с.

Казакова К. С. Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия // Сибирский сборник-4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры: Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой / Отв. ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов; РАН. ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 523–530.

Кильдинский погост. Кольский Север: энциклопедический лексикон «А–Я». URL.: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/КИЛЬДИНСКИЙ_ПОГОСТ.

Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. 207 с.

Кольские саамы в меняющемся мире / Под редакцией А. И. Козлова, Д. В. Лисицына, М. А. Козловой. М.: Институт наследия, ИЛ «АрктАн-С», 2008. 101 с.

Лопари (саамы): средства передвижения, поселение и жилища, одежда // Этнографический блог о народах и странах мира их истории и культуре. URL: <http://lib7.com/ccsr/604-lopari-peredvizenie.html>.

Лярская Е. Женщина и тундра. Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 3–38.

Лярская Е. В. Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 54–70.

Разумова И. А. «Аборигены» и «мигранты»: проблемы аккультурации и культурной дистанции коренного и городского населения Крайнего Севера // Народные культуры Европейского Севера. Республиканская научная конференция (Архангельск, 15–17 октября 2007 года) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 28–33.

Результаты Всероссийской Переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Саморукова А. Г. Переход кольских саамов на оседлость: «свое» и «чужое» // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 6-й Межвузовской научной конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 29–31.

Тихомирова А. В. «Лапотно-квасной патриотизм» и «Русь посконная»: к вопросу о русских национальных предметных символах // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 334–342.

Хаховская Л. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 39–59.

Федоров П. В. Культурные ландшафты Кольского Севера в условиях урбанизации (1931–1991 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-landshafty-kolskogo-severa-v-usloviyah-urbanizatsii-1931-1991-gody>.

Allemann L. The Sámi of the Kola Peninsula. About the life of an ethnic minority in the Soviet Union. Tromsø: University of Tromsø, Centre for Sami Studies, 2013. URL: <http://septentrio.uit.no/index.php/samskrift>.

Сведения об авторах

Сулейманова Олеся Анатольевна,

младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Пация Евгения Яковлевна,

Зав. сектором Музея истории изучения и освоения Европейского Севера

Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Suleymanova Olesya Anatolyevna,

Junior Researcher of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

Patsia Eugenia Yakovlevna,

Head of the Sector of the Museum-Archives of the Barents centre of the Humanities

of the Kola Science Centre RAS

УДК 314.62(=511.111)(470.21)

Е. В. Бусырева

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИННОВ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Статья посвящена истории изучения исследований, связанных с финнами Кольского Севера. Представлен обзор этнографических описаний дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Рассмотрено влияние этнополитических изменений на подход к изучению российских финнов. Компаративный анализ показал, что в дореволюционный период исследования Кольского Севера, в том числе и финских колоний, были вызваны потребностями колониальной политики. В советский период изучение края продолжилось в этноэкономическом отношении. В постсоветский период приоритетными являются темы колонизации побережья и репрессий сталинского периода.

Ключевые слова:

финны, экспедиция, колонизация, традиция, материальная культура.

E. V. Busyreva

THE ETHNOGRAPHIC STUDY OF FINNS OF THE MURMANSK REGION

Abstract

The article is devoted to the history of the study of research related to the Finns of the Kola North. Presents an overview of ethnographic descriptions of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. The influence of ethno-political changes in the approach to the study of Russian Finns is analyzed. Comparative analysis showed that in the pre-revolutionary period the Kola North, including the Finnish colonies was driven by the needs of colonial policy. In the Soviet period, the study region has continued in ethnoeconomics respect. In the post-Soviet period has given priority to the theme of colonization of the coast and the repression of the Stalinist period.

Key words:

finns, expedition, colonization, tradition, material culture.

В этнографической литературе отражаются научные и культурные тенденции эпохи, политические аспекты, а также общественные взгляды авторов, выступающих представителями интересов своей социальной группы [Бодрова, 2014: 18]. Целью нашего исследования было проследить динамику подходов к этнографическому изучению финнов Мурманской области, а также то, как изменялись акценты исследований в зависимости от политического курса государства.

Этнографические исследования финнов целесообразно подразделить по хронологическому принципу на дореволюционные, советские и постсоветские.

Дореволюционный период

Этнографические исследования финно-угорских народов Европейского Севера России начались в первой половине XIX в. Однако истоки финно-угроведения находятся на более ранних этапах. В 1674 г. вышла в свет книга И. Шеффера «Larponia», написанная по заданию канцлера Швеции и посвященная исследованию культуры и быта саамов. И. Шеффер, опираясь на сравнительный анализ финского и саамского языков предыдущих авторов, указал на их родство [Шеффер, 1674: 175–177]. В XIX в. активизировалась экспедиционная деятельность, в которой сочетались просветительские цели и государственная необходимость. С целью укрепления государства правительство уделяло особое внимание изучению народов (в том числе и финно-угров), входивших в состав Империи. Пионерами этнографического финно-угроведения в России стали академики П. И. Кеппен и А. И. Шегрен [Загребин, 2006: 173]. Академик А. И. Шегрен был директором Этнографического музея Императорской Санкт-Петербургской академии наук (ныне МАЭ им. Петра Великого РАН). Он первым вывел финские исследования в «российское поле», собрал огромный материал, легший в основу современного финно-угроведения [Загребин, 2006: 198, 202]. В 1825–1826 гг. он совершил экспедицию по русской Лапландии. Академик П. И. Кеппен возглавлял статистический отдел Императорского русского географического общества [Загребин, 2006: 193]. В 1840-х годах он приступил к работе над первой «Этнографической картой Европейской России», изданной в 1851 г. К карте прилагался пояснительный текст с данными об «инородческом» населении Европейской России, в том числе указывались «прибалтийские», «поволжские», «приуральские» и «зауральские» финны.

Финский исследователь М. А. Кастрен – один из основоположников финно-угроведения в России. В 1838 г. М. А. Кастрен совершил путешествие в Лапландию и в 1841 г. вновь отправился туда совместно с Э. Леннротом. Описания М. А. Кастрена были посвящены автохтонному населению края (саамам), финны упоминаются лишь попутно. В своей работе М. А. Кастрен использовал междисциплинарный подход (данные топонимии, языка и археологии) [Загребин, 2006: 185].

Основной вопрос, который ставили перед собой А. И. Шегрен, П. И. Кеппен и М. А. Кастрен – это поиск древней финно-угорской (уральской) прародины. Для решения этой проблемы они использовали сравнительный подход в полевой работе. Академические экспедиции внесли значительный вклад в изучение финно-угорского мира. Благодаря А. И. Шегрену, М. А. Кастрену «экспедиция как “специальное путешествие” для непосредственного

наблюдения народного быта создала ранее неизвестный тип исследовательских процедур, известный нам как полевая работа» [Загребин, 2014: 5].

Экспедиции на Крайний Север «имели поначалу лишь практический характер и отражали экономические и колонизационные потребности Российской империи» [Бодрова, 2014: 33]. Однако в своих описаниях исследователи (чиновники, бытописатели) предоставляли сведения и этнографического характера. В 1895 г. совершил путешествие по северу России вице-губернатор Архангельской губернии Д. Н. Островский. По результатам этой поездки в 1898 г. был издан сборник, в котором приводятся не только статистические данные, сведения о морских промыслах, но и описывается быт финских колонистов [Путеводитель по Северу России, 1898: 95, 103].

Совершал поездки на Мурманское побережье и другой видный государственный деятель – губернатор Архангельской губернии А. П. Энгельгардт. Его книга, «скромно названная “путевыми записками”, представляет собой настоящую энциклопедию Русского Севера» [Шабалов, ЭР]. Она исключительно богата историческими, географическими и этнографическими фактами, несмотря на то что главная задача, которую ставил перед собой А. П. Энгельгардт, была сугубо практическая: на основе собранного им материала обосновать необходимость строительства в регионе телеграфных линий, дорог и почтовых станций. Его труд содержит описание финских колоний, хозяйственной деятельности, быта колонистов [Энгельгардт, 2009: 68–69, 95, 124–125].

Значительный интерес представляют сведения о Мурманском побережье контр-адмирала А. К. Сиденснера. В своем труде он не только дал всестороннюю характеристику региона, показал перспективы его развития, но и уделял внимание вопросам колонизации побережья, а также описал финские колонии. В частности, А. К. Сиденснер сообщал, что на Западном Мурмане проживало 810 финнов [Сиденснер, 1897: 15], отмечал, что финские колонисты отличаются всеобщей грамотностью, трудолюбием, трезвостью и бережливостью [Сиденснер, 1897: 25, 99], при этом они абсолютно не знали русского языка и традиций [Сиденснер, 1909: 41].

В конце XIX в. проводил исследования в области традиционной культуры финнов один из основателей российской этнографии Н. Н. Харузин. В частности, у него есть исследование, посвященное традиционному жилищу финнов [Харузин, 1895]. В работе Н. Н. Харузин применял междисциплинарный подход, учитывая, наряду с этнографическими данными, данные смежных дисциплин.

В 1911 г. принимал участие в экспедиции на Кольский полуостров В. Н. Никольский. По итогам экспедиции были изданы очерки, в которых автор описывал природу края, занятия и быт саамов, а также культуру финских колонистов [Никольский, 1913: 16]. Описания В. Н. Никольского имеют очерковую форму, как и большинство этнографических текстов того периода.

На рубеже XIX–XX вв. проводились статистические исследования Мурманского побережья. Перед экспедицией по статистическому исследованию Мурманского побережья была поставлена задача изучить различные стороны промысловой и колониальной жизни: от экономического положения до нравов и обычаев населения (в том числе и финского). По результатам экспедиции были опубликованы сборники под редакцией Н. В. Романова. В них содержатся

данные об истории возникновения поселения (откуда и когда прибыли первые поселенцы), о национальном составе колонистов и их общественном положении (постоянные приписные, постоянные самовольно поселившиеся и временно проживающие), о числе семейств, взаимоотношениях с соседями и властями, устройстве жилищ, обычаях и нравах, одежде и питании, а также о степени грамотности колонистов [Материалы по статистическому исследованию..., Вып. I, 1902: 197–199, 205, 209, 214–219, 228–236; Вып. II, 1903: 23–26, 74]. Результаты экспедиции интересовали и государственные службы, и исследователей с точки зрения экономической перспективы развития края.

В целом дореволюционные исследования финского населения Кольского полуострова были связаны с изучением колоний Мурманского побережья. Проблема колонизации окраин империи являлась одной из наиболее острых социальных проблем в России XIX в., и развитие этнографии этого времени во многом обусловлено потребностями колониальной политики. Правительству было необходимо иметь сведения о состоянии дел в крае, его экономическом положении и численности колонистов, поскольку колонисты (имевшие подданство) имели право на ряд льгот.

Советский период

В послереволюционные годы было продолжено изучение Кольского Севера в этнографическом отношении. Первые два десятилетия советской власти были отмечены активной научной деятельностью российских финно-угроведов [Загребин, 2014: 6]. В 1919 г. был издан путеводитель А. А. Жилинского, в котором дана характеристика Европейского Заполярья, в том числе Кольского полуострова. Поскольку А. А. Жилинский являлся прежде всего исследователем и организатором рыбного промысла, его работа была направлена на стимулирование экономического развития края, использование его ресурсов. Помимо экономического обзора автор привел историческую справку о переселении на Мурман финских семей, статистические данные о численности финского населения [Жилинский, 1919: 146–147].

Особого внимания заслуживают труды экономиста-аграрника Н. В. Воленс, этнографа и краеведа В. К. Алымова, этнографа и антрополога Д. А. Золотарева. Н. В. Воленс принимала участие в экспедициях 1920–1922 гг. Целью экспедиций было статистико-экономическое исследование колоний Мурман. По результатам экспедиции был опубликован сборник, в котором, в частности, указывались численность финнов, их занятия, тип поселений и уровень грамотности [Воленс, 1926: 11–14, 16, 21].

В. К. Алымов и Д. А. Золотарев (и их сподвижники) занимались, прежде всего, изучением быта, фольклора и антропологией саамов (лопарей), а также статистико-экономическими вопросами. С этой точки зрения финны не столько являлись объектом изучения, сколько представляли элемент этнической среды саамов. Так, изучая процессы ассимиляции саамов с соседними народами, В. К. Алымов не обошел вниманием вопрос межэтнических браков саамов с финнами [Алымов, 1925: 7–10, 1930: 71–101]. Не утрачивают научного значения для изучения народов Северо-Запада России труды Д. А. Золотарева. Под его руководством работало несколько экспедиций, в том числе Северо-Западная в 1926–1930 гг., члены которой занимались сбором статистических данных и антропологическими исследованиями саамов. Золотарев также дал

описание финских колоний. Как и В.К. Алымов, он изучал процесс ассимиляции саамов и по результатам исследования сделал вывод, что «на кольских лопарях отразились русское и карельское влияние, особенно на востоке и юге, финское и скандинавское – на западе» [Золотарев, 1928: 147, 1930: 5, 19]. Д. А. Золотаревым была создана карта, отражающая этнический состав Кольского полуострова [Высочков, 1997: 174].

В 1929 г. в Государственной академии истории материальной культуры состоялось совещание этнографов Москвы и Ленинграда, после которого последовал разгром этнологии и свертывание краеведения [Загребин, 2012: 633]. Смена политического курса в 1930-е гг., сопровождавшаяся постепенным свертыванием национально ориентированных проектов, вела к минимизации экспедиционной деятельности и гибели многих этнографов [Загребин, 2014: 6]. Судьбы всех названных исследователей сложились трагически: Н. В. Воленс и В. К. Алымов были расстреляны, а Д. А. Золотарев арестован и умер в лагере [Загребин, 2012: 633; Шангина, 2010: 14].

Исследования Кольского Севера в 1920-х гг. или носили общий статистико-экономический характер, как у А. А. Жилинского и Н. В. Воленс, или были посвящены этнографическому изучению автохтонного населения края (труды В. К. Алымова, Д. А. Золотарева). Кольские финны не являлись собственно объектом изучения, но отдельные работы могут служить источниками важной этнографической информации. Смена политического курса привела к тому, что в создавшихся условиях проводить этнографические исследования финно-угорского населения Кольского полуострова не представлялось возможным. Поэтому неудивительно, что период с середины 1930-х до конца 1960-х гг. является лакуной в исследовании финнов Кольского Севера.

В 1970-х гг. публикуются обстоятельные труды по истории Мурманской области мурманских историков И. Ф. Ушакова и А. А. Киселева. Несмотря на то что «финская тема» была «неудобна», повествуя об истории края, невозможно было умолчать о финнах. В связи с историей освоения побережья И. Ф. Ушаков не мог не упомянуть о переселении финнов из Северной Финляндии, тем более что именно представители этой этнической группы стали основным населением Западного Мурмана [Ушаков, 1972: 321–324, 415]. А. А. Киселев в книге «Родное Заполярье» упомянул об участии финнов в строительстве железной дороги [Киселев, 1974: 10]. Описывая ход событий Гражданской войны на Кольском Севере, А. А. Киселев писал о заслугах «красных финнов» в борьбе с белофиннами [Киселев, 1974: 125–131, 1977: 141–142].

Пробел в исследованиях финнов Мурманской области был частично восполнен в последующие годы в работах представителей региональной школы историков А. А. Киселева, В. Я. Шашкова, П. В. Федорова, Е. А. Ореховой и других.

Постсоветский период

В 1990-е гг. обращение историков к вопросам, связанным с финским населением Мурманской области, можно рассматривать как следствие постперестроечной политики государства и изменения отношения к российским финнам. Немаловажную роль в том, что у исследователей стал проявляться интерес к «финской теме», сыграло Постановление Верховного Совета РФ № 5291 «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г.

Поскольку финны составляли крупнейшую этническую группу колонистов Мурманска, они закономерно присутствуют в историческом сюжете колонизации побережья. Тему колонизации Мурманского берега во второй половине XIX – первой трети XX вв. углубленно изучала Е. А. Орехова [Орехова, 2009, 2010, 2013], вопросы колонизации Заполярья затрагивает П. В. Федоров в монографии, посвященной динамике взаимосвязей между центром российского государства и территорией Кольского Севера [Федоров, 2009]. Петербургский историк А. Ю. Юрченко, как и Е. А. Орехова, наряду с проблемами «иностранной» колонизации Мурманска, уделяет внимание хозяйственной деятельности колонистов. В частности, А. Ю. Юрченко отмечает универсальность хозяйственной деятельности финских переселенцев, позволившую им добиваться успехов в освоении Западного Мурманска [Юрченко, 2001: 9].

Исследованием различных аспектов истории российских финнов занимается петрозаводский историк И. Р. Такала. Естественно, что объектом ее исследований являются преимущественно финны Карелии. Однако в ряде статей она писала и о финнах Кольского полуострова, рассматривая, прежде всего, вопросы истории миграций и тему репрессий [Такала, 1998, 2002, 2006].

Значительный вклад в изучение культуры финнов внес Э.Г. Карху, ученый-филолог, происходивший из семьи ингерманландских крестьян, попавшей под раскулачивание и высланной в 1931 г. в район Хибинского района. Особую ценность представляет его книга «Малые народы в потоке истории», основанная на личных воспоминаниях. В ней содержатся сведения о спецпереселенцах-ингерманландцах, а также богатый этнографический материал [Карху, 1999].

Книга С. П. Локко «Финны на Мурмане», созданная в жанре мемуаристики, интересна разнообразными фактологическими данными о жизни финских колонистов. Автор приводит подробное описание быта, хозяйственной деятельности колонистов в дореволюционный и послереволюционный периоды, повествует о трагических событиях 1930-х и 1940-х гг. Материальная культура финнов рассматривается и в других публикациях. Выявляются отличия в материальной культуре отдельных групп финнов. Эти отличия объясняются прежде всего различиями хозяйственно-культурных комплексов [Бусырева, 2014: 84].

Сбором и публикацией сведений о спецпереселениях и репрессиях советского периода занимались В. Я. Шашков, Н. Ф. Бугай, С. Н. Дашинский, Л. А. Гильди, Л. И. Вавулинская, С.А. Савилова [Шашков, 1993, 2002, 2003; Бугай, 2003; Дашинский, 1997, 2002; Гильди, 1996, 2003, 2006; Вавулинская, 2013; Савилова, 2008]. Тему репрессий против финнов в годы советской власти затронул в ряде работ и А. А. Киселев. На основе обширного материала он пришел к выводу, что ликвидация финских колоний на Мурмане произошла не только по причине репрессивной политики правительства по отношению к финнам, но и в связи со строительством баз Северного флота в 1933 г. Многие колонии перестали существовать как гражданские поселения, а на их месте разместились объекты военной инфраструктуры («закрытые» населенные пункты – ЗАТО). В «Очерках этнической истории Кольского Севера» А. А. Киселев рассматривает эволюцию этнодемографической ситуации на Кольском Севере, характеризует положение основных этнических групп в крае, в том числе финнов [Киселев, 2003, 2009].

Исторические и религиозные сведения, касающиеся финнов Мурманской области, содержатся в работах Ю. П. Бардиловой [Бардилова, 2003: 22, 25; 2006: 40, 44]. Изучением фольклора занимаются И. А. Разумова и О. А. Бодрова [Бодрова, Разумова, 2015]. Различные аспекты этнической истории финнов приводятся в статьях Е.В. Бусыревой [Бусырева, 2010, 2011, 2012, 2013, 2015, 2016].

Информационный вклад в освещение темы вносят справочно-энциклопедические издания. Обобщенная характеристика российских финнов представлена в обзорах энциклопедических изданий, посвященных финно-угорским народам [Суни, 2003: 522–554; Шлыгина, 1994: 370–373].

В целом в отечественной историографии постсоветского периода финнам уделяется достаточно большое внимание. Приоритетными являются темы колонизации побережья и репрессий сталинского периода.

Подводя общий итог, можно констатировать, что в дореволюционный период исследования были нацелены на описание финских колоний, расположенных на побережье западного Мурмана. Правительство преследовало цель укрепления позиций России на рубежах и поэтому было заинтересовано в заселении пустынных земель. Администрация надеялась, что вслед за финнами край начнут заселять и русские, однако именно в те годы этого не произошло. Несомненно, отсутствие инфраструктуры, удаленность региона от центра, неблагоприятные климатические условия, общая экономическая отсталость создавали значительные трудности в привлечении переселенцев на Мурман.

В советское время экспедиции ученых-экономистов, аграрников были нацелены на изучение перспектив развития рыбных промыслов и освоения края. Исследователи описывали финские колонии, в том числе и с этнографической точки зрения. Советских этнографов интересовало исключительно автохтонное население Кольского полуострова. Но поскольку саамы западных районов тесно контактировали с финнами, в том числе вступали в межэтнические браки, в работах этнографов содержатся сведения о финнах.

Смена ориентиров политического курса в советский период привела к свертыванию финно-угроведения. В течение нескольких десятилетий финно-угорская тематика находилась в забвении. Лишь в 1970-х гг. появляется информация о мурманских финнах в обобщающих трудах историков. Следующий этап был ознаменован возрождением исследований финнов Мурманской области после принятия Постановления «О реабилитации российских финнов». Основными направлениями становятся темы колонизации Мурмана и репрессий. С 1990-х гг. тема репрессий приобретает особую популярность, что связано с действием внутривнутриполитического фактора, выявлением и обнародованием новых источников, статистических данных и т.п. Преимущественное внимание к драматической истории российских финнов и политическим факторам отодвинуло на периферию собственно этнографические исследования, связанные с культурными процессами в среде российских финнов.

Список литературы

Алымов В. К. Об ассимиляции лопарей // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 17–18. С. 7–10.

Алымов В. К. Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова // Кольский сборник: материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л.: Изд-во АН, 1930. Вып. 23. С. 71–101.

Бардилева Ю. П. Финские церкви: история и современность // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3 (История и право). С. 21–27.

Бардилева Ю. П. Этнические общности и религиозные группы на Кольском Севере: история и современность // Живущие на Севере: образы и реальность / отв. ред. П.В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 36–47.

Бодрова О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половине XIX – начала XX вв. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014. 168 с.

Бодрова О. А., Разумова И. А. Локализация устных нарративов саамского фольклора на территории Кольского полуострова (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов) // Труды ЦГП КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. Вып. 8. С. 126–142.

Бусырева Е. В. История и память современных кольских семей с финской родословной // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2010. Вып. 1. С. 79–93.

Бусырева Е. В. Миграционные траектории современных кольских семей с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011. Вып. 2. С. 19–29.

Бусырева Е. В. Браки в истории финских переселенческих семей: биографический аспект // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. Вып. 3. С. 18–30.

Бусырева Е. В. Религиозные традиции в жизни финских переселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2013. Вып. 4. С. 75–85.

Бусырева Е. В. Национальная материальная культура в жизни финских переселенцев Кольского полуострова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014. Вып. 3. С. 76–88.

Бусырева Е. В. Сохранность родного языка в переселенческих семьях с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014. Вып. 6. С. 98–112.

Бусырева Е. В. Судьбы семей финских колонистов Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. Вып. 7. С. 59–75.

Бусырева Е.В. Судьбы ингерманландских раскулаченных семей (на примере Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. Вып. 8. С. 143–157.

Бусырева Е. В. История семей из южной Финляндии, проживающих на территории Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2016. Вып. 9. С. 31–45.

Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 337 с.

Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: материалы статистико-экономического исследования 1921–1922 гг. М., 1926. Вып. 28. 112 с. (Труды НИИ по изучению Севера (б. Северная Научно-Промысловая Экспедиция).

Высочков Л. В. Историко-этнические карты Северо-Запада России (конец XVIII – первая треть XX вв.) // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия: межвуз. сб.; под ред. И.Я. Фроянова. СПб.: издательство СПб ун-та, 1997. Вып. 5. С. 165–179. (Проблемы археологии и этнографии).

Гильди Л. А. Расстрелы, ссылки, мученья. СПб: Б.и., 1996. 311 с.

Гильди Л. А. Судьба «социально-опасного народа» (засекреченный геноцид финнов в России и его последствия, 1930–2002 гг.). СПб: Издательство ДЕАН, 2003. 504 с.

Гильди Л. А. Народ изгой в России. СПб: б.и., 2006. 293 с.

Дашинский С. Н. Не делать из истории политику // Сборник «Расстрелянная семья». Мурманск: Б. и., 2002. С. 214–222.

Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград: Типо-литография Северо-Западного округа путей сообщения, 1919. 296 с.

Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX вв.): монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2006. 324 с.

Загребин А. Е. Этнографическое финно-угроведение в России: проблемы поиска новых источников // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; Отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 632–638.

Загребин А. Е. Этнографическое финно-угроведение в России: динамика научных идей и знаний // Труды Карельского научного центра РАН. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. № 3. С. 3–8. (Гуманитарные исследования).

Золотарев Д. А. Кольские лопари // Труды Лопарской Экспедиции русского географического общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: АН СССР, 1928. 147 с.

Золотарев Д. А. На Северо-Западном побережье Мурмана летом 1928 г. // Кольский сборник: материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л.: изд-во АН, 1930. Вып. 23. С. 1–21.

Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания. Петрозаводск: издательство ПетрГУ, 1999. 255 с.

Киселев А. А. Родное Заполярье: Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 511 с.

Киселев А. А., Климов, Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 224 с.

Киселев А. А. Финны на Мурмане, или как возникла и исчезла финская община на Кольском полуострове // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3 (История и право). С. 28–41.

Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.

Книга памяти: Рос. Федерация, Мурман. обл. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской обл. / С. Н. Дашинский, В. В. Воронин, В. А. Нечушкин. Мурманск: Север, 1997. 410 с.

Локко С. П. Финны на Мурмане. Мурманск: Фонд культуры, 1993. 409 с.

Материалы по статистическому исследованию Мурмана: описание колоний Восточного берега и Кольской губы. СПб.: типография И. Гольдберга, 1902. Т. 2. Вып. 1. 273 с.

Материалы по статистическому исследованию Мурмана: описание колоний на запад от Кольской губы до границ Норвегии. СПб.: типография И. Гольдберга, 1903. Т. 2. Вып. 2. 250 с.

Никольский В. Н. По горам и рекам Кольского полуострова. Архангельск: Губернская топография, 1913. 28 с.

Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2009. 314 с.

Орехова Е. А. Российский и советский опыт «иностранный» колонизации Мурманского берега Кольского полуострова (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) // Межнациональные и межкультурные отношения в Российском Заполярье: состояние и перспективы развития; науч. ред. Ю.В. Кузнецов. Мурманск: МГТУ, 2010. С. 233–239.

Орехова Е. А. Женщины в колониях Мурманского берега во второй половине XIX – начале XX вв. // IX Ушаковские чтения: сборник научных статей; науч. ред. П.В. Федоров. Мурманск: МГТУ, 2013. С. 72–76.

«По решению правительства Союза ССР...» / сост. Н.Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 927 с.

Путеводитель по Северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора) / Издание Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства; сост. Д. Н. Островским. СПб.: Типография А. Бенке, 1898. 146 с.

Савилова С. А. «Хотелось бы всех поименно назвать» // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. Мурманск: АСТЭС, 2008. С. 130–149.

Сиденснер А. Сведения о Мурманском берегу, собранные летом 1896 года контр-адмиралом Сиденснером. СПб.: Типография Морского Министерства, 1897. 102 с.

Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. С.-Петербург: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1909. 272 с.

Суни Л. В. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове. Прибалтийско-финские народы России / Л. В. Суни, С. В. Яловицина, И. Р. Такала / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 522–554. (Народы и культуры).

Такала И. Р. Финны-иммигранты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1998. С. 95–128.

Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Издательство «Журнал «Нева», 2002. 172 с.

Такала И. Р. Финны в Советской России: история диаспоры // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. 246 с.

Ушаков И. Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1972. 672 с.

Федоров П. В. Центр и Северная окраина Российского государства в XVI–XX вв.: динамика стратегических связей (на материалах Кольского Заполярья): дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. Архангельск, 2009. 487 с.

Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М.: Товарищество А. А. Левинсон, 1895. 99 с.

Шабалов С. Энциклопедия Русского Севера [Электронный ресурс]. URL: <http://Lib.ru/Классика>.

Шангина И. И. Давид Алексеевич Золотарев – исследователь культуры народов Северо-Запада и Центрального региона Европейской России (к 125-летию со дня рождения) // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: материалы Девярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2010. С. 11–15.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане: роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). Мурманск: Издательство МГПИ, 1993. 139 с.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы // Мурман, Хибинь до и после... Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 2002. С. 26–29.

Шашков В. Я. Репрессии против финнов и других спецпереселенцев // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3 (История и право). С. 46–53.

Шефферус И. Larroņa. Франкфурт: Издание X. Вольфа, 1674. 334 с.

Шлыгина Н. В. Финны // Народы России; Большая Российская энциклопедия. М., 1994. С. 370–373.

Энгельгардт А. П. Русский Север: путевые записки. М.: ОГИ, 2009. 256 с.

Юрченко А. Ю. Этнические аспекты колонизации побережья Баренцева моря в середине XIX – начале XX веков // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. № 2 (История и право). С. 5–12.

Сведения об авторе

Бусырева Елена Владиславовна,

младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Busyreva Elena Vladislavovna,

Junior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 393:27-726.3(470.21)

О. В. Змеева

ГРАЖДАНСКО-ЦЕРКОВНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ: ПОЗИЦИИ СВЯЩЕННИКОВ

Аннотация

Статья посвящена проблеме соотношения церковного и светского компонентов ритуала в городской культуре. Особый интерес представляют позиции церковнослужителей по данному вопросу. В качестве частного случая в статье рассматривается совмещение традиционных и современных, религиозных и гражданских действий, сопровождающих стадии погребального ритуала, а также организация индивидуальных и коллективных похорон в условиях малого города. Рассматриваются точки зрения священников малых городов Мурманской области в отношении светско-религиозного ритуала, сформированные на основе

персонального опыта проведения процедуры отпевания. Статья выполнена по материалам полевого исследования.

Ключевые слова:

гражданско-церковная церемония, светско-религиозный ритуал, прощание, отпевание, священник, отношение, малый город, Заполярье.

O. V. Zmeyeva

CIVIL-RELIGIOUS CEREMONY: THE POSITION OF THE PRIESTS

Abstract

The article is devoted to the problem of correlation of religious and secular components of ritual in the urban culture. Of particular interest are the positions of clergy on this issue. As a particular case of the article examines the combination of traditional and modern, religious and civic action, accompanying stage funerary ritual, and the organization of individual and collective burial in a small town. Considers the perspective of the priests in small towns of the Murmansk region in relation to secular ritual, formed on the basis of personal experience of the procedure of the funeral. The article is made on materials of field study.

Key words:

civil and church ceremony, secular-religious ritual, parting, burial service, Priest, attitude, small town, Polar region.

Во все времена и у всех народов почиталась последняя воля умирающего. <...>.

Да если бы и не было высказано Степанидой Ивановной ее последнее земное желание, то и без этого мы, ее дети, знали, что лежать она должна только в Алепине и что хоронить ее, глубоко религиозную, страстно верующую, нужно по церковному православному обряду, то есть, с ее точки зрения, по-человечески.

В. Солоухин «Похороны Степаниды Ивановны»

Ритуал прощания: адаптация к обстоятельствам

В исполнении современного погребального ритуала объединяются светские и религиозные процедуры прощания. Так называемая гражданская панихида нередко заканчивается церковным отпеванием. Для удобства участников обе процедуры проводят в одном помещении, не меняя пространства. Подобные церемонии Г. А. Носова назвала «смешанными светско-религиозными ритуалами» [Носова 1993: 165–166]. В этом случае священника, как правило, приглашают в светское помещение, в котором и происходит прощание. Гражданская панихида-отпевание проводится в общественных местах, чаще всего в городских ритуальных залах, отдельных помещениях Домов / Дворцов Культуры, а при их отсутствии – в залах кинотеатров и др. Использование городских объектов для проведения гражданских церемоний было принято и нередко осуществлялось в советский период [Геродник, 1964: 69].

Наблюдая смешанный светско-религиозный ритуал в ноябре 2013 года [подробнее см.: Змеева, 2014, 2015], мы обратили внимание на то, что приглашенный в светское пространство священник оказывается вынужденным приспосабливаться к конкретной ситуации и соответствующим обстоятельствам. В частности, непривычными могут быть организация пространства, расположение предметов и т.д. Например, если гроб расположен определенным образом, то по окончании гражданской церемонии его не будут передвигать в соответствии с ритуальными правилами. Выездное отпевание имеет свою специфику: священник находится вне храма, он может испытывать неудобства, быть недовольным подготовкой к ритуальному мероприятию, поведением присутствующих и т.д., но вынужден смириться и провести необходимую процедуру.

Мы провели ряд интервью со священниками малых городов Мурманской области с тем, чтобы выяснить их отношение к совмещению светской и церковной процедур прощания с умершими, а также к трансформации обряда отпевания в городской среде⁹.

Священники настаивали на единстве чина отпевания вне зависимости от места его проведения. По их мнению, чин остается неизменным, но он может варьировать, дополняться некоторыми действиями священника в зависимости от типа поселения и поселенческой общности. Так, в сельской местности возможны ситуации, когда священник на протяжении всех погребальных мероприятий сопровождает покойного. Существует традиционная схема передвижения: дом – храм – кладбище. Ритуал может дополняться:

...Крестным ходом к дому покойника, положением его во гроб в этом доме, отнесением во храм, с остановками на перекрестках, с совершением заупокойных литий, и дальше следует непосредственно само отпевание. После отпевания опять же крестным ходом тело усопшего несетя на кладбище, после чего совершается поминальная трапеза, в которой, как правило, обязательно, но если не участие, то, по крайней мере, чтобы священник благословил заупокойную трапезу молитвой¹⁰.

В городских условиях такое поведение служителя церкви практически невозможно. Количество отпеваний в городе значительно больше, чем в сельской местности, занятость проводящего обряд выше, у городского священника остается меньше свободного времени. Важным фактором различий является также социальная дистанция между сельчанами или горожанами и священником. В селе она минимизирована, поэтому участники процедуры прощания могут претендовать на личное участие священника. Сопровождение на протяжении всего прощания в городе практически невозможно по той же причине – отсутствия времени.

В качестве еще одной причины редукции обрядовых действий священники указали на локально специфические климатические условия.

⁹ Интервьюирование осуществлялось по разработанному автором вопроснику. Благодарю за помощь в собирании материала старшего преподавателя КФ ПетрГУ (г. Апатиты) П.Е. Котляренко.

¹⁰ В данной статье при цитировании мы не указываем персональные данные информантов, поскольку не располагаем на это их согласием.

По высказыванию информанта, «северные условия не позволяют осуществить вспомогательные действия».

Малые города Мурманской области имеют известную историческую специфику: большинство из них построено в советский период, у них нет «до-городской» истории. В большинстве городов никогда, с начала строительства, не было действующих храмов, за исключением города Кировска и областного центра; церкви начали появляться только в постперестроечный период. Это сказывалось на церковно-религиозных практиках. Еще в 1990-е годы один священник работал сразу в нескольких местах, он служил, как минимум, в трех городах центральной части полуострова, и отпевал, и крестил, и венчал, и исполнял другие требы. В данном случае его деятельность осуществлялась так же, как в крупном селе, когда священник окормлял соседние села, с выездами по определенным дням, проводя массовые крещения и т.д.

К 2010-му году в каждом малом городе области функционировала церковь (о храмостроении в регионе см.: [Давыдова, 2014, 2015]). Тем не менее поток жаждущих отпеваний не увеличивается с количеством новых построек. Н. А. Митрохин, анализируя опросы священников в российских регионах, отмечает, что лишь «над примерно 30–40 % покойников совершается ритуал “отпевания”» [Митрохин, ЭР]. В некоторых городах Мурманской области жителей приучили к тому, что отпевания проводят, как правило, в храме и в определенное время (например, в Мончегорске). В отличие от крупных городов и мегаполисов, где отпевание могут совершать в морге или в крематории, в малом городе ситуация несколько иная. Священники это отмечают. В частности, они не отпевают в морге (такой случай был единственный в практике и только у одного священника), не отпевают одновременно несколько человек (только в случае коллективной гибели).

Еще одним отличием городской процедуры от сельской священники считают присутствие «помощников» на городском отпевании:

Все будет одинаково, что там, что здесь. Там только что не будет хора, будет один священник отпевать, и петь и отпевать. Сам будет все проводить.

Вообще присутствие хора, по мнению информантов, возможно только в городе. Хор делает церемонию торжественной, пение ее украшает. Певчие не только помогают священнику торжественно совершить отпевание, но и осуществляют функцию эмоционально-психологического воздействия на присутствующих:

Но я стараюсь, чтобы отпевание всегда происходило с хором. Потому что, как бы там ни было, это молитва, которая должна быть на пользу не только усопшему, но и впечатлить, так сказать, тех, которые там присутствуют. Чтобы они тоже взяли что-то полезное для себя, своей души, для своей жизни.

То же делает и дьякон, если он присутствует в церкви и участвует в отпевании. Функции дьякона заключаются еще и в подготовке отпевания, если оно будет осуществлено в храме. Если же планируется выездное отпевание, то, как правило, организацией и подготовкой занимаются близкие или родственники покойного:

У них там свои порядки, свои обычаи, чтобы они все подготовили.

По мнению священников, отпевания часто являются формальными для родственников, которые не связывают церковный обряд с заботой о душе умирающего:

Он еще живой, а они уже думают, как его будут хоронить, вместо того чтобы подумать о том, чтобы пригласить священнослужителя к умирающему. И судя по количеству вызовов на дом для причащения больных, диспропорция есть какая-то, то есть отпеваний больше, чем вызовов на дом к умирающему.

Таким образом, в отличие от причащения, таинства соборования отпевания могут рассматриваться как дань «массовой традиции». Священники вынуждены адаптироваться к ситуации. Противоречащий официальной церковной позиции «заочный» обряд отпевания широко распространен в ритуальных действиях практикующих священников (см. напр., [Соколова, 2011: 194, прим. 1]). Священник Георгий Эдельштейн, осуждая «заочное отпевание», интерпретирует этот «новый диковинный обряд» как сотрудничество представителей духовенства и чиновников по «разваливанию» института Церкви: «Приезжают родные или соседи покойника в храм, дают им “земельки” в бумажный кулечек или в конверт почтовый, они эту землю, если успеют, в гроб зачем-то благоговейно положат, не успеют – на могилку высыпать можно. Вот и все. А то, что человека без церковного пенья, без ладана, просто так, словно скотину, закопали – это нас не волнует. <...>. Даже районные оркестры пожарных не додумались еще до “заочного отыгрывания” покойников, за гробом идут и на могиле играют. А Церковь в передних рядах прогресса бежит» [Эдельштейн, 2005: 30–31]. Специфические знания священников, как и погребально-поминальная атрибутика, в современном мире парадоксально остаются лишними или только по необходимости формально востребованными со стороны определенных социальных и возрастных групп. Исследования И. А. Разумовой и Л. А. Барабановой, нацеленные на изучение нового социального опыта современной молодежи и анализ обоснований проведения «достойного обряда», подтверждают неоднозначность отношения молодых горожан к погребальным традициям. Разнообразие мнений связано с типом смерти, статусом и возрастом умершего, ролевыми позициями и функциями участников ритуальных мероприятий [Барабанова, Разумова: 2013; Разумова, 2014: 118–121].

В случае «очного» выездного отпевания более отчетливо выражены функции заказчика (потребителя услуг) и исполнителя. Священник вновь принимает предлагаемые ему условия. Место проведения отпевания не является нормативным ритуальным пространством, оно «не свое». Священники осознают и принимают роль «исполнителя услуг». Для них главное, что человек, пусть даже в роли заказчика, приходит в церковь. В подобной ситуации даже несведущие в религиозных вопросах посетители оказываются значимыми, ведь для того, чтобы заказать отпевание, оговорить условия, им необходимо «зайти вовнутрь». Это, в свою очередь, означает, что они могут быть потенциальными прихожанами. В такой ситуации священники могут избрать две формы поведения: просветительскую или охранительную. Обе отвечают социальным функциям церкви. Если ориентироваться на типологию, предложенную М. Е. Добрускиным, они соответствуют «мировоззренческой», «компенсаторной» и «морально-этической» функциям [Добрускин, 2002]. Два

названных типа поведения отчетливо проявляются в ситуации подготовки и проведения отпевания. Первый, просветительский, нацелен на максимальное информирование пришедших. Такие священники организуют проповеди, рассказывают о процедуре, наставляют участников:

Тут у нас было как-то: пришел человек – сильно плачет. Дети расплакались, просто невозможно было отпевать. Остановились, спокойно, думаю, что проповедь скажу раньше. И я стал говорить о том, что, вот например, когда мы плачем за усопшим, то это является даже неким нарушением, потому что мы беспокоим душу усопшего, да. А здесь нужно не плакать, а помолиться за него – вот это будет польза.

Конечным результатом проповедей и напутствий становится привлечение новых прихожан. Основной целью представителей второго типа поведения является строгое соблюдение всех православных правил «по умолчанию». Подразумевается, что все присутствующие на отпевании не нуждаются в комментировании происходящего:

Это каждый христианин должен знать. Как дважды два в школе», «Он не обязан этого делать <давать разъяснения – О.З.>. В данном случае задача приходского священника – это совершить чин погребения, чин отпевания.

Таким образом священники охраняют свою паству. Если человек не воцерковлен, то ему не нужны подробности, он все равно что «дикий»:

Вообще очень редко, кто знаком, и то, скажем, из двадцати пришедших на отпевание, один-два, кто может грамотно перекреститься, остальные все, кто-то левой, кто-то справа налево, кто-то слева направо, ну кое-как. Ведут себя, по крайней мере, тихо.

Конечно, указанные типы священнослужителей весьма условны. Любой священник считает своей обязанностью выполнить воспитательную функцию – может остановить отпевание, объяснить присутствующим недопустимость поведения и т.д.

Процедура отпевания адаптируется не только к поселенческой общности, но и к требованиям времени. Для расширения круга православных, возможного увеличения числа прихожан церковь вынуждена идти на некоторые уступки. Определяя свое положение как подчиненное, в сомнительных случаях священники апеллируют к более высокому чину для принятия решений. В целом же они стараются адаптировать процедуру к меняющимся условиям, упрощают ее, многое допускают. Все это выражается в одной фразе: «*Стараясь, чтобы войти в положение людей*». Приходское духовенство идет навстречу тем, кто к нему обращается, причем здесь важен субъективный фактор. Священники основываются не только на правилах и церковных канонах, но и на личном опыте, представлениях о современном мире, обществе.

Церковные требования и «гибкость» священника

Какими нормами руководствуется священник при совершении ритуала, и на какие уступки может пойти церковь в ситуации отпевания?

Известно, что непреложен запрет отпевать некрещеных, человек должен умереть в вере и покаянии. Естественно, для правильного заключения о наличии

крещения необходимо материальное подтверждение. Первым признаком «пробывания человека в вере» является крестик. Вместе с тем на вопрос о том, были ли случаи отпевания некрещеных, мы получили утвердительные ответы. Предварительная группировка вариантов ответов позволяет выявить ситуации возможного отклонения от нормы.

1) Случаи коллективного отпевания. Самым актуальным прецедентом для местных священников остается гибель 118 человек на борту АПК «Курск»: *«И в подводной лодке “Курск” тоже там были некрещеные. Отпевали всех»*. Пример требует пояснения. Позиции духовенства в отношении «крещения в морской воде» погибших подводников представлены в исследовании И. А. Разумовой: «Руководство Мурманской и Мончегорской епархии с самого начала заняло однозначную позицию в оценке статуса погибших как православных мучеников – независимо от прижизненного отношения к вере и вероисповедания конкретных людей. <...>. Одним из подтверждений святомученичества стало активное бытование устных легендарных текстов жанра видений, в которых визионерам являлись моряки с “Курска”» [Разумова, 2015: 55].

2) Отсутствие информации о погибшем:

Вот, смотрите, конечно, например, скажем, к примеру: ребенок в детском доме. Мы не знаем – крестили ли его родители, его бывшие родители или нет. Крещение бывает всего один раз в жизни. Может быть он некрещеный, но никто не знает. Поэтому разрешается совершить обязательно второй раз крещение. Также самое, если человек погибает в ДТП, вот например, да, никто не знает, крещеный он или нет – допускается церковью совершать отпевание ради такого случая, если вдруг человек крещеный остался без молитвы.

3) Просьбы близких:

Таких случаев было очень много. И я, в принципе, всегда отношусь к этому очень положительно. Близкие там переживают – как быть. Я говорю: «Если никто не знает, то, конечно, мы будем совершать отпевание».

При этом практически всегда священник озвучивает официальную позицию: *«Чтобы я знал, что человек некрещеный и я его отпел, такого не было, или У меня не было, но я знаю, что были случаи»*.

Нарушение правила оправдывается, во-первых, незнанием или отсутствием информации, во-вторых, переживанием за умершего и страданием близких. В-третьих, для некрещеного совершенная процедура ничего не будет значить, в ней нет смысла. Это важно, в первую очередь, для священника, поэтому и ему иногда лучше не знать о религиозном статусе умершего. В конечном счете, при возникновении спорных случаев вся ответственность лежит на том, кто заказывал отпевание, а не на священнике. Он же не знал. Если есть сомнения, как в случаях коллективной гибели людей, когда всех погибших отпевают при отсутствии информации об их вероисповедании, могут использоваться и другие аргументы: *«люди стали заложниками ситуации»* (в случае с погибшими в шахте горняками), *«они крещены в крови мученичества, за веру»* (в случае с подводниками), или они *«все русские люди»*. В первых двух высказываниях оправдание связано со статусом умерших как

«жертв». Последнее замечание автоматически приравнивает русских к православным и прямо соотносится с названием – Русская православная церковь. Обратимся к размышлениям священника: «С какого времени и почему наша Церковь стала официально именоваться Русской Православной Церковью? В “Своде законов Российской империи” и во всех документах Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов мы встречаем термин “Православная Российская Церковь”. Украинцы, белорусы, татары, якуты выходят из Святой Купели такими же украинцами, белорусами, татарами, якутами, не становясь русскими. Каждый из нас имеет равное право сказать: “Это моя Церковь”» [Эдельштейн, 2005: 10].

Церковнослужителям не положено отпевать алкоголиков, наркоманов. Это правило также не всегда выполняется, но на несоблюдение запрета требуется соответствующая санкция. Священник – человек подчиненный. Есть церковная иерархия, поэтому необходим совет старшего. А родственники всегда могут утаить сведения о греховных наклонностях усопшего, чтобы отпеть крещеного.

Если был, скажем, таким заядлым наркоманом и это, известно об этом, то, алкоголиком, ну в общем, если у него были какие-то пристрастия, то тоже отпевание можно проводить, но с разрешения архиерея.

Нарушение запретов имеет основания. Считается, что покойнику все равно, а священник свои функции обязан выполнять. Некоторые считают, что необходимо позаботиться о живых – близких умершего, его родственниках, друзьях – их еще можно привлечь к вере, они еще могут стать православными:

Бывает, иногда люди боятся, скажем, заходить в храм на отпевание, некрещеные. Они говорят: «А можно нам войти?» - я разрешаю – «Входите». А для чего – чтобы они немного воцерковлялись заранее, чтобы они видели, что это необходимо. На отпевании произносится проповедь обязательно, да, вот у нас так. И всё равно, они что-то для себя, да возьмут полезное. И тут же встанет вопрос о том, чтобы и покреститься, конечно...

Таким образом, отпевание выполняет и сопутствующую функцию – привлекать новых прихожан.

Основными местами отпевания являются три – храм, дом, кладбище. Кто-то из священников утверждает, что отпевать можно везде, «хоть в лесу», в любом месте. Другие придерживаются однозначно противоположной позиции – отпевать только в храме. Категоричные высказывания содержат достаточно простое объяснение: «Человек трижды должен побывать в храме обязательно: В крещении, венчании и отпевании. Если мы похоронили, то у него этой возможности уже никогда не будет», – это христианская традиция. Распространенное отрицательное отношение священников к отпеванию в больнице, в морге, в ритуальном зале утверждает необходимость соблюдения религиозных традиций. Отпевание на кладбище строго регламентировано и возможно в трех случаях: 1) если на кладбище есть часовня, 2) в сельской местности при отсутствии в населенном пункте храма или часовни, 3) в случае «давней» смерти (то есть «испорченности» тела умершего), когда нет возможности занести гроб в храм безопасно для других участников ритуала. Те же требования соблюдаются при совершении процедуры на дому.

Таким образом, священники сами, исходя из своего опыта, определяют, где им удобнее отпевать. При отсутствии конкретного заказа первостепенными остаются вопросы удобства живых. Один из священников поделился опытом, который оказался необходим для «воспитания» прихожан. Отказавшись удовлетворять массовые потребности населения, священники временно жертвовали и собственными – экономическими и профессиональными – интересами во имя «стратегической» цели:

Вот, когда я сюда приехал, был такой момент – отпевание совершалось только или на дому, или на кладбище. Практики не было отпевать в храме <...>. И как-то мы один раз объявили, что отпевание на дому совершаться не будет, но это не совсем правильно. Вот. Какое-то время даже не было отпеваний, а потом, ну заочно как-то так отпевали, а потом, у нас сейчас: пожалуйста – люди поняли ситуацию и в храм отпевают, это уже привычное дело. Люди поняли, что это уже необходимо.

Священники идут на уступки и в отношении продолжительности проведения церемонии. Они редуцируют процедуру по просьбе заказчиков отпевания, сокращая текст службы. При этом уверяют, что убирают не очень нужные моменты, которые якобы допустимо не читать:

Бывают такие исключительные моменты, когда, например, находят останки. И то я помню, когда в Алакуртти как-то совершал семьдесят человек, да, группа «Поиск» там обнаружила. Очень много людей из-за границы, и немцы приехали, вот, чтобы принять участие в этой молитве. И когда меня спросили: «Сколько это будет длиться?» – ну я сказал – «Вот, по времени так». Меня попросили, что, если можно, чтобы вот это немножко сжато было. Единственное, что мы немножко сжали канон, чтение канона, а остальное – ну как, например, Евангелие не выкинешь, апостольское послание тоже не выкинешь, потому что это же молитва.

Корректируются установки священника в отношении правил поведения участников. Посетителям многое разрешается (использовать мобильные телефоны и т.п.), на отпевание пускают всех желающих, могут присутствовать даже выпившие.

Траурный митинг – церковное отпевание: возможности совмещения

В целом священники не критикуют светские церемонии и допускают объединение процедур. Выделяются случаи, когда такое объединение оправдано типом смерти, отношением к объекту или участникам, а также выполнением церковью своих прямых функций в особых обстоятельствах.

Высказывания священников о степени формализации и возможности проведения гражданско-церковной церемонии группируются в зависимости от отношения к объекту погребения, участникам ритуала, предписанным нормам и сложившимся обстоятельствам, от представлений о типе смерти, социальных и религиозных традициях, социальных функциях церкви. При принятии решения священники обязаны учитывать ряд обстоятельств.

1) Тип смерти

Совмещение процедур возможно в случае массовой трагедии, коллективной гибели, что предполагает присутствие большого количества

людей. Поскольку церковное помещение не позволяет одновременно вместить много народа, обряд отпевания можно осуществить и в другом, более удобном, пространстве. Священники считают основной проблемой организации церемонии. Поведение участников они не оценивают, полагая, что люди в данном случае прощаются как умеют. Собственные действия священники рассматривают как исключительно функциональные – церковь только совершает предписанный ритуал.

2) Социальные традиции

Траурный митинг остается наследием советской эпохи. Поскольку эта традиция уже утвердилась, нет необходимости сейчас ее перестраивать:

И много было (в советское время) таких традиций, которые порой противоречили церкви, и, в том числе, эти гражданские панихиды. Они произошли еще из того времени. Священников у них не хватало, не было, поэтому они что – ну вот, панихида, ну или возле дома гражданская панихида. у подъезда. Ну, или где-то там в ДК, или в клубах. Ну, я считаю, что оно не то, что нужно это отстранять – наверное, нет.

Главное, чтобы церемония была закончена, осуществилось прощание с умершим. Таким образом, церковные и светские ритуальные действия можно осуществлять последовательно, каждое в «своем» пространстве – сначала отпевание, а потом гражданская панихида (или наоборот, если затем следует погребение):

Если кто-то требует там гражданскую панихиду, я говорю: «Ребята, пожалуйста – привезем в храм, отпоем, запечатывать я не буду, всё дам, всё объясню, как делать, и Вы там потом хоть до утра, хоть три дня подряд там не уходите, говорите, сколько хочется, а потом посыпьте по покрывалу, уже прощен, запечатайте, загребите и всё.

3) Удобство проведения ритуала для всех его участников (православных / не православных, крещеных / некрещеных и т.д.)

Гражданская панихида не приносит пользы душе умершего. А вот если она дополняется отпеванием, тогда процедура оказывается полезной всем участникам ритуала: и близким покойного, и ему самому, и священнику. Основное внимание, конечно, уделяется объекту отпевания. Проведение траурного митинга не приносит ни пользы, ни вреда покойному. Он имеет значение для присутствующих, поскольку в гражданской панихиде принимают участие все желающие, а не только православные.

4) Место проведения ритуала

Священники уверены, что невозможно объединять гражданскую и религиозную церемонии в одном месте. Поведение во время ритуала в церкви должно соответствовать определенным правилам. В храме не принято говорить, как это требуется на гражданской панихиде, необходимо молиться и т. д.:

Кроме молитвы по уставу не положено говорить ни шепотом, ни как. В храме должна быть молитва. А лишние слова – иди за забор, там говори, сколько хочешь.

5) Функции гражданской и религиозной формы прощания

Гражданская церемония, с точки зрения духовенства, лишняя, поскольку церковное отпевание предусматривает и гражданское прощание. В церкви дают возможность высказаться, если будет желание:

Совершается отпевание, и люди подходят и прощаются. Вот как раз этот маленький промежуток времени во время отпевания, когда прощаются, как раз напоминает гражданскую панихиду.

Как сказал один из участников исследования, *«сейчас смешались многие традиции, сейчас смесь разных традиций»*. Действительно, совмещение гражданских и церковных процедур – обычная городская практика. Современная молодежь нередко устраивает виртуальное прощание – обращается к умершему, его родственникам и близким в социальной сети. Становясь участниками виртуальной церемонии, пользователи не произносят речи на реальной гражданской панихиде, поскольку уже высказались в сетевом пространстве. Гражданская панихида может быть проведена, таким образом, и без каких-либо выступлений.

В данной статье мы не касались социально-демографических характеристик священников. Биографические и личностные особенности, жизненный проект и путь к рукоположению, безусловно, отражаются на службе, исполнении обязанностей, представлениях священника, а значит, и на возможностях приспособления, адаптации к структурным изменениям общества и социальным потребностям. Н. А. Митрохин предсказывает усиление «конфликта между молодым и лучше образованным духовенством и духовенством поколения 1990-х», поскольку архиереям выгодно привлекать «более энергичных и образованных людей». При этом исследователь подчеркивает принципиальную разницу между «новым» и «старым духовенством»: «Они <молодые священники – О.З.> чувствуют уверенность в “правильности” своей веры и могут опираться в своих действиях на знакомую с детства сеть поддержки. Этого было во многом лишено предыдущее поколение духовенства, которое буквально за два-три года проходило путь от начала своих “духовных исканий” до рукоположения» [Митрохин, ЭР].

На фоне разнообразия современных практик церковь занимает достаточно устойчивую и одновременно гибкую позицию. Пока церковь как организация не превратилась в сообщество успешных менеджеров, поколение «старых» священников идет навстречу потенциальным «клиентам», возможно, будущим прихожанам. Священники уверены, что в ситуации погребения у них (а значит, и у церкви) больше возможностей, чем у других институтов, организующих церемонии прощания. Сегодня церковь объединяет и виртуальное прощание, и траурный митинг, и церковное отпевание. Снимается противоречие в организации и проведении светско-религиозного ритуала. В то же время церковь не забывает и о своих интересах – привлечении к вере граждан. Гражданская панихида может стать для кого-то стимулом к воцерковлению, была бы потребность.

Список литературы

Барабанова Л. А., Разумова И. А. Современный погребальный ритуал с позиций его участников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 5 (134). С. 45–50.

Геродник Г. Дорогами новых традиций. М.: Издательство политической литературы, 1964.

Давыдова А. С. Кольский Север как территория для храмостроения: отношения и оценки // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2014. С. 165–179.

Давыдова А. С. Строительство православных храмов: легенды и представления жителей малых городов Мурманской области (на примере г. Кировск) // Сборник материалов международной научной конференции «Ситуация постфольклора: городские тексты и практики». Лаборатория теоретической фольклористики ШАГИ РАНХиГС. М.: ФОРУМ, 2015. С. 154–166.

Добрускин М. Е. О социальных функциях церкви (на материалах русской православной церкви) // Социологические исследования. № 4. 2002. С. 76–86.

Змеева О. В. Жертвы «дороги смерти»: история и следствия одного ДТП // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2/2014 (21). Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2014. С. 123–136.

Змеева О. В. «Был в сети вчера ...»: смерть журналиста в малом городе // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / Сост. А. Д. Соколова, А.Б. Юдкина; отв. ред. Д.В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 217–240.

Митрохин Н. А. Русская православная церковь в России в 2000-2008 годах: очерк некоторых структурных проблем // Неприкосновенный запас. 2009. No 1 (63). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/mi13.html>.

Носова Г. А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: ИЭА РАН, 1993. 254 с. (Российский этнограф. Альманах. № 6).

Разумова И. А. В условиях «духовного кризиса» и «информационной войны»: о ритуале прощания с моряками «Курска» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2/2014 (21). Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2014. Вып. 7 (27) / 2015 С. 47–58.

Разумова И. А. «Чем проще, тем лучше» (отношение современной молодежи к погребальному обряду) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2/2014 (21). Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2014. С. 107–122.

Соколова А. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–202.

Эдельштейн Г. Записки сельского священника. М.: РГГУ, 2005. 368 с.

Сведения об авторе

Змеева Ольга Васильевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Zmeyeva Olga Vasilyevna

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities
of the Kola Science Centre, RAS

УДК 726.54(470.21)

А. С. Давыдова

ЦЕРКВИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Аннотация

При привлечении широкого круга источников и литературы в статье описывается история появления отдельных церквей в Мурманской области в конце XX – начале XXI веков. Активное храмостроение в регионе началось после появления Мурманской и Мончегорской епархии в 1995 году. Очевидный факт увеличения количества храмов не обязательно свидетельствует о росте религиозности населения. Социально-антропологические исследования помогают прояснить эту проблему, которая включает как понимание религиозности, так и вопрос о ее показателях.

Ключевые слова:

православие, храмостроение, Мурманская область.

A. S. Davydova

CHURCHES ON THE KOLA PENINSULA IN THE LATE XX - EARLY XXI CENTURY

Abstract

On the basis many sources and literary publication the article is describing the history of a revival some churches during late XX – XXI centuries in Murmansk region. In the region the active building of churches had been begun after the appearance of Murmansk and Monchegorsk eparchy in 1995. The evident fact of increasing the number of temples is not necessarily proving the increase of a religiosity a population. Social-anthropological studies were helping to show up this problem, which includes both an understanding of a religiosity and the question of its markers.

Key words:

orthodoxy, church building, Murmansk Region.

Минувший век стал непростым периодом для различных религиозных течений. Масштабная деятельность государства по устранению религиозных убеждений в значительной мере была направлена на Русскую православную церковь. В каждом регионе страны осуществление государственной политики в отношении религии имело свои особенности.

Православная культура Кольского Севера всегда обладала закономерной исторической спецификой. Христианство утвердилось на Кольском Севере в XV веке, когда Терский берег был уже заселен русскими, и Москва осуществляла мероприятия, направленные на присоединение территории к русскому государству. Тогда же начался процесс храмостроения, стали появляться первые монастыри, приходы. До XV века саамы были единственным народом, постоянно проживавшем на Кольском Севере. В первой половине XVI века московские власти начинают курс на приобщение коренного населения к православной вере, что должно было закрепить территорию их проживания за Русским государством [Федоров, 2009: 63]. В 1526 году Великий князь московский Василий III поручил Новгородскому архиепископу Макарию отправить на Крайний Север священнослужителей для совершения обряда православного крещения саамов. Процесс православной пропаганды начался

с деятельности миссионеров. Наиболее известные из них Трифон Печенгский, Феогност и Феодорит Кольский. Для проповедников православия открывалось широкое поле деятельности в пределах Кольского полуострова, так как саамы, жившие в Финнмарке, в свое время уже подвергались влиянию католичества [Федоров, 2004: 148].

К концу XIX – началу XX столетий отличительные религиозные черты Кольского Севера стали, по мнению Г. Ф. Гебеля, наиболее заметны [Гебель, 1905: 99]. Достаточно интенсивное церковное строительство в Кольском крае велось в конце XIX – начале XX веков в основном за счет прихожан и крупных рыбопромышленников. Назвать масштабной проповедническую деятельность православной церкви было бы неправильно [Бардилева, 2008: 187]. Такое положение было связано с удаленностью от метрополии, образом жизни населения полуострова, суровыми климатическими условиями, бездорожьем. Такой вывод можно сделать на основании работ Ю. П. Бардиловой, в которых на обширном архивном материале выстраивается история государственно-церковных отношений и религиозной жизни Кольского полуострова в начале XX века. Ю. П. Бардилова указывает на факты, свидетельствующие о строительстве храмов «”тщанием прихожан” либо “на средства рыбопромышленников”, крестьян, колонистов, а то и отдельных жертвователей (что особенно характерно для конца XIX – начала XX вв.)» [Бардилева, 2015: 32]. Ситуация подтверждается исследованиями О. В. Грашевой [Грашевская, 2005], которые посвящены политике Советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940–1980-х годах. Согласно материалам О. В. Грашевой религиозные настроения в регионе способствовали открытию в Мурманской области в послевоенный период сразу четырех православных храмов. Строительство двух новых церквей и восстановление старых шло под руководством священнослужителей В. Жохова, В. Обнорского, И. Кутузова, С. Кузнецова и других [Грашевская, 2005: 178].

Открытые в послевоенные годы четыре церкви действовали вплоть до начала 1960-х годов. В итоге хрущевской антирелигиозной кампании было закрыто две церкви: в Коле [ГАМО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 873. Л. 13] и Ковде [ГАМО. Ф. 405. Оп. 1. Д. 1674. Л. 147]. По официальной версии это произошло по многочисленным просьбам трудящихся.

Публикации областной газеты «Полярная правда» имели жесткий антирелигиозный характер и сообщали о том, что в Мурманске церковь пустует и не пользуется популярностью среди мурманчан [Это предложили сами жители, 1960: 24]. Однако, по мнению церковного историка В. Вольского, в реальности жители Мурманска проявили активность и не дали закрыть храм [Вольский, 2001: 4–5]. В течение года община и прихожане боролись за церковь, и в результате она осталась функционирующей. Похожая ситуация сложилась и в Кировске: при попытке закрыть церковь органы управления столкнулись с мощным сопротивлением со стороны населения. Подобные случаи были весьма редкими для тех лет. Таким образом, в начале 1960-х годов в области сохранились две действующие церкви – Свято-Никольская в Мурманске и Казанская в Кировске.

В середине 1980-х годов в Мурманске было решено возобновить строительство Свято-Никольского кафедрального собора. Вокруг существовавшего с 1946 года Свято-Никольского храма были построены новые стены.

В 1982 году община написала письмо в горисполком с просьбой разрешить строительство нового каменного храма, поскольку старое здание было переоборудовано из дощато-засыпного домика еще довоенной постройки и к 1980-м годам стало довольно ветхим. В 1983 году настоятель Георгий Козак и церковный совет заказали разработку проектно-сметной документации Свято-Никольского храма инженеру-строителю Леониду Леонидовичу Егорову [Вольский, 2001: 1]. В 1984 году документы были готовы и переданы в управление главного архитектора города Мурманска на согласование и утверждение. После этого церковь начала подготовительные работы по строительству храма. Всем причастным к строительству пришлось столкнуться с рядом трудностей. Проектировщика Л. Л. Егорова сняли с работы и привлекли к уголовной ответственности, местные власти угрожали закрыть храм, если подготовительные работы не будут прекращены. Тогда три тысячи мурманчан в апреле 1985 года обратились с письмом к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву в Верховный Совет СССР, а также в совет по делам религий при Совете Министров СССР. Разрешение на постройку новой церкви в Мурманске было получено [ГАМО. Ф. 405. Оп. 8. Д. 2128. Л. 178]. Можно предположить, что на быстрое положительное решение повлияли политические изменения в стране.

Руководил строительством настоятель Георгий, которому неоднократно помогал секретарь горисполкома Е. Ф. Климентюк [Петров, 2006: 5]. 19 октября 1986 года Свято-Никольский храм из белого камня был открыт [ГАМО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 3380. Л. 5]. В комплекс входят Свято-Никольский собор и храм преподобного Трифона Печенгского. Собор был освящен 19 октября 1986 года. Впоследствии Свято-Никольский храм стал резиденцией митрополита и первым кафедральным собором в области.

В июле 1988 года в Кировске торжественно праздновалось 1000-летие крещения Руси [Гдешинская, 1988: 3]. К концу 1988 года в области насчитывалось уже четыре православных храма. Помимо Мурманска и Кировска церкви появились в Кандалакше [ГАМО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 9. Л. 58] и Мончегорске [ГАМО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 37. Л. 7].

Постоянно действующей на протяжении длительного времени в области была только одна церковь – Свято-Казанская в городе Кировске, 1946 года постройки. Просуществовала она до 1985 года. Когда здание окончательно обветшало, его сожгли. Ранее, в 1984 году, горисполком Кировска выделил место для церкви в поселке Юкспорр (на 23-м км) [ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 2169. Л. 25]. На месте старого храма предполагалось строительство жилого дома. 20 июля 1985 года храм Казанской иконы Божией Матери был освящен Епископом Архангельским и Мурманским Исидором [Сахарова, 2011: 210]. 20 апреля 2005 года решением Священного Синода церковь в честь иконы Казанской Божией Матери была преобразована в Хибиногорский женский монастырь [Журналы заседания священного Синода Русской православной церкви от 20 апреля 2005, ЭР].

Новая церковь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа в Кировске появилась в 2004 году. Земельный участок для строительства церкви на улице Солнечной был отведен в сентябре 2001 года [ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-432. Оп. 1. Д. 322. Л. 27]. Освящение места под строительство церкви состоялось в 2003 году [Шишкина, 2003: 2]. Генподрядчиком строительных

работ был ОАО «Апатитстрой». Возводилась церковь при активной поддержке руководства компании ФосАгро и акционерного общества «Апатит», деятельное участие принимали также предприниматели города, работники ЖКУ и др. [Кириллова, 2004: 4]. Открытие храма Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа в городе Кировске состоялось в ноябре 2004 года [Кабыш, 2004: 3].

В 1988 году по многочисленным просьбам жителей поселка Монча (в настоящее время это Южный микрорайон города Мончегорск) небольшое деревянное здание на Красноармейской улице было приспособлено под церковь. Мончегорцы обустроивали ее своими силами: красили ограду, работали над отделкой фасада, нашли мастеров по кровле, собирали деньги на дополнительные работы, в частности, на создание купола, приносили из дома иконы [Белунина, 1999: 49]. 10 сентября 1989 года церковь прп. Трифона Печенгского была освящена и стала действующей.

К середине 1990-х годов в Мурманской области было зарегистрировано 34 православных прихода [Православная жизнь Русского Севера, 1997: 4]. Особенно знаменательным в истории церкви на Кольском полуострове стал 1995 год: в декабре решением Священного Синода была создана самостоятельная Мурманская и Мончегорская епархия путем выделения приходов из состава Архангельской епархии. Руководить епархией был назначен Преосвященный Симон [Определения Священного Синода, 1996: 14]. В тот момент на Кольском полуострове действовала 21 церковь, клир епархии насчитывал 33 священнослужителя [Мурман православный, 2004: 38].

В 1997 году Государственная Дума приняла закон «О свободе совести и религиозных объединениях» [Федеральный закон от 26.09.1997 № 125 «О свободе совести и о религиозных объединениях», ЭР]. По всей стране начался процесс возрождения православной Церкви, возвращения церковного имущества, восстановления разрушенных и строительства новых храмов, монастырей и церковных подворий. В Мурманской области данный процесс также значительно активизировался.

В 1996 году появляется первая церковь в г. Полярные Зори, самом молодом городе области. Появление первого полярнозоринского храма связано с историей православной общины, которая была зарегистрирована в отделе юстиции Мурманской области и получила официальный статус 2 августа 1994 года [Православная община, 1996: 2]. Местная православная община была организована в марте 1994 года под председательством настоятеля Иоанно-Предтеченской церкви города Кандалакши иерея Иоанна Баюра. Указом епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона священнослужителем был назначен иерей Георгий Мигалко, приехавший из города Котласа [Отец Георгий – местный батюшка, 1994: 3]. До этого времени население города посещало молитвенные дома в соседних городах, чаще всего в близлежащей Кандалакше.

В июле 1995 года семья полярнозоринцев Барминых предложила общине принять в дар недостроенный коттедж для переустройства его под церковь [Иванова, 1996: 4]. В феврале 1996 года община принялась за переоборудование коттеджа, и в том же году храм начал действовать.

Место первого храма считалось неудобным, поскольку находилось вне черты города, и путь к нему перегораживали железнодорожные составы [Храм, 1998: 3]. В 1998 году начались переговоры общины с руководством КАЭС

(Кольской атомной электростанции), а также с руководством города о строительстве новой церкви [Назрела необходимость строительства Храма Божьего, 2000: 4]. Специалисты ОКС КАЭС предложили в качестве основы проекта вариант деревянной церкви, построенной в городе Сокол Вологодской области, который был усовершенствован (добавлена колокольня и цокольный этаж). Окончательный вариант проекта принадлежит специалистам института «Апатитыгражданпроект». Заливку железобетонного основания нового храма и строительство первого кирпичного этажа церкви было возложено на строителей ООО «Севертрансстрой» из города Кандалакша [История нашего Свято-Троицкого храма, ЭР]. Строительство церкви Троицы Живоначальной было начато 3 июня 2001 года. После Божественной Литургии был отслужен водосвятный молебен и освящен крест, вкопанный на месте будущего строительства [Кусочек неба на земле, 2001: 2]. Весной 2002 года завершился первый этап строительства: был возведен цокольный этаж здания храма. Новая церковь строилась при помощи градообразующего предприятия КАЭС и других организаций города [Белоцерковская, 2002: 2]. Верхняя, деревянная церковь – в честь Пресвятой Троицы – была освящена 17 декабря 2002 года и сразу же начала свою работу [В основу положены труды и молитвы, 2002: 17]. В 2003 году была достроена нижняя, каменная часть – в честь иконы Божией Матери Всецарицы.

С появлением Мурманской и Мончегорской епархии в разных городах Мурманской области стали появляться церкви. Они были, как правило, реконструированы из других зданий. Так, православный приход в городе Заполярном был создан в 1995 году. Разместилась община в здании бывшего детского сада. Новую церковь начали строить только спустя 25 лет. 6 июля 2014 года был заложен и освящен камень будущей Троицкой церкви [В Заполярном появится новый храм, ЭР]. Церковь продолжает строиться в настоящее время.

В середине 1990-х годов у православных общин Мурманской области было много трудностей, связанных не только с реконструкцией разных помещений под нужды церкви. Также ощущалась нехватка священнослужителей. К примеру, в Оленегорске свой настоятель в церкви прп. Димитрия Прилуцкого появился не сразу, несмотря на то что в городе уже было переоборудованное из жилого дома здание храма [История прихода, ЭР].

В городе Апатиты православная община была зарегистрирована в 1991 г. [Возрождение начнется с храма, 1998: 12]. Священнослужитель появился в Апатитах в 1993 году [Отец Василий (апатитский) начал отправлять обряды, 1995: 1]. Первая церковь Успения Пресвятой Богородицы, расположенная на месте частично сгоревшего магазина по улице Лесной, появилась 31 марта 1996 года [ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 59. Л. 124].

Второй церковью в городе стал храм Святых Новых Мучеников и Исповедников Российских. О необходимости его строительства в Апатитах речь шла неоднократно в конце 1990-х годов [Возрождение начнется с храма, 1998: 12]. Освящение закладного камня на месте будущей церкви состоялось в 2001 г. Впоследствии место строительства было перенесено из-за невозможности построить какое-либо сооружение на данном участке. Освящение нового закладного камня (установленного неподалеку от предыдущего) на месте церкви Святых Новых Мучеников и Исповедников Российских состоялось в 2005 году

[Кабыш, 2005: 3]. 21 декабря 2007 года состоялось освящение самой церкви [Кабыш, 2007: 3]. Значительный вклад в строительство внесли градообразующее предприятие Кировска, различные городские структуры и пр.

В 2010 году было решено построить еще одну церковь в Апатитах [Бизнес помогает церкви, 2010: 4]. В июне 2012 года освящено основание будущей церкви в честь иконы Иверской Божией Матери на улице Кирова [Котляренко, 2012: 1–2.]. Храм продолжает строиться в настоящее время.

Второй в области кафедральный собор – Свято-Вознесенский – находится в Мончегорске. Он располагается недалеко от храма, построенного в 1988 году. В настоящий момент церковь прп. Трифона Печенгского приписана к Свято-Вознесенскому собору. Инициатором строительства собора был В. М. Худяков, директор комбината «Североникель» [Тимофеева, 2001: 5–6]. Его идею поддержали общественность и председатель горисполкома В. П. Южаков. Проект храма выполнил главный архитектор Мончегорского филиала комбината «Североникель» М.Т. Горелик. Строительство началось весной 1992 года и продолжалось почти пять лет [Тимофеева, 2006: 14].

Серьезные изменения с системой церковного управления в Мурманской области произошли в 2013 году. Мурманская и Мончегорская епархия превратилась в митрополию, на территории которой действуют сразу две епархии [Журналы заседания Священного Синода от 2 октября 2013, ЭР]. Новой епархии Североморской и Умбской, с центром в Североморске, подчиняется священство Печенгского, Терского районов и ряда ЗАТО (закрытых административно-территориальных образований) – Александровска, Видяево, Островного, Заозерска и Североморска. Епископом был выбран игумен Митрофан (Баданин), клирик Мурманской епархии [Слово архимандрита Митрофана (Баданина), ЭР].

Мурманская область, по мнению историков [Бардилева, Грашеская, 2014: 244], в настоящее время имеет статус региона, жители которого отличаются низкой степенью религиозности. Данное утверждение позволяет сделать вывод о том, что очевидный факт увеличения количества храмов не обязательно свидетельствует о росте религиозности населения. Социально-антропологические исследования [Давыдова, 2014, 2015 и др.] способны прояснить эту проблему, которая включает как понимание религиозности, так и вопрос о ее показателях.

Отношение к установке культовых сооружений на территории Кольского Севера (как, очевидно, и в других местах) зависит не только от религиозной идентификации информантов, но также от мест расположения этих объектов, их внешнего облика и некоторых других свойств. Церковь в городе осознается как часть городской культуры, особенно той частью населения, которая не связана с религиозной общиной, то есть большинством. В то же время постройка храма и других культовых сооружений в удалении от города вызывает отрицательное отношение. Городские жители, вне зависимости от приверженности к вере, имеют представление о том, как должен выглядеть храм, где располагаться, какими качествами должны обладать церковные люди. Увеличение количества храмовых сооружений может оцениваться негативно, если оно воспринимается как религиозная пропаганда. Церковная экспансия, как и распространение любой другой конфессии, отпугивает невоцерковленных горожан. Члены православных общин и прихрамовые люди сходятся во мнении о том, что

благополучия и порядка можно достичь «в наше нестабильное время» посредством популяризации православия. И свою задачу православные верующие видят, прежде всего, в строительстве церквей. Большое количество церквей, появившихся после создания Мурманской и Мончегорской епархии в 1995 году, многими верующими рассматривается как возрождение не только православных традиций, но и самих городов. Многие жители Мурманской области и сейчас воспринимают строительство церквей как знак того, что у их городов «есть будущее», несмотря на социально-экономическую ситуацию в регионе. Ритуальное начало строительства будущей церкви Святой Великомученицы Варвары, покровительницы горняков, на промышленной площадке АО «Апатит» 19 августа 2016 года было расценено собравшимися как «символ светлого будущего». Присутствие на освящении закладного камня Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла усилило значимость события [Патриарх Кирилл – в Кировске, 2016: ЭР].

Независимо от количества верующих в том или ином городе процесс храмостроения является частью городской жизни. Он способствует более или менее оптимистическому взгляду на перспективы развития городской среды, особенно в условиях, когда альтернативные формы культурного строительства ослаблены или отсутствуют.

Архивные материалы

Государственный архив Мурманской области

ГАМО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 873. Л. 13. Кольский райисполком.

ГАМО. Ф. 405. Оп. 1. Д. 1674. Л. 147. Исполком Мурманского областного Совета депутатов трудящихся.

ГАМО. Ф. 405. Оп. 8. Д. 2128. Л. 178. Исполком Мурманского областного Совета депутатов трудящихся.

ГАМО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 3380. Л. 5. Мурманский горисполком.

ГАМО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 9. Л. 58. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной (с 1965 г. по делам религий) церкви при Совете Министров СССР.

ГАМО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 37. Л. 7. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной (с 1965 г. по делам религий) церкви при Совете Министров СССР.

Государственный архив Мурманской области в г. Кировске

ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 2169. Л. 25. Кировский городской Совет народных депутатов.

ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-432. Оп. 1. Д. 322. Л. 27. Кировский городской Совет народных депутатов.

ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 59. Л. 124. Администрация города Кировска.

Опубликованные источники

Журналы заседания Священного Синода Русской православной церкви от 20 апреля 2005 года (п. 12 журнала 29). URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=122>.

Журналы заседания Священного Синода от 2 октября 2013. Журнал № 111. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3275888.html>.

Слово архимандрита Митрофана (Баданина) при наречении во епископа Североморского и Умбского // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3338821.html>.

Определения Священного Синода (1995.12.27: епископом Мурманским и Мончегорским назначить епископа Тихвинского Симона, викария Санкт-Петербургской епархии) // Журнал Московской Патриархии. М., 1996. № 1. С. 14.

Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (26 сентября 1997 г.) // Российская газета. 1 октября 1997. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102077397&backlink=1&nid=102049359&rdk=3>.

Периодическая печать и интернет-ресурсы

Белоцерковская Ю. Святой дух храма // Энергия плюс. 20 декабря 2002. С. 2.

Бизнес помогает церкви (в Апатитах появится новый храм) // Кировский рабочий. 2010. 2 декабря. С. 4.

В Заполярном появится новый храм // Сайт Информационного агентства СеверПост.ru. URL: <http://severpost.ru/read/8738//>.

Возрождение начнется с храма: (беседа с настоятелем Святоуспенской церкви в г. Апатиты Василием) // Кировский рабочий. 1998. 28 августа. С. 12.

Вольский В. Протоиерей Сергей кузнецов // Православная газета. 2001. Октябрь. № 10. С. 4–5.

Вольский В. (Иерей) «Так освятили храм господу...» // Православная газета. 2001. Октябрь. № 10. С. 1.

В основу положены труды и молитвы // Городское время. 2002. 19 декабря. С. 17.

Гдешинская В. Общий праздник – общие задачи (о праздновании 1000-летия крещения Руси в Кировской церкви) // Кировский рабочий. 1988. 28 июля. С. 3.

Кабыш З. Воздвигли всем миром: об освящении храма Новомученников и Исповедников Российских в Апатитах // Мурманский вестник. 2007. 22 декабря. С. 3.

Кабыш З. Начало больших трудов: 10 июля в Апатитах состоялось освящение закладного камня в основании будущего храма Новомученников и исповедников Российских // Кировский рабочий. 2005. 14 июля. С. 3.

Кабыш З. У церкви появился ангел // Кировский рабочий. 2004. 18 ноября. С. 3.

Кириллова Е. Храм построили всем миром // Хибинский вестник. 2004. 16 ноября. С. 4.

Котляренко Н. Ясли спасения: в Апатитах освятили основание новой церкви в районе Старые Апатиты // Хибинский вестник. 2012. 12 июля. С. 1–2.

Кусочек неба на земле // Городское время. 2001. 7 июля. С. 2.

Иванова Н. Отец Олег – местный батюшка // Энергия. 1996. 20 сентября. С. 4.

История нашего Свято-Троицкого храма // Социальная сеть «ВКонтакте». Православие. Свято-Троицкий храм, Полярные Зори. URL: http://vk.com/topic-78721653_30898494.

История прихода. // Официальный сайт прп. Дмитрия Прилуцкого в г. Оленегорске. URL: <http://olenegorsk.prihod.ru/istoriya-prihoda/>.

Отец Василий (апатитский) начал отправлять обряды // Дважды два. 1995. 9 июня. С. 1.

Отец Георгий – местный батюшка // Энергия. 1994. 8 апреля. С. 3.

Назрела необходимость строительства Храма Божьего // Городское время. 2000. 8 июня. С. 3.

Петров В. Как строили церковь на Зеленой // Полярная правда. 2006. № 155. С. 5.

Патриарх Кирилл – в Кировске // Дважды два. 2016. 18 августа. URL: <http://gazeta2x2.ru/?p=71238>.

Православная община // Энергия. 1994. 12 апреля. С. 2.

Православная жизнь Русского Севера // Вестник Мурманской епархии. Мурманск. 1997. № 2. С. 4.

Тимофеева О. Первый Мончегорский храм – подвиг подвижников // Мончегорский рабочий. 2006. 29 июля. С. 14.

Храм // Городское время. 1998. 19 февраля. С. 3.

Шишкина Т. Новый храм – всем миром // Хибинский вестник. 2003. 25 июня. С. 2.

Это предложили сами жители // Полярная правда. 1960. 24 августа. С. 24.

Список литературы

Бардилова Ю. П. Религиозная жизнь Кольского Севера на рубеже XX–XXI вв. // Живущие на Севере: опыт и прогнозы: сб. статей / науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2008. С. 180–188.

Бардилова Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: МГГУ, 2015. 253 с.

Бардилова Ю. П., Грашевская О. В. Религиозная ситуация на Кольском Севере: вызовы и ответы в истории и современности // Современные вызовы и угрозы развитию Мурманской области: региональный атлас / отв. ред. Г.В. Жигунова, А.М. Сергеев. Мурманск: Изд-во МГГУ, 2014. С. 237–246.

Белунина Р. В. О строительстве Свято-вознесенского Кафедрального Собора в г. Мончегорске // Наука и бизнес на Мурмане (Храмы Кольского Севера). 1999. № 14. С. 48–56.

Гебель Г. Ф. Наша северо-западная окраина – Лапландия // Русское судоходство. 1905. № 1. С. 99–119.

Грашевская О. В. Политика Советского государства в отношении Русской Православной церкви в 1940–1980-х гг.: центр и местные власти (на материалах Мурманской области): дисс. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2005. 198 с.

Давыдова А. С. Представления жителей городов Кольского Севера о «жизни» православных храмов // Вестник МГГУ. 2014. № 4. Т. 17. С. 669–674.

Давыдова А. С. Храм «под звездами» или «на перекрестке»? Церковь как часть культурного пространства в городе «атомщиков» // Труды Кольского

научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: КНЦ РАН, 2014. Вып. 6. С. 158–170.

Мурман православный. Мурманск: Изд-во Мурманской и Мончегорской епархии, 2004. 238 с.

Сахарова А. Н. Храм // Записки музейщиков (экскурс в XX век). Кировск: Управление культуры города Кировска, 2011. 148 с.

Тимофеева О. Обретение храма: Очерки о Свято-Вознесенском кафедральном соборе в г. Мончегорске. Мончегорск: Полиграфист, 2001. 54 с.

Федоров П. В. Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). Мурманск: МГПУ, 2004. 241 с.

Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. 388 с.

Сведения об авторе

Давыдова Алена Сергеевна,

младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Davydova Alyona Sergeevna,

Junior Research Fellow of Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

О. В. Змеева

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ
АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ»**

O. V. Zmeyeva

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE «CURRENT ISSUES
OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN ARCTIC CITIES»**

27–28 июня 2016 года на атомном ледоколе «Ленин» в г. Мурманске состоялась международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы устойчивого развития российских арктических городов». Проведение конференции оказалось возможным при поддержке Университета Дж. Вашингтона США, Мурманского областного отделения Русского географического общества, Мурманского арктического государственного университета и Информационного центра по атомной энергии.

В период, когда интерес мирового истеблишмента нацелен на развитие ресурсодобывающих отраслей и промышленного судоходства в Арктике, исследователям в очередной раз представилась возможность обратить внимание социально-политической элиты на потенциальные проблемы, связанные с дальнейшим освоением арктических территорий. Они должны быть сфокусированы не только на оценке потенциальных экологических и климатических изменений, но и на изучении вопросов, связанных с мобильностью населения, обеспечением условий сохранения традиционных систем ведения хозяйства, изменением «ландшафта» арктических поселений и пр.

Выбор темы конференции, прежде всего, связан с программой развития Арктики и повышенным вниманием разных специалистов к изучению Арктической зоны России. Кроме того, плотная работа исследовательской группы, объединяющей специалистов-представителей разных стран, предполагала подготовку рекомендаций мировым политикам в соответствующих областях. Арктические ориентиры исследователей научно-практической конференции подкреплялись юбилейными событиями – 100-летие г. Мурманска и 50-летие г. Апатиты, – которые подтверждают, что накопленный в России многолетний опыт промышленного освоения заполярных территорий может быть полезен другим странам, которые сегодня включаются в процесс освоения Арктики.

В работе конференции принимали участие специалисты следующих научно-исследовательских и образовательных учреждений: Университета Дж. Вашингтона (Вашингтон, США), Центра изучения окружающей среды и дистанционного зондирования им. Ф. Нансена (Берген, Норвегия), Нансеновского центра геодезии, картографии и окружающей среды (Ставангер, Норвегия), Центра гуманитарных проблем Баренц региона и Института

экономических проблем Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия), Мурманского областного краеведческого музея (Мурманск, Россия), Университета Рауна (Франция), Университета Виргинии (Шарлотсвилл, США), Национального института восточных языков и культур (Париж, Франция), Института региональной географии Лейбница (Лейпциг, Германия), Московского государственного университета (Москва, Россия), Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия), Центра российских, кавказских и центрально-европейских исследований (Париж, Франция) и др. (рис.).

Участники конференции на фоне ледокола «Ленин»

С приветственным словом к участникам конференции обратился ректор Мурманского арктического государственного университета А. М. Сергеев, который подчеркнул заинтересованность представителей исполнительной власти и бизнеса в исследовательском потенциале. «Данная конференция, – отметил А. М. Сергеев, – должна быть продуктивной, ведь мы рассмотрим опыт, накопленный в США, Канаде, России, Финляндии и Скандинавских странах».

Было проведено несколько научных сессий, посвященных различным вопросам развития российских городов в Заполярье. Обсуждения на одном из заседаний были посвящены проблемам влияния потепления и изменения климата на городскую инфраструктуру. В частности, рассматривались вопросы климатических и антропогенных изменений в отдельных российских регионах, а также возможность отслеживать такие процессы при помощи спутниковых технологий (доклады Н. Шикломанова, К. Нюланд, И. Эзау, Р. Энгстрем).

Истории формирования «городского ландшафта», процессам колонизации и урбанизации северных регионов были посвящены доклады О. Шабалиной, Е. Ореховой, Ю. Вагё. Развитие городского дизайна, планирование городской инфраструктуры, а также отдельные аспекты регионального брендинга проанализированы в докладах М. Юлла, Ж. Каспарьян, Ж. Радвани, Н. Замятиной.

Обеспечению стабильного и безопасного социально-экономического развития городов Арктической зоны, специфике функционирования моногородов, перспективам промышленных поселений и социальной ответственности властных структур и бизнеса была посвящена сессия, на которой выступили с докладами А. Порцель, Л. Иванова, Е. Ключникова, Л. Рябова.

Особый фокус арктических исследований продемонстрировали специалисты атомного ледокола «Ленин», ООО «Системы промышленной безопасности», Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н. М. Книповича. Участникам конференции были представлены специфические материалы по исследованию Баренцева моря, проблемам арктического судоходства, обеспечению безопасного и устойчивого функционирования транспортных путей за Полярным кругом, в том числе и морских (доклад В. Блинова), по стабильному международному сотрудничеству исследователей в системе промышленной безопасности, в частности, российско-норвежский опыт (доклады И. Третьякова, О. Сарковой).

В качестве ключевых проблем населения арктических городов России докладчиками обсуждались демографические, миграционные и этнокультурные. Доклады были сфокусированы на отдельных вопросах этнического брендинга и проблемах коренного населения Мурманской области (О. Бодрова), исследовании миграционных траекторий и адаптации азербайджанцев в г. Мурманске (С. Оман, А. Бурцева), изучении динамики миграционной и этнической ситуации в Мурманской области (О. Змеева), изменениях в социально-демографической и этнокультурной структуре г. Норильска (М. Ларюэль). Выступления докладчиков на сессии, посвященной вопросам взаимодействия коренного и пришлого населения, организации новой мобильности и изменению процессов формирования городского населения, вызвали дискуссию. В частности, участников конференции интересовали способы взаимодействия властей, средств массовой информации и новых мигрантов в Мурманской области (так называемых «украинских» и «сирийский беженцев»), особенности адаптации азербайджанцев в Мурманске и других городах области, сравнение процессов адаптации мигрантов в разных северных городах (в Мурманске, Норильске и др.), а также возможности использования этнических брендов в развитии туристического бизнеса Заполярья.

Проведение подобных мероприятий дает возможность рассмотреть один и тот же объект в комплексе. Конференция объединила специалистов различных отраслей одной проблемой – устойчивым развитием российских арктических городов, показала актуальность накопленного советским государством опыта освоения заполярных территорий, необходимость создания городов, полноценной инфраструктуры и формирования постоянного населения в Арктической зоне.

Сведения об авторе

Змеева Ольга Васильевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Zmeyeva Olga Vasilievna,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities
of the Kola Science Centre RAS

О. В. Шабалина

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К ЮБИЛЕЮ СТОЛИЦЫ КОЛЬСКОГО КРАЯ

O.V. Shabalina

THE HISTORIC CONFERENCE TO THE ANNIVERSARY OF THE CAPITAL OF THE KOLA NORTH

22–23 сентября 2016 года Комитет по культуре и искусству Мурманской области и Мурманский областной краеведческий музей провели в г. Мурманске Международную научно-практическую конференцию «Мурманск в истории российской государственности», посвященную 100-летию города.

К участию в конференции были приглашены общественные деятели и чиновники из России и сопредельных северных государств, историки, представлявшие академические, научно-исследовательские, университетские, архивные, музейные, библиотечные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Мурманска, Апатитов, Архангельска, Петрозаводска, Вардё (Норвегия), руководители и сотрудники значимых для регионов отраслей. Для обсуждения широкой общественности были предложены следующие темы: особенности экономического, социально-политического и культурного развития города Мурманска; Мурманский транспортный узел: история и современность; инфраструктура Мурманска – ключевое звено в обеспечении геополитических интересов России на севере Европы и в Арктике; международные отношения на Европейском Севере; роль личности в истории города: биографический аспект; освоение Арктики и Северного морского пути; военный форпост России на Севере.

После торжественного открытия конференции в первый день ее работы вниманию более 80 участников пленарного заседания были представлены 17 докладов, осветивших в исторической ретроспективе освоение российского Севера и Арктики в экономическом, этническом, военно-политических аспектах и роль в этом процессе Мурманска. Вызвали несомненный интерес у аудитории доклады известного историка региона д.и.н. П. В. Федорова, ныне – главного научного сотрудника Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, а также генерального директора ФГУП «Атомфлот» В. В. Рукши. Последний представил атомный ледокольный флот как ключевое звено в развитии судоходства по Северному морскому пути. Профессором САФУ д.и.н. А. В. Репневским была освещена хронология и характеристика событий по разграничению морских границ России и Норвегии в конце XIX – начале XX веков. А его коллега к.и.н. О. В. Зарецкая обратилась в своем выступлении к выявленным представлениям о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии накануне Мировой войны. Тема военного противостояния и сотрудничества в регионе в различных аспектах рассмотрена в докладах начальника 44-го отдела НИИВИ Военной академии Генштаба ВС РФ Э. Л. Коршунова, который подтвердил значимость Мурманска как военного форпоста России на Севере; капитана 1 ранга, д.и.н., зам.нач. НИИВИ Военной академии Генштаба ВС РФ Д. Ю. Козлова, давшего представление об организации обороны внешних коммуникаций на Северном морском театре в годы I Мировой войны; к.и.н., руководителя Центра Истории Северной Европы и Балтии ИВИ РАН А. А. Комарова, изучившего советско-норвежские связи в 1944 г.; д.и.н., научного сотрудника 44-го отдела НИИВИ

Военной академии Генштаба ВС РФ А. А. Михайлова, познакомившего слушателей с высказываниями известного публициста, морского офицера А. Е. Конкевича, получившего высочайшей милостью прибавку «Мурманский» к фамилии за заслуги в проектировании и постройке Мурманской железной дороги, о военном форпосте России на Севере.

Доклады сотрудников КНЦ РАН в лице его руководителя д.г.-м.н., профессора Ю. Л. Войтеховского и к.и.н., старшего научного сотрудника ЦГП КНЦ РАН О. В. Змеевой, а также д.и.н., профессора САФУ Т. И. Трошиной имели антропологический ракурс и осветили экономические и этномиграционные аспекты строительства Мурманских железной дороги и порта.

Архивные и музейные источники изучения истории освоения Арктики и Северного морского пути были представлены в завершении пленарного заседания первого дня работы конференции в докладах к.и.н., научного сотрудника Центра истории Северной Европы и Балтии ИВИ РАН А. С. Касиан и к.и.н., ведущего научного сотрудника ЦГП КНЦ РАН О. В. Шабалиной.

Гости и участники конференции посетили выставки и экспозиции Мурманского областного краеведческого музея, посвященные юбилейной дате, с которыми их познакомила к.и.н., зам.заведующего отдела истории края этого музея Е. А. Орехова.

Второй день работы конференции начался с обзорной автобусной экскурсии по улицам города-юбиляра. Пленарное заседание открыли доклады, в которых были представлены биографические материалы и собственно биографии известных людей, чьи судьбы теснейшим образом связаны с Арктикой: к.и.н., ведущий научный сотрудник ФИЦ КИА РАН Р. А. Давыдов познакомил аудиторию с новыми документами, отражающими историю строительства первого советского научно-исследовательского судна «Персей» и яркие факты из жизни судостроителя В. Ф. Гостева, а также полярного капитана П. И. Буркова; старший научный сотрудник ГАУ ДПО РК «Карельский институт развития образования» В. Г. Кондратьев обратился к ранним годам жизни еще одного полярного капитана – В. И. Воронина; главный архивист Государственного архива Мурманской области Е. А. Волосникова рассказала о том, как жизненные стратегии отдельного горожанина – почетного гражданина г. Мурманска А. С. Храповицкого – повлияли на формирование городского уклада и традиций заполярного города.

Мемориальные аспекты изучения истории столицы Кольского полуострова в социально-антропологическом ракурсе рассмотрены в докладе д.и.н., главного научного сотрудника ЦГП КНЦ РАН И. А. Разумовой, посвященном анализу комплекса опубликованных источников о деятельности по увековечиванию памяти погибшего экипажа атомного подводного крейсера «Курск»; в географическом ракурсе – в докладе к.г.н., зам. директора ММБИ, председателя Мурманского областного отделения РГО Д. В. Моисеева. Мурманск в творчестве российских писателей представила директор Мурманской областной научной библиотеки Е. В. Синева.

Результаты всестороннего изучения исторических источников в рамках исследования истории колонизации Мурманского берега Карело-Мурманского края были доложены к.и.н., зам. зав. отдела истории края Мурманского областного краеведческого музея Е. А. Ореховой.

История городского общественного транспорта узкоколейной железной дороги (1918–1934) и проблемы Мурманского транспортного узла в годы Великой отечественной войны нашли отражение в докладах главного археографа ГАМО Д. А. Ермолаева и преподавателя истории СОШ № 10 г. Петрозаводска В. Н. Копанева.

К.и.н., профессор МГТУ А. К. Порцель познакомил аудиторию с интересными фактами из истории становления промышленного лова сельди на Мурмане в предвоенные годы, а к.ф.н., доцент МФ СПб УГПС МЧС России М. Л. Захаров представил ретроспективу развития пожарной охраны Мурманска в 5 пятилетке.

Второй конференционный день закончился круглым столом. Были подведены итоги работы и принята резолюция конференции, в которой особенно было отмечено продуктивное взаимодействие в рамках научного диалога представителей ведущих отраслей, госслужб области и сотрудников учреждений науки, культуры и образования Северо-Западного региона.

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna,

PhD (History), Leading Researcher Fellow of Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

И. А. Разумова

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ СТАНЮКОВИЧ

I. A. Razumova

INTERNATIONAL CONFERENCE IN MEMORY OF TATIANA VLADIMIROVNA STANYUKOVICH

26–27 сентября 2016 г. в Санкт-Петербурге в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН прошла конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Татьяны Владимировны Станюкович (1916–1992) – выдающегося этнографа, доктора исторических наук, автора известных трудов по истории Кунсткамеры, этнографическому музееведению, специалиста по материальной культуре восточнославянских народов.

Научная биография Т. В. Станюкович началась в годы войны в эвакуации, в Сталинабаде (Душанбе). Работая в Таджикском филиале Академии наук СССР, она изучала культуру русских переселенцев в Средней Азии. С 1948 года жизнь и деятельность Т. В. Станюкович были связаны с Музеем Антропологии и Этнографии РАН. Вначале она стала первым и

единственным на тот момент сотрудником Музея М. В. Ломоносова, формировала первую экспозицию этого музея, а позже, работая сотрудником Восточнославянского сектора, и другие музейные экспозиции и выставки Кунсткамеры. С течением времени Татьяна Владимировна стала одним из видных историков Кунсткамеры. Наверное, самая известная ее книга – «Этнографическая наука и музеи» (1978). За годы работы Татьяна Владимировна воспитала немало учеников, которые работают в разных научных и музейных учреждениях страны.

На конференции предполагалось обсудить проблемы, связанные с основными аспектами научной деятельности Т. В. Станюкович, а также рассмотреть развитие тех тем, начало которым было положено в ее трудах. С именем Т. В. Станюкович ассоциируется, в первую очередь, такое направление исследований, как историческое музееведение, но она была этнографом широкого профиля. Как выяснилось, даже не всем коллегам по «этнографическому цеху» был известен полный спектр ее научных интересов. В соответствии с тематикой, которая разрабатывалась Т. В. Станюкович в разные годы, сформировались секции конференции:

- традиционная культура восточных славян и полевые исследования;
- типология и картографирование явлений традиционной культуры;
- функционирование предметов в традиционном и современном быту;
- переселенцы из России в Центральной Азии и Казахстане;
- этнографические музеи: история и современные проблемы;
- историография Кунсткамеры как первого российского общедоступного музея;
- музей М. В. Ломоносова как музей истории науки.

В работе конференции участвовали 57 представителей отечественных и зарубежных научно-исследовательских центров, музеев, вузов: МАЭ РАН, Института этнологии и антропологии РАН, Российского этнографического музея, Института русской литературы РАН, гуманитарных подразделений Карельского, Кольского, Коми, Южного научных центров РАН, Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, Института социальной антропологии им. Макса Планка (Халле), Университета Хельсинки, Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Российского государственного гуманитарного университета, Московского гуманитарного университета, Российского института истории искусств, Сыктывкарского государственного университета, Омского государственного университета, Ульяновского государственного педагогического университета, Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова (Анадырь), Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Алтайского государственного краеведческого музея, Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва), Пушкинского заповедника (Псковская область), Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана (Москва) и ряда других.

Первое пленарное заседание началось с доклада к.и.н. М. В. Станюкович (МАЭ РАН) «Семья и судьба Татьяны Владимировны Станюкович». Это был рассказ о династии, среди представителей которой на протяжении нескольких веков были военные, крупные ученые, государственные служащие, литераторы,

в том числе известный писатель. В XX веке многие члены семьи испытали на себе драматическую судьбу русской интеллигенции.

О вкладе Т. В. Станюкович в создание первой экспозиции Музея М. В. Ломоносова шла речь в докладе заведующей Музеем, к.и.н. М. Ф. Хартанович (МАЭ РАН). Доклад к.и.н. Л. С. Лаврентьевой (МАЭ РАН) «Экспедиции Т. В. Станюкович» содержал обширную информацию о полевых исследованиях Татьяны Владимировны, которые она проводила в Таджикистане, Казахстане, Киргизии, в экспедициях в Татарскую АССР, Кировскую, Молотовскую (Пермскую), Свердловскую области. Х. Фермойлен (Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Халле, Германия), автор недавней монографии о становлении антропологии в Европе «The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment» (2015), выступил с докладом «The Genesis of Ethnography in Eighteenth-Century Russia: The Kunstkamera and Tatyana V. Stanyukovich», в котором остановился на вкладе Т. В. Станюкович в историографию европейской антропологии.

История Кунсткамеры в работах Т. В. Станюкович стала темой доклада к. филол. н. Н. П. Копаневой (МАЭ РАН), в котором на основе документов архива РАН были показаны предыстория создания труда «Кунсткамера Петербургской Академии наук» (1953) и его последующее обсуждение. Доклад был, в частности, интересен тем, что показал ценность диалогов автора с рецензентами в качестве источника по истории науки. На секции, посвященной историографии Кунсткамеры, о работе Т. В. Станюкович по созданию экспозиции традиционной культуры народов материковой Юго-Восточной Азии рассказала д.и.н. Е. В. Иванова (МАЭ РАН). Другие докладчики обращались к истории отдельных коллекций Кунсткамеры и экспедициям, благодаря которым они формировались. В частности, д.и.н. А. К. Салмин (МАЭ РАН) познакомил с биографией сотрудника Кунсткамеры Тобиаса Кенигфельса и с материалами, собранными им среди северных чувашей в 1740 году, а д.и.н. С. В. Березницкий (МАЭ РАН) посвятил доклад китайским экспедициям XVIII века.

Часть докладов была посвящена истории этнографических музеев в XX веке. В двух из них речь шла о деятельности музеев стран Востока: Правительственного музея в Мадрасе в 1910–1920-е годы (доклад к.и.н. Е. С. Соболевой, МАЭ РАН) и зороастрийских музеев Ирана (доклад к.и.н. В. Ю. Крюковой, МАЭ РАН). Остальные темы касались истории российского этнографического музееведения и современных проблем музеев. Проблема взаимоотношения власти и музейного сообщества на разных этапах советского периода обозначилась в двух докладах: к.и.н. Г. Ананьева (СПбГУ) «"Побольше уважения к культурным традициям!": Этнографические музеи в эпоху революций» и Е. В. Аброськиной (РЭМ) «Российский этнографический музей в фокусе музеелогических исследований 50–80-х гг. XX вв.». Рассматривались социально-экономические и концептуальные проблемы, которые особенно актуальны для «периферийных» и ведомственных музеев, в частности, они были проанализированы в докладе к. филол. н. О. В. Кузнецовой (ЕУ СПб) «Деревенские музеи Пинежского района Архангельской области». Отношение к музейным артефактам, их интерпретации, смыслы «знаковых» экспонатов для местного сообщества стали предметом рассмотрения в докладе к.и.н. О. В. Змеевой и к.и.н. О. В. Шабалиной (ЦГП КНЦ РАН) «"Совершенно светский колокол...": к истории одного музейного экспоната». Заслуживающая

внимания, хотя и не бесспорная интерпретация концепции вузовского музея была предложена Ю. И. Ковырщиной (ЕУ СПб) в докладе «Музей эпохи перемен: концептуализация истории рыбопромышленной отрасли в коллекции Мурманского государственного технического университета». Можно сделать вывод, что музеи российского Севера вызывают сейчас большой интерес исследователей.

На секции, посвященной символике и функционированию элементов материальной среды, внимание сосредоточилось на нескольких предметных областях. Из пищи приоритетом является хлеб, о нем шла речь в докладах к. филол. н. В. Е. Добровольской (ЦРФ, Москва) «Выпечка села Козинка: обрядовая и бытовая жизнь традиции (по материалам Грайворонского района Белгородской области)», к. филол. н. М. Г. Матлина (Ульяновск) «Типология действий с хлебом в свадебной обрядности Ульяновской области», к.и.н. К. К. Логинова (КарНЦ РАН) «Пища Обонежья». В фокусе этнографических интересов также деревянные постройки: традиции оформления деревянного дома в Павловском Посаде в конце XIX – XX вв. (доклад к. филол. н. О. Б. Балашовой, фонд ЛИТО, Москва), организация деревенского жилища Русского Севера во второй половине XX в. (доклад А. В. Степанова, АНО «Проповский центр», Москва), современное храмостроение в заполярных городах (доклад А. С. Давыдовой, ЦГП КНЦ РАН) и текстильные изделия, в том числе в составе музейных экспозиций (доклад Н. И. Ковалевой, РЭМ). Анализ символического языка вещей, их многообразных культурных связей показала д.и.н. М. Ф. Альбедиль (МАЭ РАН) на примере технологии изготовления, декорирования утвари, обращения с предметами в непальской культуре. К. филос. н. А. Сурво и к. филос. н. В. Сурво (Университет Хельсинки, Финляндия) в докладе «Текстильные символы Финляндской культуры» продемонстрировали процесс актуализации предметных символов под влиянием политических и культурных факторов на протяжении XIX–XX вв. О. А. Сулейманова (ЦГП КНЦ РАН) рассмотрела традиционные предметы, которые сохраняются или воспроизводятся кольскими саамами в городском быту. К.и.н. А. А. Ярзуткина (Анадырь) проанализировала процессы включения промышленных товаров в культуру коренных народов и трансформации предметов традиционной культуры в товары по мере развития торговых отношений на Чукотке в начале XX в.

На секции по картографированию традиционной культуры обсуждались вопросы методологического характера в связи с подготовкой «Этноконфессионального атласа Ленинградской области», о работе над которым рассказал к.и.н. А. И. Терюков (МАЭ РАН). Острую дискуссию по методологическим вопросам вызвал доклад к.и.н. В. Э. Шарапова и к.п.н. И. В. Земцовой (Сыктывкар) «Об этнографическом атласе “Народное изобразительное искусство коми”». Еще одно критическое обсуждение, уже на секции «Переселенцы и мигранты», последовало за докладом студентки К. А. Плясунковой (МГУ) «Проблемы адаптации немцев Поволжья в условиях спецпоселения», выполненном на собранном ею полевым материале. В обоих случаях критике подверглась возможность рассматривать культуру или историю общности как этнически специфическую, без учета взаимовлияний и общих исторических контекстов.

На секции, посвященной миграционным процессам, большой интерес вызвали результаты исследования современных старообрядцев, которые были представлены в докладе к.и.н. Н. С. Душакковой (РГГУ) «О “настоящих кацапах” и “других старообрядцах” Северо-Западного Причерноморья: база данных по этноконфессиональным», и доклад заведующей музеем Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону) Т. Ю. Власкиной, в котором аргументировалась идея, что состав групп с великорусским или малороссийским доминированием значительно более сложен, чем принятое разделение южнороссийского населения на «казачье» и «не казачье».

В целом научное значение конференции определяется тем, что, во-первых, она показала определенный «срез» тематики и общего состояния отечественной этнографии, во-вторых, выявила сходство в постановке проблем в современной российской и европейской этнографии и социальной антропологии – при всем различии и многообразии концептуальных подходов. В-третьих, на примере трудов видного советского ученого подтвердилась невозможность однозначных оценок опыта советской этнографической науки, прежде всего, в части исторической и описательной этнографии.

Мемориальная конференция предполагает выступления-воспоминания. Им было посвящено итоговое пленарное заседание. Прозвучали эмоциональные и содержательные выступления д.и.н. Е. В. Ревуненковой (МАЭ РАН) – о личности Татьяны Владимировны, коллегиальных отношениях с ней, и к.х.н. М. В. Воеводской (Президиум РАН) – судьба ее семьи, отца тесно переплелась с судьбой семьи Станюкович. К.К. Логинов поделился воспоминаниями о Татьяне Владимировне как о научном руководителе. Завершением мемориальной части и всей конференции стал просмотр фильма А. Е. Финченко «Музей вепсской культуры и быта “Вепсская изба” (“Vepsöiden Pert”) имени Т. В. Станюкович». Можно заключить, что функцию сохранения памяти о замечательном человеке и ученом Татьяне Владимировне Станюкович научное сообщество выполнило достойно.

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Razumova Irina Alekseyevna,

Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow of the Barents centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

Научное издание

ТРУДЫ
КОЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск 10

Технический редактор В. Ю. Жиганов

Подписано к печати 27.10.2016
Формат бумаги 60x84 1/8.
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 17.1. Заказ № 52. Тираж 300 экз.

Российская Академия Наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Кольский научный центр Российской академии наук
184209, Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14

